

Министерство культуры и молодёжной политики Самарской области
и Самарская областная писательская организация
представляют в проекте
«Народная библиотека Самарской губернии»
книгу

Евгений Семичев

ВОИТЕЛИ ФОРТУНЫ И СУДЬБЫ

Стихи

Русское эхо
2012

*Проект «Издание книги
Евгения Семичева «Воители фортуны и судьбы»
реализован при грантовой поддержке
Губернатора Самарской области*

Семичев Е.Н.

С 30 Воители фортуны и судьбы: Стихи. — Самара: Русское эхо, 2012. — 288 с.

ISBN 978-5-904319-75-5

Семичев Евгений Николаевич — выдающийся русский современный поэт. Член Союза писателей России. Секретарь Правления Союза писателей России. Родился в 1952 году. Автор поэтических сборников «Заповедный кордон», «Свете Отчий», «От земли до неба», «Российский развилоч», «Соколики русской земли», «Небесная крепь», «Великий верх», «Аргуван», а также многочисленных публикаций во всероссийских центральных, региональных и зарубежных изданиях. Окончил Куйбышевский государственный институт культуры и Высшие литературные курсы при Московском государственном литературном институте им. Горького.

Дважды лауреат всероссийской ежегодной литературной премии журнала «Наш современник» (Москва). Лауреат всероссийской премии «Новая книга России» (Москва). Лауреат Всероссийской премии им. М.Ю. Лермонтова (Пенза). Лауреат Большой литературной премии России (Москва). Лауреат Международной московской литературной премии «Золотое перо» (Москва). Лауреат международной поэтической премии им. Расула Гамзатова (Махачкала). Лауреат Всероссийского фестиваля православного творчества «Рождественская звезда» (Саранск). Лауреат самарской губернской премии в области литературы (Самара). Лауреат всероссийской литературной православной премии им. Александра Невского «Служение России» (Санкт-Петербург).

Книга Евгения Семичева «Воители фортуны и судьбы» выходит в год двухсотлетия Победы России в Отечественной войне 1812 года, а также в год 60-летия Евгения Семичева. В сборник вошли как новые, так и ранее написанные стихи автора. А также отзывы-рецензии на стихи Евгения Семичева выдающихся современных русских поэтов, современников Евгения Семичева. Это члены Союза писателей России Валерий Михайлов (Казахстан, Алматы), Юрий Перминов (Омск), Александр Нестругин (Воронеж).

Книга выходит в год 200-летия Отечественной войны 1812 года.

ISBN 978-5-904319-75-5

© Семичев Е.Н., 2012.

© Русское эхо, 2012.

НЕМИНУЧИЙ ПОЭТ

Поэт есть явление предков, которые в нём заговорили. А с ними заговорила земля, на которой они жили, заговорила история. Жила-была кровь на земле, неведомо как сливалась по законам жизни и любви, баяла-говорила и пела, но в слове высоком — в Слове ещё молчала. Мелева много, да помолу нет. Несла сквозь себя язык, напев речи, звучание песни и то невыразимое до поры до времени тревожное, созревающее волнение, что предшествует Слову. Тяжелела родова поэтом, дожидалась его, чтобы раз и навсегда разрешиться. И освобождалась от бремени поэтом. Божий дар — кровный дар. В родове Пушкина насчитали более сорока святых русской земли и веры — праведников и великомучеников — не они ли сказались в поэте и помогли ему пересоздать язык на новые времена, народ — на грядущие испытания?.. Земная крепь утверждается крепью небесной. Пушкин, как никто другой, чувствовал связь времён и голос крови:

*Два чувства равно близки нам,
В них сердце обретает пищу:
Любовь к отеческим гробам,
Любовь к родному пепелищу.*

Отеческие гробы — это наши предки, ведомые и неведомые, они с нами, в нас; родное пепелище — это наша страна, наша история. Вспомним ответ Пушкина Чаадаеву в письме 1836 года, незадолго до смерти: «...но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал». Тут, как и в стихах, самое сокровенное: верность Пути, заповеданному народу Создателем, и верность отцам и праотцам, не соступившим с этого Пути.

Евгений Семичев — поэт редкой проникновенности в земные и небесные основы русской жизни, русской души. Его родова — простой люд, в сословном названии которо-

го «крестьяне» так естественно и незаметно утвердилось жертвенное понятие крест. Выражение «нести крест» сделалось расхожим, но разве же в нём незримо не присутствует Спаситель? За века и века Христос стал плотью и кровью тех, кто идёт на свою Голгофу, пусть и не такую высокую, как у Него.

Предки Евгения Семичева, как почти и у всех нас, не оставили по себе имени в истории. Однако эти безымянные мужики и бабы пронесли через века и передали поэту свою любовь к Родине и ко Христу, к жизни и к людям. Иначе откуда бы и взялись его стихи, насквозь пронизанные отнюдь не теплохладным, а горячим — сыновним — чувством. И хотя Семичев не заявляет его напрямую, а выражает в образе, в притче, в сюжете, в прихотливой, имеющей множество оттенков живой интонации, в приземлённой, простонародной — своей — лексике, эта его любовь «к Отчине» глядит отовсюду. Потому что душа поэта открыта, она вся — «нараспашку». Родину свою и народ, и человека в каждом и в себе самом он, говоря старинным слогом, взывает, ревнует о правде и яростно клеймит ложь. Земная Русь поверяется небесной, Святой Русью, ведь истина и правда — они только в Боге. Взискати Господа — значит обратиться ко Господу и всем сердцем прилепиться к Нему и к Его закону. Задача почти непосильная для человека, но ни с чем иным душа поэта примириться не может.

*Прощайте, друзья! Расставаться пора.
Вы выбрали звонкое завтра.
А мне достаётся глухое вчера,
Я с ним остаюсь безвозвратно.*

*Нас грудью вскормила Священная Русь...
Вы выбрали свет и свободу.
А я с разорённой страной остаюсь,
Мой Китеж уходит под воду.*

*Я вас никогда не смогу разлюбить,
Куда б далеко не уплыли.
И буду в затопленный колокол бить,
Чтоб вы не забыли, кем были.*

*Господь нас не выдаст, и боров не съест,
Когда в суете канительной*

*Сверкнёт православного Китежа крест,
Как Родины крестик нательный.*

*И Китеж всплывёт из былинных глубин,
Взметнув Светлояровы воды.
И скажет: «Я тоже свободу любил,
Но Родина выше свободы!»*

Мы живём в новую Смуту, страшнее, подлее и разрушительней всех предыдущих в русской истории, и никто, кроме Бога, не знает, чем она закончится. Поэту в такую пору особенно тяжко. По определению он человек с содранной кожей, чувствовалище боли. А в смутные времена, когда Родина на краю гибели, его страдание порой невыносимо. Вечное тому свидетельство — «Двенадцать» Блока, стихи и поэмы Есенина, грустные песни Николая Рубцова, апокалипсические видения Юрия Кузнецова.

В народную смуту поэт острее, чем когда-либо, переживает за Отчизну. Есенин, с небрежностью отзываясь о своей «ухватистой силе» — таланте («стихи не очень трудные дела»), мгновенно срывался на признание:

*<...>Но более всего
Любовь к родному краю
Меня томила, мучила и жгла.*

А однажды сказал совсем просто, голым выдохом:

*<...> Я люблю Родину,
Я очень люблю Родину.*

Это есенинское ощущение отчего края особенно близко стихам Евгения Семичева, хотя как поэт он другого склада, нежели Есенин, и, пожалуй, больше тянется к Пушкину. Ощутимо повлиял на него и Юрий Кузнецов, тяжелоозвонкая лира которого порой отзвуками слышна в иных стихах Семичева. Но в отличие от Кузнецова Семичев теплее — добрей, сочувственнее к людям, да и кузнецовский сгущённо-философский символ просветлён у Семичева народной сказовой манерой, с её задором, усмешкой.

Зато в отличие от своих предшественников Евгений Семичев беспощаднее к самому себе:

*Была у меня держава,
А я её пропил, тать! <...>*

Это «я», разумеется, собирательное, за ним не только автор стихов, а и весь народ:

*<...> Все мы повинны. Безгрешных не будет
Перед Всевышним на Страшном Суде.*

Или ещё жёстче:

*В небесах ревели истребители.
В подворотнях шастали каратели.
Ваше поколение — победители.
Наше поколение — предатели.*

*С вами лозунг: «Люди, будьте бдительны!»
С нами: «Будьте, граждане, внимательны!»
И не все вы были победители,
Да и среди нас не все предатели.*

*Но гореть, гореть нам синим пламенем —
Общая судьба всем уготована.
И плевать мне, под которым знаменем
Русь моя безвинно замордована!*

Нынче много всяких «знамён» поразвелось, Россия тяжело больна, и двуглавый орёл на гербе всё больше «похож на рака»...

*Блуждает отчий край во мгле,
Как раненый в бреду...
Чем меньше русских на земле,
Тем больше их в аду. <...>*

В непроглядном мраке страна чудится «тюрьмою», «на сердце надсада, хоть вой», но от уныния и безнадежности спасает «чей-то глас»:

*<...> «Отрекаться не будем
Ни от Родины, ни от тюрьмы,
Потому что мы русские люди!..»*

Заметим, не просто голос — глас. Значит — правда, значит — совесть глаголет: а со-весть — Божье слово в человеке.

И тогда поэту чудятся иные видения, приходит понимание того, что народ непомерно устал, ведь ни одной другой стране на Земле не пришлось пережить столько испытаний в минувшем веке.

*Спит народ, как солдат на ходу,
Утомлённый в тяжёлом походе.
Сплю и я, но с народом иду.
И во сне остаюсь я в народе.*

*И во сне от него ни на шаг
Никуда я себя не пускаю.
Упираюсь в походный большак.
Мать-землицу ногами толкаю.*

*Запевалы охрипли. Храпят.
Командиров сморило истомой.
Спит народ, с головы и до пят
Убаюканный чуткою дремой.*

*Эй, взбрыкнувший во сне обормот,
Что кричишь о продажной свободе?
Видишь, спит утомлённый народ
На ходу. Как солдаты в походе!*

*Спит служивый в строю человек.
Отдохнуть на ходу рад стараться.
Может день, может год, может век...
Боже! Дай мужикам отоспаться!*

*Звёзды космос вселенский коптят.
Зорьки в небо всплывают и тают.
Мародёры-шакалы не спят.
Неусыпно народ обирают.*

*Но не рушится воинский строй
И на милость врагам не сдаётся...
Вот народ — богатырь и герой!
Берегитесь, когда он проснётся!*

Как бы ни было худо, поэт Семичев не теряет надежды. Он отнюдь не пророчествует, он слушает ту стихию, которой издавна живёт его кровь, и, чуя народную душу, в простых, всем понятных символах, рассказывает о том, как видится ему грядущая судьба Родины:

*Рассвет на востоке пылает.
На западе тлеет закат.
А Русь умирать не желает,
Живёт и живёт наугад.*

*Её шальный ветер шатает,
Она не считает заплата,
Поскольку доподлинно знает:
Загад не бывает богат.*

*Блажит, Ваньку-встаньку валяет,
Чаёк попивает впригляд.
А вот умирать не желает...
На кой это надобно ляд?*

*И в буйство, и в кротость впадает
У жизни на самом краю.
Гадает и не разгадает
Бессмертную душу свою.*

*То ворон за морем залает,
То вздыбится огненный гад...
А Русь умирать не желает,
Пока не разгадан загад.*

Семичев родился и живёт в российской глубинке, в Поволжье. Само это словцо «глубинка», конечно, не такое блестящее, как «столица», однако разве же оно не произошло от слова «глубина». Может быть, и глубина народной жизни куда более ощутимей вдали от мировых перекрёстков. «Русь вознеслась не единой Москвой... / Волжские вольные волны / То выводили набат вечевой. / То — величальные звоны». Вот когда приходит ощущение того, что «Матушка-Волга — небесная крепь. / Русской души колокольня». Да и не только это...

*В городишке уездном
Я живу — не тужу...
По мерцающим безднам,
Как по лужам, хожу.*

*Высока и отвесна
Надо мной тишина...
Что для русского бездна?
Мать родная она! <...>*

*Здесь, в родном захолустье,
Нестерпимо порой
Пахнет древнею Русью
И землёю сырой. <...>*

Залихватское сравнение «мерцающих бездн» с лужами, как и уездный городишко, отнюдь не просто вызов надменной столице — это, прежде всего, глубинное понимание истинного размаха своей души, русского духа. В бездну пространства неодолимо стремился русский — и доходил до края Земли, до Тихого океана и Аляски, до Северного полюса и Антарктиды, а потом поднялся в космос. В бездну запредельного устремлялась его совесть и мысль — и поставила необходимостью воскресить всех мёртвых предков, вообще всех отошедших в мир иной людей до единого. В бездну Неба возлетал его дух, взыскупя Творца и сердцем приняв Спасителя, — и осуществился в святых праведниках.

Что есть человек? Не искра ли духа, летящая между бездной прошлого и бездной будущего? И кто как не поэт чувствует это всем своим существом... Но та и другая бездны вовсе не пусты: они напоены Божьим светом; а прошлое — ещё и нашей памятью. Поэзия — она повсюду, рядом, но достигается она лишь неведомым подвигом таланта, сердца, мысли и духа:

*Прозрачный осенний покой
Сквозит меж стволами — в пробелах.
И кажется, можно рукой
Достать до небесных пределов.*

*Такой бесконечный простор,
Что лучше за ветви держаться.
Ведь если взбежать на бугор,
То можно и в небо сорваться.*

Поэзия — это особое состояние души, это витание между небом и землёй, когда сердце видит — зрит — вечную суть и вещество жизни — и словесный дар вдруг позволяет коснуться словом этого доселе незримого и несказанного.

*Снег спускался с небес осторожно
И летел,
и летел,
и летел...
И стоял среди снега прохожий,
И растерянно в небо глядел.*

*Может, просто в ночи заблудился.
Может, с верного сбился пути.
Или только что с неба спустился
И забыл, куда дальше идти.*

В природе каждого поэтического дара есть свои особенности. Чем значительнее поэт, тем ярче, сильнее та основа, что вызвала и напитала его лирику. Есть поэты музыки и поэты мысли, поэты света и поэты духа, как, впрочем, и другие. Александр Блок слышал мистическую музыку сфер, улавливая её звуковые волны, «подобные волнам эфира, объемлющим вселенную», — все его стихи пронизаны этой мерцающей музыкой. Лирика Сергея Есенина тоже многим обязана музыке, но это уже напевы родной земли, согретые её солнцем, навеянные её радостями и печалями. В стихах Николая Рубцова словно бы дышит своими ветрами и туманами влажный русский Север, с его лесами, болотами, плавными реками, с его низким сизым задумчивым небом, и здесь звучит в слове тонкая музыка светотени, переходящая в сияние... А вот, например, Юрий Кузнецов — поэт мысли, философских глубин, не убоающийся ни стихий, которые несли его от края и до края, ни тех бездн, что окружают человеческий разум.

Само собой разумеется, что не было и нет поэтов «чисто музыкальных» или «чисто философских». Лирическое начало всякого стихотворца слишком сложно по составу, чтобы его можно было бы определить только каким-то одним качеством, так же и в самом человеке не определена, да и никогда не будет «вычислена» формула его крови. Каждый поэт — неповторим, на особицу; можно назвать только одного, в котором гармонически слились все «начала и концы», — это Пушкин.

Музыки в стихах Евгения Семичева мало, она словно бы растворена где-то «внутри» стихотворения, а наяву слышится лишь тогда, когда это нужно самому произведению, хотя по звукописи его стих прекрасно «оркестрован»; мысли — предостаточно, острой, свежей, парадоксальной, иногда по-скоморошески весёлой и бойкой, а порой — горькой, в духе тех истин, которые нелицеприятными прямыми словами или же притчами изрекали на Руси юродивые; природа как таковая, что, волнуя своими

тайнами, столь властно жила в тючевской поэзии, его занимает мало; главное для Семичева — сама жизнь, людские судьбы, человеческая душа в её взлётах и падениях на пути к Богу. Коротко говоря, основа поэзии Семичева — драматическая, и этим своим свойством поэт заметно выделяется среди современных авторов. К его стихам весьма подходит название пиесы, пьесы, как прежде, в старину, величали небольшие поэтические произведения: так всеобъемлюще, мастерски «разыграны» в них те или иные сюжеты и образы. Взгляд Семичева прям, зорок и мудр, и это глядит не сторонний наблюдатель, «исследующий» жизнь, а человек, у которого душа на разрыв, кто сам плоть от плоти и кровь от крови соотечественников и отдаётся сопереживанию весь без остатка. Вот почему в повседневном нашем житье-бытье ему открывается житие и бытие всего народа.

*Как из дикого смертного боя
Уцелевший усталый боец,
Выходил из крутого запоя
Почерневший Серёжкин отец.*

*И, терпя непосильную муку,
Паренёк, не окрепший ещё,
Под шальную отцовскую руку
Подставлял неумело плечо.*

*Шли глухим коридором барака
На ступеньки родного крыльца,
И упрямо Серёжка не плакал,
Чтоб в беде не обидеть отца.*

*И Отечества светлые дали
Открывались мальцу впереди.
И рыдали, рыдали медали
На широкой отцовской груди.*

Человек любопытствующий, посторонний, не свой тут увидел бы только бытовую неприглядную сценку — и отвернулся. А поэту распахивается во всей глубине трагедия, та непарадная сторона солдатского подвига и ещё та сыновья верность, которой только и жив в веках народ. Поэт смотрит — глазами сердца...

Или другая жизненная картинка, которая, не будь показана с предельной искренностью и душевной чуткостью, сошла бы за обычную, не стоящую внимания:

*На тарелках дрожит холодец.
От вина запотели рюмахи.
От Володьки уходит отец,
А Володька в нарядной рубаше.*

*На дворе ясный солнечный день,
И распахнуто настезь окошко.
За плечо перекинут ремень,
Но оглохла от горя гармошка.*

*Тётя Вера, Володькина мать,
Нарядившись в красивое платье,
Умоляет Володьку сыграть
На прощанье отходную бате.*

*И Володька играет отцу.
Он выводит колена такие,
Что текут у отца по лицу
Неподкупные слёзы мужские.*

*И отец говорит: «Молодец!
Будь разумным и слушайся маму».
На тарелках дрожит холодец,
Разделивший семейную драму.*

*И кричит тётя Вера: «Не тронь!
Откачнись. Не твоё это дело.
Забирай, если хочешь, гармонь.
Эта музыка нам надоела.*

*Не терзай понапрасну меня
И ребёнка не мучай напрасно!..»
И дворовая вся ребятня
С возмущением этим согласна.*

*Переулком уходит отец,
Весь расхристанный, как после драки.
И не тронутый им холодец
Во дворе доедают собаки.*

Драмы послевоенного детства, несколько притуманные воспоминанием и чуть стилизованные под современную

жизнь, всё же окутаны тёплым дыханием людского участия и доброты. Но куда как страшнее и безнадежнее выглядит настоящее, современный жестокий мир, равнодушный к чужому горю, даже к детскому. Семичев не отводит взора от этой беды, и голос его звучит совсем по-другому:

*А над землёй родное солнце
Ласкает светом этажи.
А под землёй в гнилом колодце
Спят малолетние бомжи.*

*Луч, проскользнувший в щёлку люка,
Их нежно лижет по щекам.
Хоть жизнь — паскуднейшая сука,
И всё ж она добра к щенкам.*

*Беспечно русская синица
Поёт про Родину свою...
Что этим спящим детям снится
В их обворованном раю?*

*Быть может, импортная койка
Иль заграничная жратва?
Большая жирная помойка —
Столица Родины Москва.*

*Покуда блеешь ты с похмелья
О материнстве и любви,
В глубоком мрачном подzemелье
Спят дети сирые твои.*

*Пока придворные витии
С трибун возносят демократъ,
Не нация и не Россия —
Канализация им мать!*

«Тихий» лирик Николай Тряпкин от всей этой демократии превратился на склоне дней в яростного публициста, обличая её глупыми строками. И Семичева это позорище тоже выводит из лирического «русла»...

Что и говорить, продвинутое время! Только вот куда? Не иначе как по направлению к концу света. Великая Отечественная, в которой мы победили, вдруг незаметно через десятилетия сменилась другой войной — за поруганное Отечество, и нет этой войне ни конца, ни краю. «Боже!

Как кладбище помолодело, / Как раздобрел ненасытный погост! / Там, где раздольно пшеница гудела, / Ныне крепты поднялись во весь рост. <...>» Но, видно, русскому суждено дойти до последнего края, чтобы наконец понять, что же он такое и что значит его народ на Земле.

*Не надо ни ада, ни рая,
Я был и в аду, и в раю.
Что хата родимая с краю,
Когда вся страна на краю?*

*Поднявшись на зореньке ранней,
Сутулясь, бреду на закат...
Кто Родину любит — тот крайний.
А крайний во всём виноват.*

*Ни адом кромешным, ни раем
Вовек не загладить вину.
Не я ли отеческим краем
Свою называю страну?*

*Не я ли, не я ли, не я ли
Пронёс вас сквозь ад и сквозь рай,
Бескрайние русские дали —
Погибельной пропасти край.*

*Мир грешный давно б завалился
В провал огнедышащих вод,
Когда б на краю не толпился
Пропащий мой русский народ.*

Любовь изменяет зрение, и даже самое обычное, заурядное, тысячу раз виденное вдруг преобразуется в её свете и обнажает свой истинный смысл. Так, серенький дождик, он, оказывается, « <...> не просто траву поливает. / Он нашу жизнь к небесам пришивает. / Небо и землю, как две половинки, / Ангел сшивает на швейной машинке». Или выйдешь вечером из дому, и в дыму рабочей окраины, под лёгким снежком вдруг ощутишь такое:

*Лети, мой блистательный снеже,
Ко мне на свидание днесь.
Когда же ещё мы и где же
Обнимемся, если не здесь? <...>*

Уездный город, место обыденного проживания, не даром дан судьбою: он посреди евразийского большака: душе вольно дышать на просторах всей необъятной страны, ей слышен «речного ветра гуд» в парусах разбойничьих стругов Стеньки Разина, и видна «азиатская волчья тьма», и «Байкал — России светлый нимб». Где родился, там и пригодился. «<...> Истины Божьи простые: / Для человека родные края / В жизни исконно святые». Это выглядело бы общими словами, если бы не сказочное увеличительное стекло сердечной памяти:

*Лопатино — сельцо родное бати...
Бывало, в детстве хлипкого меня
На хлебосольной струганой лопате
Сажала в печку бабушка моя.*

*Чтобы в моём мальчишьем теле хвором
Последний уголёчек не затух.
И обдавала квашеным рассолом,
Из тела изгоняя хворый дух.*

*И тёрла мыльной пеною солёной
Так, что душа пылала горячо...
Я выходил из печки раскалённой
Поджаристым и тёртым калачом.*

*Меня снимала с огненной лопаты
И выносила бабка на руке
С поклоном, словно в царские палаты,
В мир Божий на расшитом рушнике.*

*Я жадно сказки бабушкины слушал
И бабушкины кушал пироги.
И понял: не совсем был прав Ванюша,
Что не полез в печь бабушки Яги.*

*О, детство, ты льняной рушник крылатый!..
Пока на белом свете я живу,
Лопатино и хлебную лопату
Недаром милой Отчиной зову.*

*Пускай ты знаменитостью не стало,
Сельцо моё, но, волею судеб,
Не на метле по небу ты летало,
А на земле лопатило свой хлеб.*

И в нашей поэзии Семичев вышел из раскалённой печи русской жизни — тёртым калачом.

У святого апостола Павла сказано: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею; то я медь звенящая, или кимвал звучащий... Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание, и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви; то я ничто...»

...И слово без любви — не больше, чем попусту звенящая медь или оглушительный гром металлических тарелок.

У Евгения Семичева довольно много стихов и строк о поэзии, о назначении поэта, даже порой кажется, излишне много. Надо ли уж так носиться с поэтством?.. Но среди них есть замечательно проникновенные произведения, совершенно точно, как мне кажется, передающие суть его творчества и его душу.

*По этим ступенькам непрочным,
Ведущим на горестный свет,
По грубо сколоченным строчкам
Спускается с неба поэт.*

*По лестнице этой отвесной
Усталый, угрюмый, хмельной,
Присыпанный пылью небесной,
Забрызганный грязью земной.*

*Небритый, потёртый, помятый,
Проклявший себя и свой век,
Такой никому не понятный,
Упрямый шальной человек.*

*Зачем ему с неба спускаться,
Пускаться в неведомый путь?
Средь добрых людей потолкаться?
Солёного горя хлебнуть?*

*Сидел бы на облаке млечном,
Ничем никому не мешал.
И людям о добром и вечном
Хорошие мысли внушал.*

*Так нет же! На лестнице шаткой —
Того и гляди упадёт! —*

*Он машет приветливо шапкой
И с неба на землю идёт.*

*По этим ступенькам скрипучим,
Ведущим на горестный свет —
По строчкам своим неминучим
Спускается с неба поэт!*

Конечно, отнюдь не небожитель спускается «по скрипучим ступенькам» на землю, к людям, — это небесный дар слетает, нисходит «на горестный свет», воплотившись в слово поэта.

Тайна поэзии несказанна. Что же о «грубо сколоченных строчках» — так это для отвода глаз: на самом деле это — смущение, трепет перед великой тайной Слова.

И мольба о том, чтобы Божий дар не оставил тебя, чтобы эта связь между небом и людьми не прервалась, — эта молитва тоже прикровенна:

*Лунного света дорожка
Посеребрила жнивье.
В небе открылось окошко,
Это окошко — моё!*

*Свет заискрился в зените
И отразился в пруду.
Это мой ангел-хранитель
В небе затеплил звезду.*

*Лёгкими крыльями веет,
Взгляд мой печальный маня.
Может, один он и верит,
Всё ещё верит в меня.*

*Что я скажу в оправданье?
Чем его боль утолю?
Перед лицом мироздания
Лишь об одном я молю:*

*Пусть серебрится дорожка
По вороному жнивью.
Не закрывайся, окошко,
В грешную душу мою!*

Но где же брать силы для жизни, для её новых испытаний?..

И я возопил: «Русь Святая!
Скажи-ответь мне, где ты есть?..»
И, в небе молнией блистая,
Она ответила: «Я здесь!

Под сенью Божьего престола
Я здесь, твоя Святая Русь.
Во имя подвига Христова
С несметной тёмной силой бьюсь.

Кипит вселенское сраженье,
Сметая с неба вороньё...
А там, где ты — лишь отраженье
Испепелённое моё».

На этой горестной земле поэт — всегда воин. Воин света и любви.

Валерий Михайлов,
член Союза писателей России,
главный редактор журнала «Простор» (Казахстан)

БОГАТЫРСКАЯ ПЕСНЯ

Под соколиным крылом Жигулей
Воссиял во всю удаль и ширь
Молодецкою статью своей
Мой самарский народ-богатырь.

По плечу тебе звёздный зенит.
В ноги волжская плещет заря.
По-над степью, как солнце, горит
Золотая душа волгара.

А на Волге вскрывается лёд.
А в бору зазвенел соловей.
И космический первый полёт
Стал заветною песней твоей.

Ты возделал небесный простор
И земной обустроил пустырь,
Как степной великан — Святогор,
Мой самарский народ-богатырь.

Ты своею могучей пятой
Путь-дорожку врагам заступил.
И сияет твой век золотой,
Словно храм, до небесных стропил.

В лихолетье войны мировой
Ты стоическим ратником был.
Героический промысел твой
Мир, спасённый тобой, не забыл.

И молитвенно Волга-река
Твой вселенский читает псалтирь,
Где Создатель вписал на века
Мой самарский народ-богатырь.

Ты отваги немеркнувший щит
И надежды негаснущий свет.
Золотыми лучами прошит
Стяг твоих легендарных побед.

Сквозь разломы прошедших веков
Лёг твой путь, был он мглист и тернист.
В нём трагический стон бурлаков
И разбойничий разинский свист.

Дождь бурлит или валится снег,
Или злой ворожит нетопырь.
Есть у русской земли оберег —
Мой самарский народ-богатырь.

Волны бьются о берег крутой,
Запечатанный в грозный гранит.
Стала Волга засечной чертой.
Нашу звонкую славу хранит.

Когда в берег Засекин врубил
Частокол оборонной стены,
Вряд ли думал, что он застолбил
Запасную столицу страны.

Здесь святитель Алексей-пророк,
На валун водружая просвирь,
За два века до срока предрёк
Мой самарский народ-богатырь.

Над великою русской рекой,
Где таился монашеский скит,
Богатырской сработан рукой,
Вольный город Самара стоит.

Он стоять будет тысячи лет
И цвести, словно Струковский сад,
И встречать соловьиный рассвет,
И ловить нежный девичий взгляд.

И ярыга, и беглый бунтарь,
И купец целовальник-упырь,
Аки всякая Божия тварь,
Мой самарский народ-богатырь.

Все степные луга и леса
За тебя челобитную бьют.
И осанну в слезах небеса
О тебе перед Богом поют.

Ты стоишь у сокольных широт,
Упираясь в небесную ярь,
Мой былинный самарский народ —
Мой родимый отец-государь.

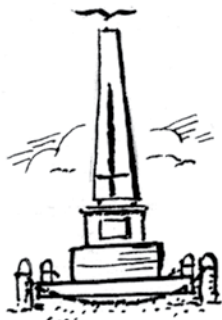

* * *

На крестный престол, на небесный простор
Господь расстелил полотенце.
Два ангела в небе ведут разговор.
Услышать их может лишь сердце.

Когда Млечный путь упирается в грудь,
Сердца открываются чуду.
Друг другу они говорят: «Не забудь!»
И вторят в ответ: «Не забуду!»

И свет не вечерний звезды вновь и вновь
Простор озаряет небесный.
И всё, что вложили мы в слово — Любовь,
И есть млечный путь этот крестный.

* * *

Окошка сумрачный квадратик
Небесный преломляет свет...
Я был отчаянный лунатик
В свои пятнадцать юных лет.

Об этом знали все соседи
Из нашенского курмыша.
Я по ночам о звёздах бредил.
Блуждала в небесах душа.

Пока ровесники метались
В снах эротических своих,
Я не испытывал к ним зависть
И был для них — «кошмарный псих».

Мои ночные похождения
Меня прославили сполна.
Ко мне имела снисхожденье
Вся наша местная шпана.

Я был на сырых не в обиде,
Но замечал издали,
Когда они, меня завидев,
Крутили пальцем у виска.

...Я стал седым и сплю нормально,
В ночной не странствую глуши.
Из всех явлений аномальных
Я признаю — полёт души.

Небесным светом облучённый,
Я понял через много лет,
Что был с рожденья обречённый
На кличку звонкую — «Поэт!»

* * *

Привет вам, цветы полевые,
В мой отчий влюблённый край.
Когда вас увидел впервые,
Проснулся в душе моей рай.

Я понял, что рай ещё помню.
И поля шатровый овал,
Как щедрую руку Господню,
Создавшую вас, целовал.

Простите, анютины глазки,
Татарник, шалфей, иван-чай,
Что прежде без дружеской ласки
Я вас оставлял невзначай.

Поклон вам мой самый сердечный.
В родимой моей стороне
Своей красотой безупречной
Вы сердце утешили мне.

Я вас заключаю в объятия,
Когда на коленях стою.
Мои молчаливые братья,
Мы встретимся в Божьем раю.

Небесной согретые дланью,
Цветущие каждой весной,
Не вы ли земное признание
Всем сущим в любви неземной.

Я плачу по Родине отчей,
А вы благодарно в ответ,
Склоняясь, целуете очи
И сердцу даруете свет.

* * *

Небо начинается с земли
И восходит в космос выше крыши,
Только облака и журавли
В небе проплывают ещё выше.

Плача, негодуя и смеясь,
Все мы мимоходом, ненароком
Небеса затаптываем в грязь
Всуе, забывая о высоком.

Бог, даруя разум нам и плоть,
Укрывает небом нас окрестным.
Так ещё при жизни всех Господь
Причисляет к жителям небесным...

Все мы к свету тянемся из тьмы,
Связанные высшею любовью.
Отчего же так бездушно мы
Небосвод заляпываем кровью?

Я и сам по глупости мирской,
Как верблюд, в гордыне непристойной
С рабскою презренной тоской
Харкал на небесный свод престольный.

Всех нас выделяя из толпы,
Каждому, кто на его дороге,
Как Христос учеников стопы,
Небо омывает наши ноги.

Бог ещё на жизненном пути
Стелет небеса нам в изголовье.
...Сколько человечеству расти,
Чтобы встать над миром с небом вровень?!

КРЕМЛЁВСКИЙ ОБЕД

Я вспомнил полустанок свой,
Затерянный в степи.
Бачок вокзальный питьевой
И кружку на цепи.

Такие были времена —
Душой не покривлю —
Была прикована страна
К Московскому Кремлю.

Переживала моя степь
Наследие войны...
Потом и с кружки сняли цепь,
И сняли со страны.

Я вспомнил детство, дурачок,
С печалью на челе,
Когда увидел тот бачок
На празднике в Кремле.

Чем он меня затронуть смог
Весенним ясным днём?
Ведь в нём всё тот же кипяток,
Заваренный Кремлём!

И только не было цепи,
Как будто с детством связь
В послевоенной той степи
Навек оборвалась.

Официантов стройный ряд,
Застывший вдоль стены.
У этих праздничных ребят
Лицо моей страны.

И одноразовый стакан
Дрожит в моей руке.
И пролетарии всех стран
Глядят на Кремль в тоске.

Кремлёвский праздничный обед
В глазах моих застыл,
Как белый вольный Божий свет,
Что в детстве красным был.

И я своей душе сказал,
Что это торжество
Напоминает мне вокзал
Из детства моего.

* * *

Безмолвствует затравленная челядь.
Растерзана азийская страна.
Как волчья окровавленная челюсть
Зубчатая Кремлёвская стена.

Россия! Ты — кормящая волчица.
Твои клыки от голода стучат.
Понуро за тобою волочатся
Твой выводок — четырнадцать волчат.

Они ползут на материнский запах,
Они клыками режут твою грудь.
Воротят морды глупые на запад,
Чтоб молоко излишнее срыгнуть.

То кровь твоя по их гуляет венам.
Они друг другу холки теребят.
От титек отвалившись суверенно,
Вольны рычать и тьякать на тебя.

Их хищный взгляд на кровное намётан.
Их ноздри бередит родная кровь.
Они — щенки волчиного помёта.
У них к тебе звериная любовь.

БРАТКИ

Костерок у притихшей реки.
Птахи певчие в небе порхают.
Постреляли крутые братки,
А теперь по трудам отдыхают.

Постреляли таких же братков
Из чужой и непрошеной стаи...
Дух хмельных голубых васильков
В чистом небе блаженно витает.

Вожделенно дымят шашлыки.
Водка плещет ручьём быстротечным.
Поминают убитых братки,
Памятуя о Царствии вечном.

Уложили чужих и своих
Без суда и разбору, по пьяни.
Бог, прими души грешные их!
Все по жизни они христиане.

Не вини, не казни, не клейми
Воровскую блатную ораву.
А как есть, всю её восприми,
Как воспринял убийцу-Варраву.

Ибо все они — эти и те —
Люди русские, кровные братья,
На соседнем с Иисусом кресте
Распахнули для мира объятя.

Не лишай их всевышней любви
И прощенья родного народа.
Ведь извечно по горло в крови
Восседает на троне свобода.

* * *

Окно всегда считалось ликом
В державном русском терему.
Проходим, странникам, каликам
Вменялось кланяться ему.

В миру ещё во время оно
Не дверь, не красное крыльцо —
Окно светилось, как икона,
И света отчего лицо.

Да, русич по миру скитался,
Но возвращался в отчий дом.
А уходя, окно старался
Забить андреевским крестом.

Что значило: в житейском море,
Святую вознося мольбу,
Безродное не мыкать горе,
А русскую пытаться судьбу.

Пётр прорубил окно в Европу,
Чтоб утвердить России стать.
Чего так рвутся остолопы
Лицо державы забивать?

Неужто сын, как вор безродный,
Стыдясь перед Европой всей,
Забьёт доскою лик иконный
Несчастной матери своей?

* * *

Читал мои стихи и плакал,
Печаль не в силах превозмочь.
Спать не давал своим собакам:
Стихами их травил всю ночь.

К утру его подушки взмокли.
Постель насквозь проволгла вся.
Собаки от волненья сдохли,
Печали не перенеся.

Он встал, шатаясь, словно пьяный,
Себя не помня, как в бреду.
Лопату взял, чтоб вырыть яму
И закопать собак в саду.

Хотел от горя застрелиться,
Припомнив все свои грехи.
Подумал и — решил напиться,
И больше не читать стихи.

Он пил полгода без закуски,
Устроив знатную гульбу.
Он был отважный новый русский,
А вот теперь лежит в гробу.

Как пошутила беспристрастно
Над ним насмешница-судьба...
Поэзия — небезопасна.
Помянем Божьего раба!

* * *

В этом мире Праздник Солнца
Миллиарды зим и лет.
И к чему ни прикоснешься —
От всего исходит свет.

Тьму веков пронзает светом
Неба солнечная твердь.
И не надо быть поэтом,
Чтобы горний свет узреть.

Облаков льняная млечность.
Небо плещет синевой.
Перемальвает вечность
Солнца жернов огневой.

На поля, луга и ельник,
На полынь и бересклет
Бородатый сеет мельник
Негасимый Божий свет.

А в лучистом горне солнца
Для земных насущных треб
Божьей волею печётся
Золотой небесный хлеб.

Этот мир искрист и светел.
И блажен из века в век.
В этом мире, что он смертен,
Знает только человек.

Отчего ж стою печальный,
Светом солнечным сражён?
Оттого, что гость случайный
Я на празднике чужом.

* * *

Сизый месяц за млечную тучку нырнул,
И туман над рекою алеет.
Это Бог наш вселенскую стужу вдохнул
И Россию на выдохе греет.

Полыхает костром заревым небосвод
Над унылым мирским бездорожьем.
И не сгинет Россия, покуда живёт
На спасительном выдохе Божьем.

Зря кликуши истошно хоронят её.
Пировать на костях не придётся.
Понапрасну клубится над ней воронья —
Не затмить ему русское солнце.

И пребудет Россия во все времена,
Потому что на вечные лета
Светом Божьим вселенским омыта она
И дыханьем Господним согрета.

* * *

Ну, что, дружок, продрог?
Садись поближе к печке.
Буран в бараний рог
Согнул ветлу у речки.

Упрямый, как баран,
Таранит стёкла окон.
Ослабься на буран,
Труба завыла волком.

Благословим судьбы
Звериные повадки.
Дым плещет из трубы.
А значит — мы в порядке.

Труба ревёт, как зверь.
А за родным порогом
Буран упёрся в дверь
Своим кручёным рогом.

Налей себе вина.
И мне по дружбе малость.
Буранная страна
В наследство нам досталась.

И ледяной таран
Нам от роду не страшен.
Пускай буран-баран
Под нашим боком пляшет.

Какая — к черту! — грусть?
Вино печаль развеет.
Заснеженная Русь
Сынов в объятьях греет.

Вино разгонит кровь
И сбросит с плеч усталость.
Буранная любовь
Нам к Родине досталась.

Стоит, как святой дух,
В буранном переулке
Небесный наш пастух
В своей буранной бурке.

Среди буранной тьмы
Рыдают колокольцы,
Чтоб не забыли мы,
Что мы Господни овцы.

Чтобы смогли найти
Тропу к своим истокам.
И с млечного пути
Не сбились ненароком.

В космической пыли
Клубится русский воздух.
В шестую часть земли
Упёрся Божий посох.

Россия — третий Рим.
Другого быть не может.
Крылатый Серафим
Целует посох Божий.

Взгляни, дружок, в окно:
Там небо стужу мелет
И млечное руно
России в ноги стелет.

* * *

Когда полночные снега
Укрыли пастбища и доли,
Мой сад оделся в жемчуга,
Дремучий, как туземец голый.

Плеснула стайка снегирей
Ему на ветви алой краски.
И сад, как племя дикарей,
Заколыхался в дикой пляске.

То ли колдун, то ли шаман
Шиповник лупит в лунный бубен.
А кто из нас сегодня пьян,
Мы с ним разгадывать не будем.

И нету в том вины ничьей,
Что оба мы пьяны, как черти.
Но я его ещё дичей
И весь, как есть, в звериной шерсти.

Во мне проснулся вольный зверь,
Что спал под волчьей шкурой ночи.
А ну, посмотрим, кто теперь
На пляски дикие охочей.

Такая темень в декабре —
Мороз мурашками по коже.
Вселенная с луной в ноздре
На вепря лютого похожа.

Кого из нас хоть раз луна
Хмельным не опоила светом?
Россия — дикая страна,
Где всяк рождается поэтом.

Не говори мне о любви.
О ней премного люди знают,
Когда в метель, как соловьи,
Собаки в рифму завывают.

В такую ночь хоть волком вой,
Призрев рассудочную трезвость.
Мир укрывает с головой
Зимы разнеженная зверость.

Мне по душе хмельной дурман.
Он кровь горячую не студит.
А кто из нас, читатель, пьян?
Давай разгадывать не будем.

ЯСАК

1

— Что ещё русские, плачут?
— Воют и волосы рвут.

— Видно, они нас дурачат,
Если так дюже ревут.
Что же, обратно идите.
Режьте, как подлых собак.
Глотки зубами порвите,
Но соберите ясак.
Бейте. Давите арканом.
Жгите огнём и бичом.
Видно, презренным шакалам
Есть ещё плакать о чём.

2

— Что ещё русские, плачут?

— Нет! Они горькую пьют.
Пляшут. Друг друга собачат.
Песни срамные поют.
Видно, устали бояться.
Нечего больше терять.
Если к рассвету проснутся,
То соберут свою рать.
Шибко они матерятся
В пьяном угарном бреду...

— Значит, пора возвращаться
Нам в Золотую Орду.

* * *

Ю.К.

Рванул из отчих берегов
К небесной славе.
А мне завистливых врагов
Своих оставил.

Мои враги — не слабаки.
Твои — покруче.
Мне отмахнуться не с руки.
Беру — до кучи!

Как твоему ученику
Куда мне деться?
Вторую подставляй щеку —
Не отвертеться!

Теперь по обе щеки бит,
Как по Писаньям.
И, может, стану знаменит
Врагов стараньем.

Отныне с двух идут сторон
Ко мне напасти...
Учитель, мой тебе поклон!
Спасибо, Мастер!

* * *

Закатилось за осинник лето.
Потемнело речки серебро,
Где, лучась, как звонкая монета,
Солнце становилось на ребро.

А теперь оно неярко светит —
Свечечкой рассеивает мрак.
И печально богомолка крестит
Солнышка копеечный крутляк.

Жители села и горожане!
Этот мир принадлежит не нам.
Все мы в этом мире прихожане
И зашли случайно в Божий храм.

* * *

Русь взрастила меня, меня поит и кормит.
И я знаю, ей больно, когда я вдали.
Можно вырвать меня, но нельзя вырвать корни.
Глубоко они в сердце земное вросли.

Ничего не нажил себе в жизни я, кроме
Горемычной моей материнской земли.
Можно вырвать страну, но нельзя вырвать корни.
Глубоко они в сердце сыновье вросли.

Нашу землю, политую отчею кровью,
Никакие враги не возьмут в оборот.
Можно нас истребить, но останутся корни.
И — из них прорастет будет русский народ.

* * *

Поговори со мной, ворона,
Про светлый день, про отчий край!
Тебя, племянницу Харона,
Архангелы не пустят в рай.

Всю жизнь обьедками питаться,
Не нанося другим вреда.
И над рекой времён болтаться —
Туда-сюда, туда-сюда.

Кому-то с неба — Божья манна
И соловьиный райский сад.
А нам, скрежещущим гортанно,
Дороженька прямая в ад.

И хоть характером не робки,
Не застим мы судьбы ничьей.
Авось сгодимся для растопки
Вселенских пламенных печей.

Покуда райские ворота
От нас скрывает злая тьма,
Поговори со мной, ворона!
Не обижай меня, кума!

* * *

Это дерево лежало
На пригорке до поры.
Это дерево сбежало
В параллельные миры.

По его древесной плоти
Было врезано в ребро
Дорогое имя «МОТЯ»,
Словно царское тавро.

Эту тёмную лесину
Дед на досточки расшил.
И в глухую домовину
Бабу Мотю уложил.

Обронил слезинку скупю.
И сказал: «Прощай-прости!
Вот тебе, Матрёна, ступа.
Бог — судья тебе. Лети...

Пусть земля во мгле согреет
Белы косточки твои.
Это дерево не тлеет.
Это дерево любви.

В райской куще золотистой,
В Божьем радужном саду
По зарубочке лучистой
Это дерево найду!

В его кроне негасимой
Не гнездились вороньё.
Это дерево носило
Имя звонкое твоё.

Ты сама его сажала
В ранней юности, весной.
...Это дерево сбежало.
За тобою в мир иной».

ПАМЯТИ ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА

В долг давал без отдачи
На всю жизнь на мою.
Говорил: «Не иначе,
Разочтёмся в раю...»

Приказал жить стараться.
На вокзал указал.
Как до рая добраться,
Ничего не сказал.

Я до рая едва ли
Доберусь наугад...
На Казанском вокзале
Все дороженьки — в ад.

Поезд «триста весёлый»
Стоит на пути...
— Проводник, на которой
Остановке сойти?

Проводник виновато:
— Пассажир, вам куда?
— Мне до рая бы надо.
— Мы не ходим туда.

Этот пункт очень дальний.
Этот путь слишком крут.
В путевом расписанье
Не означен маршрут.

Вам до рая едва ли
Добрести наугад.
На Казанском вокзале
Все дороженьки — в ад.

...Пожелал жить стараться.
Головой покачал.
Как до рая добраться,
Проводник промолчал.

Поезд «триста весёлый» —
Железный лошак.
Тракт почтовый казённый —
Евразийский большак.

Пешим ходом иль конным?..
Боже, мне помоги!
По церковным иконам
Разношу я долги.

Ставлю свечи и плачу.
Жизнь иначе свою.
В долг даю без отдачи —
Разочтёмся в раю.

* * *

То было во время далёкое оно,
Что скрыла от нас воронёная мгла:
На крыше Вероны сидела ворона.
Она театралкой заядлой была.

На фоне небесной кулисы потёртой
На площадках созвездий мерцали огни.
Весь мир был театром, все люди — актёры.
Спектакль для вороны давали они.

Взирала она неприкрыто надменно,
Как мрачный закат над Вероной алел.
Любила ворона красавца Ромео,
А он на неё и смотреть не хотел.

Воронья любовь не терпела обмана.
Она достигала небесных высот.
Летело на шляпу Ромео гуано,
На русском наречье — вороний помёт.

А как же ещё обратить ей вниманье
На чувства высокой любви неземной,
Коль юное, милое, Божье созданье
В неведение мимо плывёт стороной?!

Прости меня, грешного, пылкая лира,
Что я обрекаю тебя на позор.
Но так поступают все женщины мира,
Когда отвергают их любящий взор.

Ромео влюблён был всем сердцем в Джульетту
И к ней обратил весь сердечный свой пыл...
...А позже трагедию пылкую эту
Шекспир через сердце своё пропустил.

Над ним пролетала в то время ворона
И в руки ему обронила перо...
Шекспир посмотрел на неё отстранённо,
Рукою махнул, улыбнулся хитро.

И пьесу спроворил о мрачной Вероне,
Стихами её опалив горячо.
Но, плут, умолчал о влюблённой вороне,
Как будто бы вовсе она ни при чём!

А люди, смятением любовным объаты,
Толпою на пьесу Шекспира идут...
Вот так беспардонно чужие таланты
Коварные гении подло крадут.

В те годы народец, к искусству причастный,
Был груб и жесток и душой, и умом.
Ворюг не таскал в полицейский участок,
А в бочке купал с перекишим дерьмом.

Такая посуда в театре стояла,
На четверть заполнена смрадной водой...
И было охотников в зале немало
Пополнить её непотребной нуждой.

Шекспир избежал этой чаши позорной
Как видный писатель и знатный артист,
Хоть путь его к славе высокой народной
Был шибко печален и дюже тернист.

И всё же по смерти по воле Харона
Шекспир был отправлен в пылающий ад.
А что же ворона? На крыше Вероны
Надменно глядит на кровавый закат.

На том, завершив свой лирический опус,
Я в зал должен выплеснуть лаву сукна...
Но нищ был театр под названием «ГЛОБУС».
Отсутствовал занавес в те времена.

Шекспиру поставлен был памятник славный
Как добрая память потомкам о нём.
За что же ворона презренным гуано
Его поливает и ночью, и днём?

Ворона, как женщина, в жизни реальной
Всегда поступать, как желает, вольна.
Простим же вороне сей жест театральный,
Поскольку высокая птица она.

Вот тут и поставлена будет мной точка
В согласье с душою и трезвым умом.
...А вечная слава — прокисшая бочка,
Где люди поэтов мешают с дерьмом.

* * *

Вышел и бросил стихи на дорогу.
Видно, пришёл их черёд.
Или же чёрт на ходу сломит ногу.
Или же Бог подберёт.

Бог не торопится. Чёрт догоняет.
Всё же решился настичь.
Глазки прищурил, лукаво пеняет:
«Вы обронили кирпич.

Ежели так станет, походя, каждый
Всякий разбрасывать хлам...
А уверяли доверчивых граждан,
Что строить будете храм».

Господи! Что он ко мне привязался?
Я никогда не любил
Этих досужих, премудрых мерзавцев —
Парнокопытных дебил.

Боже, избави от этого срама.
Всем, чем могу, услужу.
В стену небесного вечного храма
Скромно кирпич возложу.

Пусть он в сверкающей кладке лучистой
Грозной восстанет стеной
Против пронырливой силы нечистой
Этот кирпич именной.

* * *

Вячеславу Лютому

Покуда звуки лютни
Душе твоей слышны,
Нам никакие плутни
От веку не страшны.

А лютики-цветочки
Лазурно голубы,
Как ангельские очи
Неласковой судьбы.

И свет небесной сини
Не может нас не греть.
Пока жива Россия,
Согласно сердце петь.

Душа страдать согласна
И плакать, и любить...
А значит, не напрасно
Господь судил нам быть!

В жару и холод лютый,
Как ад крошечный чёрн,
Кровавой блудной смутой
Нас искушает чёрт.

Но никакие блудни
С пути нас не собьют,
Пока играют лютни
И лютики цветут.

* * *

О, эта русская рулетка —
Хмельная дикая тоска,
Когда стрелять не надо метко,
Поскольку дуло — у виска.

Поэты тянутся друг к другу,
Как и положено родне.
А муза мечется по кругу,
Как мотогогонщик по стене.

Есть в мире праведные вещи,
Когда свободный русский стих
По рожам без стеснения хлещет
Хмельных создателей своих.

Бледнеют дружеские лица.
Гордыня плещет через край...
Поэты, как самоубийцы,
Не попадут по смерти в рай.

Их круг сжимается всё уже...
Но будут и в посмертной мгле
Саморасстрелянные души
Смущать живущих на земле.

* * *

В аду на коленях у главного чёрта
Сидит с кошельком грамотей:
Такая нехитрая с виду работа —
Оплачивать козни чертей.

Но требует всё же крутые повадки
И жёсткий ревнивый догляд,
Ведь ушлые черти на денежки падки
И лапы нагреть норовят.

У них что ни день — то Содом и Гоморра.
Работать никак не хотят.
Налижутся сдуру крысиного мора
И злобно друг друга едят.

А если напьются, то в карты играют,
И всяко грехами сорят.
А деньги казённые тают и тают.
А лапы горят и горят.

Обчистят нахально друг другу карманы
И в тяжком похмельном бреду
Набрешут с три короба, как наркоманы,
Что в райском гуляли саду.

А черти из тех, кто иных побойчее,
Растратив беспутно суму,
Идут на поклон к самому Казначею
И ножки целуют ему.

И хоть Казначей этот — плут и ворюга,
Казна не бывает пуста.
Он каждого чёрта, как лучшего друга,
Умильно целует в уста.

И светятся счастьем чертовские рожки,
Как лампочки в полный накал:
Христос омывал казначейские ножки
И крепко уста целовал.

За что грамотею такая награда
И пышный особый почёт?
Поганое грязное золото ада
Ему ляжки хилые жжёт.

Несметное это богатство откуда?
С тернового брызжет куста.
А кто Казначей тот? Паскуда Иуда,
Торгующий кровью Христа.

МАСТЕР

Гладил ласково по шёрстке.
Был со мною добр и мил.
Глупо по-амикошонски
Называл «Евгуноил!»

Каждой репликой ответной
Уверял, что я не прав.
Серый пепел сигаретный
Стряхивал на мой рукав.

Я бледнел пред ним, как школьник,
И стихами свиристел.
А у кресла подлокотник
Под локтём его хрустел.

Шумный возглас одобренья
На устах его не гас.
И одно стихотворенье
Я прочёл ему семь раз.

Он мне в такт ногами топал,
На себе рубаху рвал,
По плечу меня похлопал,
В лоб меня поцеловал.

И в порыве откровенья
Шумно стул ботинком пнул.
И всего в одно мгновенье
Всё во мне перевернул.

Он сказал: «На всякий случай
Для себя, дружок, реши,
Коль писать не можешь лучше,
Так уж лучше не пиши!»

Он уже сейчас не вспомнит
Ни одной моей строки.
...А моя ключица стонет
От тепла его руки.

* * *

Когда ночь над московским Кремлём
Стелет ангелам Божьи полаты,
Прилетает двуглавый орёл
И, нахохлясь, сидит у кровати.

Сиротливо он жмётся к плечу
И в две глотки протяжно вздыхает:
«Эх, соколик, давай прокачу!
Президент ничего не узнает.

Надоело висеть на гербе
За грехи человечьи распятым,
Вот и я прилепился к тебе,
Как старшой брат ко младшему брату.

Ты, какой-никакой, всё же — свой.
Кто ещё обо мне пожалеет?
Тяжело жить с одной головой,
А с двумя и того тяжелее...»

«Не горюй! — я орлу говорю,
Заклучая по-братски в объяття. —
Ни за что я тебя не корю.
Завтра снова тебе на распятье.

На Руси, на спесивой Москве,
Испокон в головах паутина.
А одна голова или две —
Это Господу Богу едино...»

* * *

В этой роще нечистая сила,
А над нею кружит вороньё.
Эта роща темна, как могила, —
Не заглядывать лучше в неё.

В этой роще матёрые волки
Злобно воют и люто рычат.
И терзают нещадно за холки
Провинившихся малых волчат.

Пахнет сизый туман керосином...
В этой роще и в солнечный день
Меж ни в чём не повинных осинок
Промышляет иудина тень.

Рыщет в шкуре волчиной повсюду.
Человек, если встретится с ней,
Превратится в шишигу-Иуду
До конца своих пагубных дней.

В этой роще гнилое болото,
Где коварные кочки дымят.
Эта роща — лихие ворота
Для идущих безбожников в ад.

Эта роща дурманом объята
В сон клонящих, дурных родников.
Подрастут и зарежут волчата
Постаревших усталых волков.

А нечистая тёмная сила
Перед знаменьем крестным падёт.
А могила — на то и могила —
Если надо, она подождёт.

* * *

Говорю я ему: «Не клонись на зарю».
Только он почему-то не верит.
А известно давно: на земле к сентябрю
Сквозняками из космоса веет.

Что же ты понаделал, мой милый дружок?
Понакликал печальницу-осень.
Вот и тихую рощу за речкой поджжёт,
Листья бьются со звонами оземь.

Небеса на подмогу теперь не зови.
Это пламя исходит из сердца.
Кто из нас не горел на высокой любви?
Все мы, все мы её погорельцы.

Не зальёшь это пламя небесной водой.
Тщетно ангел-хранитель твой плачет.
Я когда-то был тоже, как ты, молодой
И, как ты, думал тоже иначе.

И тебя этот пламень вселенский увлёт.
И твою красоту он схоронит.
Но не слышит меня молодой тополёк,
На зарю свою голову клонит.

* * *

Ты куда, душа, ходила?
С кем в чужом шалалась сне?
Ты опять, душа, блудила,
Словно кошка по весне.

В том краю тебя, блудницу,
Больше видеть не хотят.
Ты стихи в мою светлицу
Натаскала, как котят.

Хватит их на многотомник.
Не проймёшь тебя никак.
Превратила дом в питомник,
Обратила жизнь в бардак.

Эвон сколько — разной масти...
Их топить не стану я.
Не в моей казнить их власти.
Бог, душа, тебе судья!

В суете ненастных буден
Сквозь безвременье и тьму
Выводить их, сырых, в люди
Предстоит мне одному.

И с меня Всевышний спросит,
Чья безгрешная рука
В них, сердечных, камень бросит
Иль нальёт им молока.

* * *

В пору юности радужной вольной
Меня били, как селезня, влёт.
И кричали вослед: «Малахольный
Идиот, сумасброд, рифмоплёт...»

В тихой заводи брэнного мира
Не строчил я святых жития.
Ты прости, малахольная лира,
Что не слишком я холил тебя!

В чистом поле цвели незабудки
Вперемешку с травой полевой...
И бросались с небес мои утки
В тёмный омут любви с головой.

И вода расходилась кругами.
И вертелась кругами земля.
Где-то там, меж двумя берегами,
Заблудилась ты, юность моя!

...Я в иные просторы уехал
На свиданье с великой страной.
Ах, как громко разносится эхо,
Отражённое гладью речной!

Хоть душа и крылатая птица,
Только с горечью думаю я:
«Очень жаль, что нельзя возвратиться
На крути твои, юность моя!..»

Но, блуждая дорожкой окольной,
С необжитого берега шлёт
Всем живущим привет малахольный
Идиот, сумасброд, рифмоплёт.

* * *

Над вселенской бездною
Голуби воркуют...
Подражают бездари —
Гении воруют.

И Шекспир загнул бы
В пламени Аида,
Если бы не кинул бы
Драматурга Кида.

Если б он не выиграл
В карты свои пьесы,
Кто бы где бы видывал
Этого повесу?

Чем плохим родителем
Пропадать без вести,
Лучше быть грабителем
Без стыда и чести.

Золотая истина
В небе обитает.
Что и кем написано —
Лишь Создатель знает.

Колея безбожная
Испокон кривая.
Испокон острожная
Слава мировая.

* * *

Коротка из рая в рай дорожка.
Праведник любой дорожке рад.
Можно удлинить её немножко,
Завернув по ходу в смертный ад.

Можно наломать грехов, конечно.
И хлебнуть гордыни через край.
Только и чистилище не вечно.
Из него ведёт дорожка в рай.

Всё известно грешнику заранее
На крутой поверхности земли.
Если Русь мне — Божье наказание,
Боже, наказание мне продли!

* * *

Вот он — занавес эпохи.
Шлейф трагической судьбы,
Где натканы, как блохи,
Двухголовые гербы.

Он овеян ратной славой,
Словно стяг, восходит вверх.
Дорогой кровавый саван —
Небосвод — один на всех.

* * *

Когда рождается поэт,
Своей слезой одной
Бог омывает горный свет
И бранный шар земной.

О чём печалится Господь
В Божественном раю,
Когда Он облакает в плоть
Одну слезу свою?

Чем Бог утешить хочет нас,
Свою слезу творя?
И так из наших скорбных глаз
Намыты слёз моря.

Поэт — Господняя слеза —
Весь мир в себе хранит.
Его горячие глаза
Устремлены в зенит.

Мы все на горестной стезе
Страдаем за грехи.
Но только в Божеской слезе
Рождаются стихи.

* * *

О Тютчеве стихи писал
В разгар грозы в начале мая.
А Тютчев небо сотрясал,
Мои стихи не понимая.

В лучистом небе голубом,
Как бы резвяся и играя,
Он на меня обрушил гром
И молнии метал из рая.

В чём я душою покривил
Перед тобой, могучий Тютче,
Что ты передо мной явил
Свой лик мрачнее грозной тучи?..

Поэзии Архистратиг,
Ты мечешь огненные мысли.
Чтоб грешный дольний мир постиг
Пылающие Божьи выси.

Пока ты буйствуешь в раю,
Грома небесные вздымая,
И я у бездны на краю
Люблю грозу в начале мая.

ЗАРЕВО ЛЮБВИ

*Любезные мои башкирцы,
молодцы...*

М.И. Кутузов. 1812.

Онемели в рощах соловьи.
Томные оледенели лиры.
Над Парижем зарево любви
Запалили беркуты-башкиры.

Солнечные певчие лучи
Не мечтали о таком размахе.
На себя надели беркутчи
Белые башкирские рубахи.

Весь поход в подсумках у седла
Берегли одежду и мечтали,
Чтобы над чужбиной расцвела
Родина весенними цветами.

Никаким стихам не передать,
Как Париж влюблённостью лучился.
Ведь не зря науке побеждать
Беркутчи у беркута учился.

От альковной приторной тоски
Галльские обезумели дуры.
На Монмартре конные полки —
Северные снежные амуры.

Славные башкирские орлы!
В их глазах огонь любовный жарок.
По четыре огненных стрелы
В сердце у любой из парижанок.

По четыре пламенных стрелы
Достаёт башкирец из колчана,
Чтоб распался мрак бездонной мглы
И на сердце музыка звучала.

Две стрелы пускает он вдогон
На печаль и гибель иноземцев.
Обогнув шатровый небосклон,
Обе поражают вражье сердце.

Следом выпускает ещё две,
Добивая раненого галла,
Чтобы дрожь в кипящей тетиве
На ветру сквозном не остывала.

Как певуча лука тетива!
Это вам не струны слёзной лиры.
На любовь победную права
Предъявляют беркуты-башкиры.

В этом грешном мире лучше всех
Женщины возлюбленные знают,
За какой воинственный успех
Воинов в амуры посвящают.

И ведут лукавый давний спор
Древние башкирские аулы,
Почему же с тех победных пор
У французов каменные скулы?

Вроде не с уральских гор они
И совсем Башкирию не знают...
Почему же даже в наши дни
Так башкир они напоминают?

Жаны, Жаки, Жоржи и Луи...
Егеря, драгуны, кирасиры...
Смерть свою бесславную нашли
Под снегами жаркими России.

Конные башкирские стрелки
В битвах тыщи вёрст перепластали.
И распутным галлам вопреки
Мраморными ангелами стали.

Воина башкирского стрела,
Просвистев в имперском небе хмуром,
Францию от гибели спасла,
Став стрелой сердечною амура.

...Онемели в рощах соловьи.
Над Парижем замолчали лиры.
Запалили зарево любви
Любезары-беркуты-башкиры.

Любезар — любезный человек.
А поэт, в Отечество влюблённый,
Это слово пыльное, как снег,
Перевёл — любовью озарённый.

Далеко не каждому дано
Покорить любезностью французов.
Не на это ли в Бородино
Намекал башкирам граф Кутузов?..

ПОД САЛТАНОВКОЙ. 1812 Г.

Николай Раевский-старший
На французов в бой идёт.
Генерал — герой бесстрашный
Сыновей на смерть ведёт.

Потому, что эти дети,
Шалуны и драчуны,
Путь к победе на рассвете
Указать для всех должны.

Взявши за руки обоих,
Роковой связал судьбой.
И ведёт по полю боя
Полк пехотный за собой.

Он зовёт: «Солдаты-братцы,
За детьми идите в след.
Одному из них семнадцать,
А другому десять лет.

Эти юные герои,
Я ручаюсь головой,
Путь в бессмертие откроют
Вашей славе боевой...»

Шквал французской батареи
Всё сметает на пути.
Смерть над полем брани реет.
И к врагу не подойти.

Высоко в небесном храме,
Приклонившись к алтарю,
В ноги Господу, как знамя,
Стелют ангелы зарю.

И кричит Раевский-младший,
Окликая Божью рать:
«Дайте знамя! В рукопашной
Я умею умирать!»

И встаёт открытой грудью
На врага пехотный полк.
И бурлит под гул орудий
Заревой знаменный шёлк.

Генерал по полю брани
Сыновей на смерть ведёт.
Он картечью вражьей ранен,
Но из боя не уйдёт.

Потому, что эти дети,
Эти кровники войны,
Путь к победе на рассвете
Указать и нам должны.

...Эти юные герои
Под Салтановкой в бою
Вознесли над ратным строем
Славу звонкую свою.

На Руси лихие были
Забияки-барчуки,
Но Отечество любили
И водили в бой полки.

* * *

В землю молнию вбивая,
Прогремел вселенский гром.
Высоко Господь на сваи
Ставит свой небесный дом.

Подпирает Бог столбами
Неба горнее крыло,
Чтобы грешными слезами
Храм вселенский не снесло.

Рассекает воздух пламя,
Гулко в небе грохоча.
В золотом вселенском храме
Возжигается свеча.

Посреди молитвы слёзной
Над землёй в который раз
Упреждающе и грозно
Раздаётся Божий глас.

В небе, грохотом объятый,
Грозно мечется в огне
Божий кмет — Георгий Святой
На пылающем коне.

Льётся слёзная молитва,
Плачут ангелы во мгле...
...Громыхает Божья битва
Ради жизни на земле.

Он

Увидит меня, улыбнётся,
И я его вечный должник.
Мне свет с небосвода прольётся,
Как дождичек за воротник.

Посыпятся искры по коже,
И сердце оттаёт в тепле.
Спасибо, всевидящий Боже,
За то, что он есть на земле.

Он неба коснётся рукою,
И всё засияет вокруг.
Он может ещё не такое.
Он самый любимый мой друг!

* * *

Нет победителей в бою,
Ведь каждый, кто убит,
Уверен, что к вратам в раю
Щит воинский прибит.

Нет побеждённых на войне
И проигравших нет,
Ведь каждый, кто сгорел в огне,
Сам обратился в свет.

Нет пострадавших на земле,
Ведь каждый, кто любил,
К щиту Господнему во мгле
Луч солнечный прибил.

СУРА И САМАРА*

Две кровных сестры у Днепра —
Сбегают к нему с крутояра.
По правую руку Сура,
По левую руку Самара.

Негоже славянской родне
Рычать друг на друга, как волки.
Поклон тебе, батюшка Днепр,
От ласковой матушки Волги.

У древних истоков Руси
Парит неразлучная пара —
Сошедшие в мир с небеси,
Притоки Сура и Самара.

Две красных славянских реки
Питают тебя, русский сокол,
Как крылья по обе руки,
Сура и Самара обопол.**

Главою налево клонюсь,
А сердцем склоняюсь направо
К тебе, моя Крестная Русь,
Моя вековечная слава.

Фортуна к поэту добра.
Её два Божественных дара —
По левую руку Сура,
По правую руку Самара.

* Сура и Самара — одноимённые притоки Днепра и Волги.

** Обопол — с двух сторон.

Родные мои земляки,
Исконные русичи-братцы,
У матушки Волги-реки
Сыны пензяки и самарцы.

Две кровных сестры у меня —
Красивая красная пара.
Моя золотая родня —
Притоки Сура и Самара.

Отец у меня был пензяк,
А мать из крестьянок самарских.
Не зря в моих жилах сквозят
Разбойные волжские сказки.

Живу я на Волге-реке.
Взираю на мир с крутояра.
Сура в моей левой руке,
А в правой ладони Самара.

ДИРИЖЁР

Памяти Александра Пахомова

Ангелы — поющие собратья
И твоя небесная семья.
Поднимаешь руки для объятия.
Льётся с неба музыка твоя.

Фрак в лучах юпитеров искрится,
А манишка снежная бела.
Дирижёр — израненная птица.
Взмах его руки как взмах крыла.

Песня в поднебесье улетает.
И её пронзительный мотив
Пламенем взыскующим пытается
Сердце дирижёра на разрыв.

Песнопенья ангельского хора...
И, как за небесною стеной,
За спиной надёжной дирижёра
Хрупкий мир покоится земной.

* * *

Я пролетел семь тысяч вёрст
И одолел такие дали,
Чтоб отразиться в полный рост
В байкальском солнечном зеркале.

Байкал священный и седой,
Мы друг от друга слёз не прячем.
Умыл меня живой водой,
И моё сердце стало зрячим.

Давно бы мне понять пора,
Что я за всех и всё в ответе.
Теперь мне Ангара — сестра,
Мы все большой России дети.

Байкал — России светлый нимб.
А значит — стоило родиться,
Чтоб преклониться перед ним
И в русском небе отразиться.

Моя небесная родня
Моё прозреньё не осудит.
Теперь Байкал и за меня
Взывать в своих молитвах будет.

* * *

Долой — ботинки, куртка, кепка,
Ремень, багаж... Аэропорт!
За воздух зацепился крепко
Взлетающий иркутский борт.

Пред небесами я бессилён,
Но не бессилён самолёт.
Байкал. «Сияние России».
Душа искрится и поёт.

Сибирским солнечным ампиром
Иркутск возвышен и велик.
А у меня в душе — Вампилов.
Я выбираю Кутулик.

Здесь, где таёжные рассветы
Встречает неказистый дом,
Вихрастый мальчик был поэтом,
А драматургом стал потом.

Здесь в бывшем каторжном бараке
Жить Саше в детстве повезло.
И все в округе буераки
Ещё хранят его тепло.

Здесь каждый камешек окрестный
Бывал с Вампиловым знаком.
И вечный Млечный путь небесный
Кропят бурятки молоком.

ЗДРАВИЦА

За твоё здоровье, Скиф!
За твои стихи и думы,
Разрушающие миф —
Тот, что скифы все угрюмы.

Приангарский дивный свет
На плечах возносят кедр.
Он обласкан и согрет
И твоей улыбкой щедрой.

За тебя! За молодца!!
За улыбчивое сердце!!!
Утирая хмурь с лица,
Я люблю в улыбках греться.

Из таёжных мрачных недр
Жизнь не зря тебя взыскала,
Золотой сибирский кедр,
Свечка светлая Байкала.

Жизнь одна и смерть одна —
По одной дорожке ходят.
Потому и пью до дна
За тебя, мой друг Володя.

* * *

В светлый полдень на пароме
Переходим Ангару.
Словно в солнечном шеломе
Сосны в бронзовом бору.

Мы ангарскому парому
И Сибири не враги.
Примеряемся к шелому,
Щедрой матушки-тайги.

Катинан, седой паромщик,
Воздавая нам почёт,
На лихую жизнь не ропщет —
Глубь ангарскую толчёт.

Говорит: «Любите, люди,
Птицу, зверя и траву...»
Ангара широкой грудью
Держит небо на плаву.

Говорит: «Жеманство бросьте!
Нынче праздник в Усть-Уде.
Разве можно ехать в гости
На сухую по воде?..»

Угощает нас грибами
И кедрач в стаканы льёт...
...Высоко-светло, как в храме,
Небо русское поёт.

* * *

Расскажи мне про речку Китой
Затаённую грустью крутой,
Что кипит, как смолистый настой
Приангарской зари золотой.

Озорными глазами напой,
Как вселенские звёзды толпой
Заповедной небесной тропой
На Китойский идут водопой.

Опиши грозным всплеском страниц
Буйство диких тунгусских зарниц,
Что, как всполохи райских жар-птиц,
В речки родины падают ниц.

Очерти под моею рукой
Моё сердце сибирской рекой.
И гремячей шаманской тоской
Вековую печаль успокой.

В этом мире я знаю один,
Что течёт из былинных глубин,
Из самарских ковыльных равнин
Твой китойский приток Самарин.

Эту тайну хранит под пятой
Древний берег самарский крутой,
Где зарыт ханский клад золотой...
Расскажи мне про речку Китой.

* * *

Месяц плывёт молодой
Мимо окошка доверчиво...
Каждая лужа звездой
Высшей небесной увенчана.

Каждый земной водоём
Орденом высшим пожалован.
Сколько брильянтов на нём:
Бог сыпанул — не пожадвал.

В наших краях и чужих
Видел картину я схожую.
Щедрость правительств земных
Меркнет пред милостью Божью.

Реки, деревья, поля,
Не пропадём мы в безвестии.
Наша планета Земля
В Божие входит созвездие.

Где бы я ни был — везде
Жизнь принимаю с отрадою:
К Божьей представлен звезде,
Высшей отмечен наградою.

* * *

Уснул я у самого края
В раю и упал с небеси.
Но нет ностальгии по раю,
А есть только боль по Руси.

Ушибся я шибко башкою
И вывихнул крепко мозги.
Как жить мне с болезнью такою?
Господь, вразуми, помоги!

Зачем мои выбрали ноги
Такою лихую юдоль?..
Ужель дураки и дороги —
России извечная боль?

И Бог мне ответил тревожно:
«Мой агнец небесный, прости,
Россию спасти ещё можно.
Тебя невозможно спасти!

Заснул ты у самого края
В раю и упал с небеси.
...Коль нет ностальгии по раю,
То боль за Россию неси».

* * *

Заметался по рекам
Синий пламень воды.
Небеса звёздным млеком
Окропили сады.

Вишни млечными стали,
Всем явив свою стать.
И на цыпочки встали,
Чтобы небо достать.

Красным девкам на зависть
Шепчут в сладком бреду:
«Наши ветви плескались
В небесном пруду...»

С благодарною дрожью
Сообщают кусты,
Что на них млечный дождик
Снизощёл с высоты.

И чему тут дивиться,
Коль на Млечном Пути
Даже малая птица
Пьёт с небесной горсти.

У небесной державы
Порядок таков.
Пьют деревья и травы
Молоко облаков.

Кто-то скажет: «Из лужи!» —
И будет не прав.
Взгляд добрее и глубже
У деревьев и трав.

Разливанною трелью
Разошлись соловьи
Над земной колыбелью
Вселенской любви.

Потому-то сегодня
И мне не до сна...
Колобродит, как сводня,
За окошком весна.

* * *

Ласточка-касаточка, сельская жилища.
Крылья полумесяцы — острые серпы.
День-деньской заботливо вяжет Божья жница
Из лучей небесных жаркие снопы.

Вознесут их ангелы в небеса хоромные,
Разнесут по яслям, оттесняя мглу.
Будут кушать агнецы золото солоmnое,
Воздавая Господу звонкую хвалу.

Хорошо им, агнецам — и тепло, и сыто! —
Щедрой Божьей милостью проживать в раю.
Величать молитвенно солнечное жито,
Ласточку-касаточку — кормилицу свою.

У неё, у ласточки, все дорожки — млечные.
И работа тяжкая всякий день в году.
А ещё у ласточки — маленькие птенчики,
Сорванцы сердечные, требуют еду.

Быстро с горки катится золотое солнышко.
А работы всяческой непочатый край.
Поздно засыпаешь ты и встаёшь ранёшенько:
Нелегко даётся он — Божий каравай.

Может, и не самая лучшая деляночка
Выделена Господом для крестьянских дел...
Не печалься матушка, ласточка-крестьяночка,
Без тебя б, родимая, мир осиротел.

* * *

А люди, как в лучшее время,
В хорошего верят царя.
Он вступит в звенящее стремя,
Народную волю творя.

Плащом небеса занавесит.
Щитом остановит раскол.
Продажных и лживых повесит,
А подлых посадит на кол.

От хвори, напасти и порчи
Избавится русский народ,
Когда ему царские очи
Сверкнут у Кремлёвских ворот.

И праведный мир воцарится
На отчей земле на века.
И вдосталь родная земляца
Накормит тогда мужика.

А если лихие бояре
Народ не желают любить?..
...На то и даны государи,
Чтоб головы пёсьи рубить.

* * *

Марине Ганичевой

Городская ласточка — воронок
Поутру срывается с каланчи.
К полотну небесному, как челнок,
Пришивает солнечные лучи.

О, моя божественная швея!
Без тебя бы мир стал уныло сер.
Льётся песня ласковая твоя
Ручейком жемчужным с небесных сфер.

На лету подхватишь ты Божью нить
(В вышиванье золотом знаешь толк),
Чтобы этой нитью соединить
Грубый холст земной и небесный шёлк.

Помогаешь Матери Божьей ты
Плащаницу Господу Сыну шить.
Без тебя весной небеса пусты,
А с тобою солнечно в мире жить.

Без тебя я был бы — рогожный тать,
Наломал для ада немало дров.
А с тобой — небесная благодать,
Богородицы золотой покров.

Вышиваешь Господу ты венки.
Яснокрылым ангелам ты родня.
Городская ласточка — воронок,
От небесных дел не отринь меня!

* * *

Среди небесной сини
У неба на виду
Сидит Попов Василий
Под яблоней в саду.

Украдкою в макушку
Его целует Бог.
И яблони верхушку
Колышет Божий вздох.

О чём поэт мечтает?
О чём грустит поэт?
Про это только знает
Скрипучий табурет.

Объят пожаром сивым,
Приметный за версту,
Сидит Попов Василий
Под яблоней в цвету.

А строчки звонким ямбом
На белый Божий свет
Слетают с веток яблонь,
Как яблоневый цвет.

* * *

На изломе двух веков
Тихой лирики заложник —
Встал Евгений Бутенков
И поставил свой треножник.

Заступил своей пятой,
Невзирая на невзгоды,
Уголочек золотой —
Кроткий краешек природы.

Обласкал и обогрел
Дармовое неудобье,
Потому что в нём узрел
Храма Божьего подобье.

Этот бранный мир страстей
Запорошит вечность пылью.
Сколько копий и кистей
Переломаны, как крылья.

Он воистину любил
Свет безлюдных бездорожий.
И по здешней жизни был
Одинокий воин Божий.

У засечной, у черты,
У степной Криуши-речки
Источают свет холсты,
Как Божественные свечи.

Край осинок и берёз,
Где татарник да осока,
Любят Родину без слёз,
Без надрыва и упрёка.

Свет лугов и облаков
Заключил в багетной раме
Живописец Бутенков
И навек остался с нами.

* * *

Туча вздыбилась хмуρο.
С неба валится снег.
Здравствуй, Перминов Юра,
Дорогой человек!

Над заснеженной ширью
Воздымается дым.
Прирастаю Сибирью
По стихам, по твоим.

Снег искристый и жёсткий
Засыпает мир сплошь.
Как ты там, в своём Омске,
Мой товарищ, живёшь?

Ходят в гости медведи —
Чай с малиною пьют
Иль китайцы-соседи
Из винтовок их бьют?

Хмурым небом влекомы
Сквозь ненастную бредь,
Все мы русские — Комы.
Ком — наш предок — медведь.

Над отеческим домом
Стонет бурый буран.
Даже если блин комом,
Комам, стало быть, нам.

Твои щёки тверёзо
Обжигает мороз.
Под окошком берёза
Индевет от слёз.

Воют лютые волки
На таёжном ветру.
Мой привет тебе с Волги,
Мой собрат по перу.

Над округою синей
Дым клубится рябой.
Прирастаю Россией,
Прирастая тобой.

ОТ ХРИСТОВОЙ РОСЫ

Так бывает. Редко, но — случается...

Чуть более трёх дней общения с Евгением Семичевым, а такое ощущение, что знаешь его всю жизнь. Сколько людей мне знакомы? Сотни... Но о многих вспоминаешь лишь при встрече, зачастую — случайной. Это хорошие, по-своему замечательные люди, но — за гранью ощущения родства между нами. Слишком в себя они, в личные заботы свои погружены, но сам-то — чем пример? Тем, что не только о своей семье радеешь? Впрочем об этом судить не мне... Кстати, «суд» — это часть слова «судьба». Вспомним: «Не судьба крестьянскому сыну калачи есть», «От судьбы не уйдёшь», «Такая судьба!»... Не случайно слово «судьба» в словаре Даля помещено в словарной статье к слову «судить» со значениями — участь, жребий, доля, рок, предопределение, неминуемое в быту земном и др. Всё, что делается судьбою, что суждено провидением, исключает свободную волю человека и, кстати, случай. Судьба — совершенно не христианское понятие: в судьбе есть насилие, деспотизм.

Итак — не случай, не судьба... Что же тогда? Божий промысел, дающий в том числе и возможность знакомств с такими людьми, как поэт Евгений Семичев.

*Те за Россию. И те — за Россию.
Все за Россию... Кто против? Никто!
Только Россию опять не спросили,
Хоть бы спросили: «А ты-то за что?»*

*Как про другую страну голосили.
Дышло им в глотку! Туды — растуды!
Те за Россию. И те — за Россию.
Но — за другую! А нашу — куды?*

Те три дня — это выездной пленум Союза писателей России в Липецке. Понятное дело, что все там были за Россию. Некоторые — «и за Россию». Ну или «за Россию и...» В смысле, «здесь играем, здесь не играем, здесь — рыбу заворачивали...»

*Не обижайся Ты, Господи-Сыне!
Что-то никак я умом не пойму,
Где ТА Россия? В какой Палестине?
Энта, другая. А наша — кому?*

Наша. Где «...под землёй в гнилом колодце // Спят малолетние бомжи».

Наша. Где «...у бабушки Маруси // Удивлённые глаза. // Сколько лет в их тёплой грусти проживают небеса».

Наша. Где «Инженер Егоров под забором // Плачет... А в сиреневой дали, // Проплывая над осенним бором, // Инженеру вторят журавли».

Наша. Где «По тебе слёзно плачет тюремный барак...», и тем не менее:

*Покуда на родной земле
Такие светы,
Не бросят Родину во мгле
Её поэты.*

Такие, как Семичев. Потому что естественная потребность его сердца — взойти на небо, соединяясь с Богом, «Чтобы восстала из праха Россия... // Всё остальное — мирская тщета».

Такое чувствуется сразу.

Во многих — чувствовалось. А потянуло к Евгению. Слушать. Внимать. А после, по возвращении домой — перечитывать:

*Все мы подвластны житейскому блуду.
Грех омываем озёрами слёз.
Но и продавшего веру Иуду
На растерзанье не выдал Христос.*

*Или погибнем в разборках кровавых,
Или из пепла воспрянет страна.
Бог не делил нас на левых и правых.
Всех меж собой разделил сатана.*

Русские мы, русские!.. А «левые» и «правые» — все прочие. Только они-то есть, потому что и мы — там. Не все мы, так многие.

Потому и наступила «цивилизация душевной лени», морально-этической опустошённости, а либерал-культур-

ники считают себя равными олигархам, которым они расчищали дорогу в общественном сознании. И перед ними, столь исправно десятилетиями проклинаяшими советское равенство и братство, обязаны расступаться те, кто был народом, но стал быдлом. Элитой — «звёздами»! — называет себя гомосексуальная тупая попса и эстрадные хохмачи, за чьим «юмором» для дебилов, скабрёзной иронией скрывается ненависть к России и ко всему русскому. Впрочем и не скрывается уже, а всюю афишируется...

Но кто такие «мы», и почему лучше «их»? Русскому человеку — к левым «пристанет» или к «правым» забредёт — всё равно, что на суд нечестивых попасть, а дьявол-то платит разбитыми черепками, разделяя нас. И эта, по слову Бахтина, бесовская карнавальность, вытягивает из каждого, пошедшего туда, русского человека. Вот и надо прислушаться к поэту:

*Или утонем мы в дьявольских сквернах,
Или на грешной земле устоим...
Бог не делил нас на красных и белых.
Милостив Он ко всем чадам своим.*

*Что же молчите вы, добрые люди?
Или опять покоримся беде?
Все мы повинны. Безгрешных не будет
Перед Всевышним на Страшном Суде.*

Мы повинны перед Родиной, перед нашими предками, друг перед другом, но никак не перед «либерал-культурниками»... Только вот инженеру Петрову журавли вторят, и каждому из нас — вторят, песни ли поём, плачем... И плачем-то, как некоторые, не потому, что русские, поскольку не только по слову Александра Васильевича Суворова, а по кровной сути своей «Мы — русские! Какой восторг!», а вот так надо бы, как Христос у гроба Лазаря, но сказав при том сёстрам его: «Если веруете, паки жив будет». Молился потом Христос, и слёзы, капля за каплей, как будто бы капли росы благодатной, из очей Его пречистых струились. То есть не оплакивал даже — не в мирском значении этого глагола, ибо, как пишет преподобный Андрей, Христос «пришёл воскресить Лазаря, и потому бесполезно было бы плакать о том, кто должен воскреснуть».

«Иисус прослезился» (Ин. 11: 35), образы нам предлагая «сердечныя любве».* (Андрей Критский, преподобный. Канон на повечерии пятка седмицы ваий. Песнь 7).

Вот об иудеях поистине и плакал Христос**, поскольку предвидел, что и по соделанию чуда они останутся в своём неверии: дьяволом движимые, взбесились книжники иудейские на Христа и на Лазаря, совет свой несправедливый собрали и на нём порешили убить их обоих...

Святое Евангелие свидетельствует, что Христос за время Своей земной жизни трижды плакал. Плакал Он над другом Своим Лазарем, плакал через несколько дней в Гефсиманском саду, молясь до кровавого пота о Чаше и прося Отца Небесного: «Если возможно, да минует Меня чаша сия» (Мф. 26,39). Плакал Христос в день торжественного входа в Иерусалим — над его жестокостью, заблуждением и нераскаянностью, над его жителями, которые сами себя обрекли на осуждение. Плакал потому, что люди не познают времени своего спасения: «О, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих» (Лк. 19,42). И потому «... окружают тебя и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего» (Лк. 19,43-44).

А слово, благодарное, любящее слово русского поэта — от Христовой росы идёт, из Гефсиманского сада:

*Ставлю свечи и плачу,
Жизнь иначу свою.
В долг даю без отдачи —
Разочтёмся в раю.*

Нам, смертным, воскрешать-то никого не дано, но словом памятным и любящим, да и слезой очистительной разве дадим умереть Родине нашей здесь и сейчас, её поэта, её праведникам и грешникам в памяти сердечной и скрижальной, матери нашей — в нас самих:

* Андрей Критский, преподобный. Канон на повечерии пятка седмицы ваий. Песнь 7.

** Василий Великий, святитель. О скорби и слезах Иисуса Христа перед воскрешением Лазаря. Цит. по: Барсов М. Толкование // Сб. ст. по истолковательному и назидательному чтению Четвероевангелия, с библиографическим указателем. СПб.: Синодальная типография. 1893. Т. 2. С. 300. Репринт.

*Предки мольбы к небесам возносили,
Слёзно кропили луга и поля...
И ни к чему нам другая Россия!
Нами намолена крепко своя.*

И слёзы предков, народа нашего — от Христовой росы благодатной...

Так что вирши известного стихотворца, где «Бог заплакал вместе с ним (русским. — Ю. П.)», есть богохульство и клевета на русского человека... И не стал бы я вспоминать сейчас его, если бы не говорил здесь о действительно русском поэте, для которого Родина есть образ и символ Божественного поприща русского народа, его вселенского призвания, неизъяснимый в своей красоте и тайне земной мир, говорящий о ещё более великой тайне, о жизни вечной, о Родине Небесной, которая светится и предвосхищается в дорогих чертах материнского лика земной Родины. Отсюда и выдох сыновний:

*Небес взыскующее пламя.
Высь, отражённая в реке.
Русь разговаривает с нами
На материнском языке.*

*Так разговаривает млеком
Кормящая младенца мать...
И надо быть не человеком,
Чтобы её не понимать.*

*Дождями, облаками, снами...
Про наше кровное житьё
Русь разговаривает с нами...
Почто не слушаем её?*

Здесь, на родной земле начинает человек учиться Небесному жительству, здесь, на Родине находит он уготованные для него «Врата Сиона» — сущие на земле «Дворы Божии, Господни» — святые Церкви, с их таинствами и праздниками, с их молитвами и Хлебом Небесным — Словом Божиим... И так день от дня, век от века просвещается и крепнет духовно, восходит народ (и капля его — человек) от силы в силу, в «мужа совершенна». Так исполняется Родиной и народом его священное призвание и спасение:

*Нашу землю, политую отчею кровью,
Никакие враги не возьмут в оборот.
Можно нас истребить, но останутся корни.
И — из них прорастать будет русский народ.*

Потому-то и необходима так поэзия Евгения Семичева в «наше зыбучее время», когда традиционные ценности и сами понятия о добре и зле начали меряться «аршином близорукой выгоды», стали размытыми, относительными, что, кстати, охарактеризовано ещё Достоевским в романе «Бесы»: «Точно с корней соскочили, точно пол из-под ног у всех выскользнул».

И вот уже Россия сама представляется «Булгарией», ещё не затонувшей, но уже ушедшей в своё последнее плавание... Довелось пройти по Иртышу на теплоходе «Чернышевский» — аналог утонувшей «Булгарии»: сделан в 1955 г. в ГДР, две установки по 420 л.с., 16-17 км/час по воде. О, реликт, но и таких — 4-5 штук на всю Сибирь. В Усть-Ишиме много народу село, и всяк тащит 5-10 мешков картошки. На Севере мешок по 2 тыс. руб. уходит, продашь с десятка, и зарплата в кармане. Когда швартовались к дебаркадеру, капитан в рупор назидал: не боле двух мешков на пассажира, иначе не посажу, корабль перегружен. Точно — на двух палубах ящики с картошкой, арбузами, перцами, апельсинами и прочей снедью. И что? Всех посадил, загрузив верхнюю палубу картошкой. Так и тоном по доброте, нарушая устав... А живя не по совести, во злобе? Долго ли протянем? Да и куда — протянем...

«Куда ты, Родина, куда // Спешишь день ото дня, // Когда сквозь пальцы, как вода, // Уходишь от меня?..» Не было бы этого вопроса, если бы в самом начале пути не пронзил сердце другой: как увижу, как узнаю, как постигну святое лицо моей Родины-Матери, как охвачу взором её пространства и дали, её великий и таинственный путь, как смогу почувствовать себя её малой частицей и каплей и понять, что же ждёт от меня моя Родина? Но достаточно ли только любить Родину, хотя «узлы кровавых жил» на руках разве не от каждодневного труда? Так почему же она молчит в ответ? Почему тишина?

Уходящая Родина — это исчезающий народ? Очень на то похоже, но всё-таки — только похоже. Родина переста-

ёт ею быть для своего народа, теряющего Веру, а, значит, и своё Божественное призвание. Хотя и помнится ещё, что народ подобен дереву, «насаждённому при исходищах вод», которое «плод свой даст во время своё: и лист его не отпадёт» (Пс. 1: 3). На Родине вырастает это великое дерево — народ Божий, и если он сохраняет верность своему призванию, то не только долго плодоносит, а постепенно превращается из древа земного — по слову святителя Филарета (Дроздова) — в «дерево вечное, плодоносное, в древо райское».

Не напитают и не напоят его живой водой чужие воды. Не привьётся на земле нашей чужой сад... *«Забыли о русской сноровке, // Пленились нерусской судьбой...// И нас на поганой верёвке // Ведут мясники на убой...»*

Кто мы, зачем и почему? Никто и зовут каждого никак — наёмники на базаре мирового порядка. Не нравится — будь россиянин. Многие о сказанном здесь просят: «Ну, знаю я, тоже мне — удивил». А что ты сделал, чтобы уменьшить это знание? Блаженно хмыкнет и потопает восвояси. Моя хата с краю. Мы начисто разобщены, и поговорка «дружба дружбой, а табачок врозь» — как пророческий приговор из прошлого. Так-то все свои, но на соседа фиолетово. Который год вместе по одному. Всех возлюби, но обмани ближнего своего, из огня да в полымя и как ошпаренный по судьбе. До злобы постыдно, но факт. Зато какой год *«Колдуны и скоморохи — // Злое сонмище невежд — // Саранчой летят на крохи // наших радужных надежд»*. («Бесы»). Когда не ровен час, да и напишет мне Евгений, умеющий в обычном общении пошутить серьёзно, словно почувствовав тревоги мои:

«Здравствуй, Юра! Как там тебе, в Сибири, среди китайцев?..»

И слава Богу, если я отвечу:

«Здравствуй, Женя! У нас всё как было: сугробы до голы, розовое небо и свежий ветер...Нет, никто не возьмёт нас в оборот...»

И не только потому, что Господь не позволит, а потому что держимся за истонное: «На Бога надейся, да на себя не плошай». За веру в то, что «И пребудет Россия во все времена, // Потому что на вечные лета // Светом Божиим вселенским омыта она // И дыханьем Господним согрета». («Сизый месяц за млечную тучку нырнул...»).

А рок, фатум, судьба и т. п. — не наше. Есть такие религиозные учения, которые утверждают, что Господь всё за нас решит. Но не Православие! Оно учит: надо всегда, при всех обстоятельствах жизни делать максимум того, на что ты способен. А вот дальше Бог откроет твои пути. Однажды прославленный полководец Александр Суворов поинтересовался: «Лошади кормлены?» — а ему в ответ: «Ваше сиятельство, никак нет. Господь соломки не послал». Суворов возмутился: «Господь Бог мне не конюх. Тебе поручили лошадей кормить. Иди и, пожалуйста, изволь это сделать».

Ещё раз повторим: идеи кармы, фатума, рока, судьбы чужды христианству. Чтобы понять насколько, прежде вспомним, что у каждого языческого народа был и есть божок, чья область занятий — человеческие судьбы: Фатум, Мойры, Парки и т.д. А теперь вопрос: какое имя носил бог Судьбы у хананеян? Как свидетельствует Библия, простое русское имя «Гад». Господь в гневе Своём говорит израильтянам: «А вас, которые оставили Господа, забыли и святую гору Мою, приготовляете трапезу для Гада и растворяете полную чашу для Мени (богини плодородия) — вас обрекаю Я мечу, потому что Я звал — и вы не отвечали, говорил — и вы не слушали» (Ис. 65, 11-12). Карма — синоним слова «гад», представляете?

Совсем другое — Премудрый и Благой Промысл Божий — Божественная деятельность, сохраняющая мир и направляющая его к предназначенной цели бытия. И если ситуации, с которыми мы сталкиваемся, определяются Божьим Промыслом, то поступки — нашей свободной волей. По сути, об этом и говорит нам Евгений Семичев:

*Дождичек — калика перехожий —
Под моим окошком семенит.
Не иначе, как по воле Божьей,
Жизнь мою печалью осенит.*

*Образ русской доли ненавязчивый,
Под окно сошедший с небеси...
Но сквозит меж струями знобязими
Горнее дыхание Руси.*

*Суждено и мне, однако, вскорости
Собирать дорожную суму*

*Родины моей печали-хворости...
Разве же доверишь их кому?*

*И однажды светлым днём погожим
В Гефсиманском радужном саду
Я, как этот дождик переходжий,
Под окошком Господа пройду.*

*Бог мне скажет: «Не за-ради корысти
Ты явился... А в суме чего?..»
— Родины моей печали-хворости.
Разве их оставишь на кого?*

Вопрос-то — по глубине своей — тютчевский. Тайное сияние русской души не заметит «гордый взор иноплеменный», но оно видно тому, кто, подобно «Царю небесному», исходил и познал русскую землю. Стезю русского народа Тютчев называет «ношей крестной» и связывает испытания, выпавшие на его долю, с причастностью к деяниям Христовым. И вот уже поэт «иных времён» решает взять на себя все печали-хворости Родины: это его «ноша крестная»... И что поэту — смерть, если «Трепещет, как юный подснежник, // Обретшая небо душа». «Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие», — восклицает апостол Павел (1 Кор. 1. 22-23). Такова Благая весть, которая была и остаётся безумием для всех, кто пребывает в плену у «ветхой» религии или атеизма. Но мир смеётся над христианами, а христиане смеются над смертью. Да, нам, смертным, не дано воскрешать, но в день Светлого Христова Воскресения мы повторяем слова святителя Иоанна Златоуста: «Смерть, где твоё жало? Ад, где твоя победа? ...Воскрес Христос — и ни одного мёртвого в гробу. Ибо Христос, воскресши из мёртвых, положил начало воскресению умерших».

Владыка Антоний Сурожский, который так часто стал-кивался со смертью и как врач на войне, и как священник, служивший более пятидесяти лет, говорил: «Воплощением, крестной смертью, сошествием в ад и воскресением Спасителя любовь — уже не наша, человеческая, хрупкая любовь, но непобедимая Божия любовь — сразилась со смертью, и смерть была побеждена. Она побеждена не в

том смысле, что её больше нет, что никто из нас не умрёт — мы все умрём; любимые наши умерли, любимые наши умрут. Она побеждена в том смысле, что вместо того, чтобы быть преградой и безнадежным, безвозвратным концом, смерть стала дверью в вечность».

О победе над смертью, о всеобщем воскресении, о грядущем Царстве мы, христиане, узнаём не только из Священного Писания, это знание рождается в нас от личного опыта присутствия Христа в нас, от радости Его пришествия к нам, от переживания любви как Царствия Божьего внутри нас:

*Месяц плывёт молодой
Мимо окошка доверчиво...
Каждая лужа звездой
Высшей небесной увенчана.*

*Каждый земной водоём
Орденом высшим пожалован.
Сколько брильянтов на нём —
Бог сыпанул — не пожаловал.*

*В наших краях и чужих
Видел картину я схожую.
Щедрость правительств земных
Меркнет пред милостью Божию.*

*Реки, деревья, поля,
Не пропадём мы в безвестии.
Наша планета Земля
В Божие входит созвездие.*

*Где бы я ни был — везде
Жизнь принимаю с отрадою:
К Божьей представлен звезде,
Высшей отмечен наградою.*

А потом был Иркутск... Дни русской духовности и культуры «Сияние России». Честно говоря, в Липецке наше с Евгением общение свелось лишь к нескольким непродолжительным разговорам — без представления друг другу. Так что, получается, свёл нас, дал окрепнуть узам нашего товарищества классик русской литературы Валентин Григорьевич Распутин, пригласивший меня и Семичева в

Иркутск осенью 2010 года... В Кутулик — на родину Вампилова, в Усть-Уду — на свою малую родину... Весело общались, шумно, как будто и молодо, отражаясь «в полный рост в байкальском солнечном зеркале»...

*В глазах у Распутина — зоркая горечь,
Что зрит сквозь народной судьбины пласты...
Прости нас, дурных, Валентин наш Григорыч,
Пути твоей отчины шибко круты!*

О гении следует говорить гениально... Семичев так и сказал.

...До того рубежа, который политики назвали перестройкой и реформами, до расчленения огромной страны в 1991-м и последующих лет, невозможно было встретить взрослого или взрослеющего человека, не интересовавшегося написанным словом Валентина Распутина. Миллионы читателей жадно передавали друг другу журналы «Наш современник» или «Москву» с повестью ли, с подборкой ли рассказов писателя, ещё в журнальном варианте обсуждая «Прощание с Матёрой», «Живи и помни», «Деньги для Марии», «Век живи, век люби».

Иные наступили времена, нынче и преданному русской литературе читателю не удаётся подержать в руках новинки подлинной литературы; то, что обеспечивалось «Союзпечатью», лопнуло, киосков прибавилось, да только не увидишь в них толстых всероссийских журналов. И спрашивают порой удивлённо: «Распутин ещё пишет?» А однажды было даже так, что школьник при встрече с Распутиным простодушно воскликнул: «А разве вы ещё живы?» — об этом он сам, грустно посмеиваясь, рассказывал.

Миф о том, что Валентин Распутин много лет ничего не пишет, глубоко проник в сознание не только читателей, которым недоступны новые рассказы, очерки Распутина, но и в среду профессиональных ценителей литературы. Не замечали профессионалы шедевров: «В ту же землю», «Нежданно-негаданно» — почти повестей по насыщенности сюжетных поворотов, психологической напряжённости, языковой бездонности.

Но я-то помню, не могу не помнить, что рассказ «В ту же землю» впервые был опубликован в патриотической га-

зете «Омское время» по желанию самого Валентина Григорьевича, а я тогда трудился там в должности заместителя редактора (позднее стал и редактором), и мы каждый день получали десятки писем со словами благодарности. Затем учителя нескольких школ Омска по своей инициативе провели «открытые уроки» по рассказу Распутина, а потом ещё около года мы публиковали школьные сочинения...

Можно, конечно, без усталости винить в снижении планки культуры, в утрате культурой национального лица — телевидение. Разумеется, есть в чём винить, если на сотни дебилизирующих молодёжных программ приходится одна об «умницах и умниках», побуждающая школьников к осмысленности, да редкие вкрапления чего-то подлинного.

Пока журналы спорили, какой из них нужнее читателям, подросло поколение, а потом ещё одно, и ещё, которое вообще перестало читать литературные журналы, а заодно и всю классику, русскую, советскую. Литература умирает не оттого, что писатели перестают писать, а оттого, что читатели перестают читать.

Получается, не писатель Распутин исписался, а читатель нынешний исчитался. По инерции держат в электричках, в метро изделия, похожие на книгу, на журнал, но это не русская книга и не русский журнал. Подобно тому, как не имеет никакого отношения к священному слову «Любовь» блудливое словосочетание «они занимаются любовью», так чтение чтиву рознь.

Раствители — они во всём растлители, в литературе в том числе. Тех, что поумнее и честлюбивее, заманивают модернистской элитарностью, тех, что попроще, подоверчивее — увлекают поделками раскованной и рискованной жизни, но и тех, и других — подальше от традиции, от глубины чувств, от трудного пути культуры, приближавшей человека к Абсолюту, к Богу. Дух — слово всемирное, духовность — слово русское, именно как противоположность бездуховности, пустоте, бесчеловечности.

Русский человек, русская культура тем и держались, тем и интересны были и остаются человечеству, что несли в себе духовность и душевность. Разума хватало многим: и в Европе, и в Америке, и в Японии — а душа мельчала. «Вы богаты, у вас есть Распутин», — сказал в сердцах один американец.

*В глазах у Распутина — зоркая горечь,
Что зрит сквозь народной судьбины пласты...*

О гении должно говорить гениально. Как Евгений Семичев.

У нас действительно есть Распутин, есть Семичев, как восприемники духовной традиции, имеющей десятки, сотни имён в литературе, философии, музыке, живописи, у нас есть святые, без которых не было бы русской духовной культуры, ибо духовность только там и держится, где душа очищается божественным, где она возносится к небесам, где любить — значит боготворить, открывать, в человеке ли, в природе ли, высоту неба. По Семичеву:

*Воздух Родины — воздух весны —
Словно тайну люблю и приемлю,
Когда дивные райские сны,
Словно ангелы сходят на землю.*

*Он огнём закипает в крови
И сердца разрывает осколки.
И о нём, как о первой любви,
Воют самые лютые волки.*

*Не оставишь его на потом...
С ним легко и прощать, и прощаться.
И до смерти обугленным ртом
Им никто не сумел наддышаться!*

«Литература — это надежда», — обронил Валентин Распутин в почти уже родном для меня Тобольске, среди руин бывшей улицы Пеляцкой, обозначенной ныне как улица Мира. И вера наша, и литература, и история — это надежда на неиссякаемость духовного материка, именуемого Россией... Такую надежду даёт и поэзия Евгения Семичева:

*Покуда вертятся планеты,
Взбивая пенный Млечный Путь,
Небесной милостью поэты
Во мгле не смогут утонуть.*

*Покуда солнце не погасло
Над миром, над землёю, над...*

*Свет заливает нас, как масло,
Из млечных падая лампад.*

*Покуда в круговерти вечной
Земля вращается во мгле,
Мы все — молитвенные свечи
На Божьем праздничном столе.*

Литургист XV века, блаженный Симеон, архиепископ Солунский, так объясняет символическое значение свечи: чистый воск означает чистоту и нескверность людей, его приносящих. Мягкость и податливость воска показывает нашу готовность к послушанию Богу, а горение свечи — символизирует обожение человека, его превращение в новую тварь и очищение огнем Божественной любви.

Словно о русских поэтах сказано. Или о русских поэтах — тоже...

«Огонь горящих... свечей и лампад, как и само кадило с горячими углями и благовонным фимиамом, служат для нас образом огня духовного — Духа Святаго, сшедшего в огненных языках на апостолов, попяляющего греховные наши скверны, просвещающего умы и сердца наши, воспламеняющего души наши пламенем любви к Богу и друг к другу: огонь пред святыми иконами напоминает нам о пламенной любви святых к Богу, из-за которой они возненавидели мир и все его прелести, всякую неправду; напоминает нам и о том, что мы должны служить Богу, молиться Богу пламенным духом, чего у нас большею частью и нет, ибо имеем охладевшие сердца. Так, в храме всё поучительно и нет ничего праздного, ненужного» (св. прав. Иоанн Кронштадтский).

Нет ничего праздного и ненужного и в поэзии Евгения Семичева, даже если это «лучшие дурочки мира», гуляющие в его дворе. Поэт пишет, что им ни к чему его лира, но здесь он ошибается: погоди чуток, брат мой, вот они её услышат и... Если уже не услышали — в твоём любимом, «самом удивительном ТВОРИТЕЛЬНОМ падеже»...

Юрий Перминов,
член Союза писателей России
(Омск)

* * *

Завариваю чай с малиной.
Вдыхаю ягод аромат.
...Иду дорогой узкой длинной
На сорок с лишним лет назад.

...Сидит старуха на крылечке.
А рядом с ней — согбенный дед.
Иду домой вдоль тихой речки
Через страну, которой нет.

Родных полей льняная скатерть
Зовёт и манит на постой.
А на малиновом закате
Горит малинник золотой.

За покосившимся сараем,
Где солнце гасит ясный свет,
«А я другой страны не знаю...» —
Поёт навзрыд сопливый шкет.

Вздыхает жалобно калитка.
Неумолимо на закат.
Ползёт садовая улитка,
Как сорок с лишним лет назад.

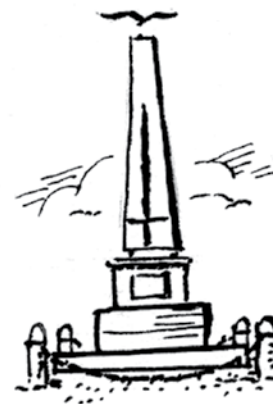
Растёт крапива у крылечка.
К забору никнет бересклет.
Бежит в мои объятия речка
Через страну, которой нет.

Глаза мои слеза туманит.
Иду я, голову склонив.
И сердце с болью скорбной ранит
Знакомый с детства мне мотив.

Душа моя во мгле стенает
И песня вторит ей в ответ.
Поёт мальчишка и не знает,
Что это плачет в нём поэт.

Я подойду к нему украдкой,
Не потревожив гладь и тишь,
Не беспокоя деда с бабкой,
Скажу ему: «Привет, малыш!»

Он ничего мне не ответит.
А в золотом его саду
Во мгле таинственной засветит
Господь высокую звезду.

* * *

Август — конь в яблоках, конь синегривый
Дробно о землю копытами бьёт,
Жёлтое око вращает игриво,
Стылую воду из озера пьёт.

Небо луга в жгучих росах купает.
Яблоком спелым всплывает рассвет.
Там, где конь-Август на землю ступает,
Звёзды ложатся в серебряный след.

* * *

...А конь летел, закинув морду.
Он всеми жилками играл.
И, раздирая мордой воздух,
О воздух морду раздирал.

И в мареве я был распластан
В одном стремительном броске,
Как бы над пламенем гривастым,
У времени на волоске.

СОНЕТ

На берег речки Кондурчи
Шагнула женщина в ночи.
И, наготой своей светя,
Она стояла, как свеча.

И пламя вскинутых волос
Над нею в темноту рвалось.
А всё же есть на свете Бог.
Река протяжная, как вздох.

И свет воды. И всплеск воды.
Свет чистоты. Всплеск наготы.
Туман искристый на лугу.
И женщина на берегу.

Спасибо, речка Кондурча.
И мне горит твоя свеча...

* * *

Под церковной гулкой крышей
Обустраиваясь на ночлег,
Спит поэт Трофимов Миша —
Кроткий Божий человек.

Он обрёл в церковной келье
Тёплый райский уголок.
А когда встаёт с постели —
Задевает потолок.

На башке отметин много
Потолочный свод творит.
«То отметины от Бога», —
Миша скромно говорит.

Он о славе не мечтает.
Он с Рубцовым был знаком!
А когда стихи читает —
Подступает к горлу ком.

В приходской воскресной школе
Миша учит детвору
По небесной Божьей воле
Милосердью и добру.

Лепит Божий раб Трофимов,
Как Господь лепил людей,
Лучезарных херувимов
И крылатых лошадей.

А однажды утром рано,
Упрекая мою спесь,
Подарил он мне барана,
Чтобы знал я, кто я есть.

Тот баран из глины рыжей
На столе моём стоит
И моим сознанием движет —
Зазнаваться не велит.

НА МАЛОЙ РОДИНЕ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

Ему нелегко в Казахстане живётся —
В заносчивом городе Алма-Аты.
И всё же Валерка Михайлов смеётся.
В глазах его — дикий простор чистоты.

Покуда автобус трясётся, как трактор,
И я поминаю судьбу матерком,
Смеётся Валерка над каторжным трактом —
Он в жизни с дорогой и жёстче знаком.

В глазах у Распутина — зоркая горечь,
Что зрит сквозь народной судьбины пласты...
Прости нас, дурных, Валентин наш Григорьич,
Пути твоей отчины шибко круты!

Шумим, как в набеге лихие татары,
Глубинной печали твоей не в укор —
Я, грубый толмач и поэт из Самары,
Валерка — редактор журнала «Простор».

Набег в Усть-Уду нелегко нам даётся,
Где тихо грустит молчаливая Русь...
...Валерка от робости громко смеётся,
А я от волнения слегка матерюсь.

ИВАНОВ

На иркутской набережной, видел сам,
Кто-то уважительно написал:
«Женя, с днём рождения, будь здоров!»
А внизу подписано: «Иванов».

Нет таких приятелей у меня.
На других фамилиях вся родня.
Да и день рождения на дворе
У меня в серебряном ноябре.

А в Иркутске — бронзовый листопад.
Так что поздравление невпопад.
Я стою, раздвинув в улыбке рот:
Ох и уважительный наш народ!

Я кричу от радости на всю высь:
«Иванов, заботливый, отзовись!»
Словно я всю жизнь только и мечтал,
Чтобы Иванов моим другом стал.

У меня хорошие есть друзья,
Но без Иванова никак нельзя...
Хоть и поздравление невпопад,
Иванов, откликнись, я буду рад!

Иванов откликнулся. Ничего себе!
Генерал иркутского ФСБ.
А в Самаре раньше лейтенантом был.
Не забыл, сучара-бля, не забыл!

СВЕТ ЗЛАТОКИПАЩИЙ

Триптих

1

Всем живущим рай небесный
В золотой маячит мгле.
А поэту ад крошечный
Выпадает на земле.

Ангел Божий, друг любезный
Предстоит у райских врат...
А поэт парит над бездной,
Чёрту лысому не брат!

Человек, во мгле парящий,
Обнимает мир земной.
Горный свет златокипящий
За его стоит спиной.

И горят, как самоцветы,
Все окрестные миры
В голубых глазах поэта —
От Москвы до Ангары.

На юру дымится Волга,
Изогнув хребет дугой.
И кричит поэт мне строго:
«Много куришь, дорогой!

По причине скорбной этой
Растерял совсем мозги —
Ненароком сигаретой
В небе дырку не прожги!..»

Я кричу ему: «Не каркай!
Поучтивей будь с людьми.
От своей заботы жаркой
Незначай не задыми...»

Он парит в рубахе синей
Выше сизых облаков.
А зовут его Василий.
А фамилия Попов.

2

И мнится, и не верится —
О, Боже, что со мной! —
Спит Ангара-медведица
В берлоге ледяной.

Над ёлками мохнатыми
Небесная руда.
В обнимку с медвежатами
Медведица-звезда.

Малинный и смородиновый
Трескучий жар углей —
Медвежий угол родины
Заснеженной моей.

Во всём её подобие
И на неё намёк —
Глядящий исподлобья
Ангарский паренёк.

Насупясь, сыплет веждами
Метельный пересверк
С повадками медвежьими
Лирический берсерк.

Поющий наособицу
Дремучий человек...
С таким, как он, знакомиться
Приходится навеки!

3

Дожди идут косые...
Осенним хмурым днём
Я и Попов Василий
В Госдуме водку пьём.

Василий очень юный
Лирический поэт.
А я литературный
Крутой авторитет.

Я промываю глотку,
А у него — дебют.
Как поросят, под водку
К столу нас подают.

Литературный ужин.
Лирический банкет.
И никому не нужен
Здесь никакой поэт!

Василий лирой доброй
Ласкает всех подряд...
А я читаю «Кобру»,
Я изливаю яд.

Стихи твои, Василий,
Прожгли меня до слёз.
Ты соловей России,
А я дворовый пёс.

Меня судьбина злая
Приставила к перу.
Я, как собака, лаю
На праздничном пиру.

Но я не шибко гордый,
Когда в стакан мне льют.
Хотя моею мордой
О стол казённый бьют.

Обидно за Россию!..
Нет у меня другой...
Поэт попов Василий,
Будь счастлив, дорогой!

* * *

От распутинской баньки
Вкруг Байкала дорога.
До распутинской баньки,
Как от Бога до Бога.

Пусть неблизкий-недальний
По железной дороге.
Словно обруч кандальный
Заковал мои ноги.

И от выпитой водки
Или нрава крутого
В моей шаткой походке
Удаль волка морского.

Ах, ты, озеро-море!
Я не просто гуляю.
На байкальском просторе
Я Байкал обнимаю.

Закононою тряской
Пейзаж отшлифован.
Каторжанскою связкой
Я к Байкалу прикован.

Поднебесные светлы,
Волн зазывное ржанье...
А в России поэты —
Всегда каторжане.

Прибайкальские байки
И сквозь небо — дорога...
От распутинской баньки
До Господа Бога.

* * *

Опять блокадой и осадой
Пытают звонкий русский щит...
Не жду от Родины пощады:
Россия русских не щадит.

* * *

...А росы на рассвете — капли крови
На гимнастёрках утренних полей.
И горизонт прерывист и неровен,
Как бинт, алеет в кронах тополей.

И никуда от памяти не деться
Среди кричащей этой тишины,
Всплывает солнце — огненное сердце
Солдата, не пришедшего с войны.

* * *

Соберу я неба полные горсти.
И пойду я с Богом к Господу в гости.
Не принёс я, Господи, Тебе хлеба.
А принёс Тебе я русское небо.

Это небо было Тобой завещано.
По нему ходила русская женщина.
По нему ступали русские дети.
Мне оно милей всех небес на свете!

Разрешу я ангелов им умою,
Чтоб они познали русскую долю.
Чтоб они могли в небесах согреться,
Как умеет только русское сердце.

Это я пришёл к Тебе — русский сыне
С головой седой, как вселенский иней.
Это я пришёл к Тебе, Отче, в гости,
Зачерпнувши русское небо в горсти.

* * *

И всё же я верю, что мир не бездарен,
Ведь в нём проживает Серёжа Бударин —
Поэт с удивительно солнечным взглядом
Приносит мне солнце весеннее на дом.

Сугулясь, стоит у меня на пороге.
И брезжит рассвет в моей мрачной берлоге.
Он мнёт в рукаве записные листочки,
И брызжут из них лучезарные строчки.

Как будто в руках он запрятал чинарик,
Который с ухмылкой сейчас мне подарит.
Но вряд ли сегодня меня он обдурит:
Я знаю, Серёжа Бударин не курит!

Похоже, что в будущем-светлом-манящем
Поэзия будет служить некурящим.
И всё же я верю: в бездымном грядущем
Найдётся местечко немножечко пьющим.

Иначе безвестно поэзия канет.
И грешных поэтов никто не помянет.
Я в жизни смертельно стихами отравлен,
И всеми на свете от света отставлен.

И мне, как побитой дворовой собаке,
Удобнее жить в недоверчивом мраке.
Куда не суют свои сытые рожи
Салонные псы и тупые вельможи.

Но что это вдруг у меня на пороге?
Забрезжило солнце, как в райском чертоге.
На юных поэтов я тайно надеюсь,
Мне их не догнать, но лучами согреюсь.

И верится: век мой не так безнадежен,
Ведь светит ему светлый лучик Серёжин.
И Бог не бездарен, и мир благодарен...
Строчи свои звонкие вирши, Бударин!

* * *

День соткан из солнечных сот
Пчелиного воска.
Таких достигает высот,
Что жутко немножко.

Небесная крыша светла,
Как ангела песня.
И солнце, как мама-пчела,
Гудит в поднебесье.

В лучах утопает земля
Дождя золотого.
Гостюю на пасеке я
У дядьки родного.

Медовая пьяная хмарь
Кольшет пространство.
А дядька — наместник и царь
Пчелиного царства.

Резные поют терема
Пчелиной державы.
И как не сойти тут с ума,
О, Господи Правый?!

Рассудок меня не спасёт
От дерзкой оплошки.
А дядька мне мёду несёт
В берёзовой плошке.

Всего два глоточка отпил
Пчелиного солнца
И рухнул в траву, и поплыл,
А дядька смеётся.

И катится с Божьих высот
От этого смеха
Из солнечных соткано сот
Гранёное эхо.

А дядечка мой — сатана! —
Мне шепчет на ухо:
«Как девка шальная стройна
Моя медовуха!..»

Искрящийся солнечный свет
Туманит мой разум...
...А мне-то всего десять лет...
...И — небо в алмазах!

ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА

*...Есть упоение в бою
У мрачной бездны на краю...*

А. ПУШКИН

Защитники Отечества — поэты.
Хранители сердечного тепла.
Архангелы кладут, как эполеты,
На плечи им небесные крыла.

И воинство небесное готово
Вести извечный бесконечный бой.
И Веру, и Отечество, и Слово
Во мгле кромешной заслонить собой.

Всем воинам, в бою неравном павшим,
Стоять в небесном воинском строю.
А всем, стихов при жизни не читавшим,
Быть предстоит поэтами в раю.

Господь на золотые эполеты
Кладёт им негасимый горний свет...
Защитники Отечества — поэты!
Других у Бога не было и нет!

* * *

Самара — ночная жар-птица.
Родная моя сторона.
Кому — запасная столица,
Кому — записная жена.

Спасибо тебе, фон Вакано,
Хмельной тараканище шлёт,
Что в кухне моей из стакана
Напитки культурные пьёт.

Немецкий расчётливый бюргер,
Ты пивом своим знаменит.
А нам грозный сталинский бункер
Дремать-почивать не велит.

Прижились мы сбоку-припёку
У Волги на самом краю.
Но всё же мы ближе к востоку,
А это почти что в раю.

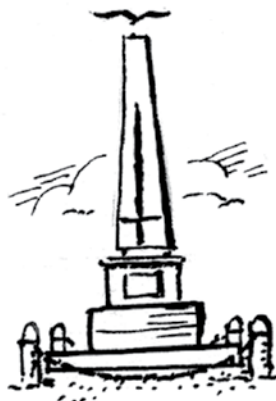
Не будем о дьявольских кознях
Пенять благодарной судьбе,
Пока ещё серенький козлик
Танцует на нашем гербе.

* * *

Покуда вертятся планеты,
Взбивая пенный Млечный Путь,
Небесной милостью поэты
Во мгле не смогут утонуть.

Покуда солнце не погасло
Над миром, над землёю, над...
Свет заливает нас, как масло,
Из млечных падая лампад.

Покуда в круговерти вечной
Земля вращается во мгле,
Мы все — молитвенные свечи
На Божьем праздничном столе.

* * *

Меня придумала родня:
Ей было скучно без меня.

Меня придумала семья:
Хотела, чтоб был умным я.

Меня придумала жена:
Сильна на выдумку она.

Дочь, верность матери храня,
Пере придумала меня.

Меня придумали друзья...
Но жить придуманным нельзя!

Встав поутру не с той ноги,
Меня придумали враги.

...Меня не выдумала мать.
Но что с неё, старухи, взять?

Меня не выдумал Господь,
Когда облёк в живую плоть,
Вдохнув в меня небесный вдох...
А, значит, я не так и плох.

А, значит, я вам всем — родня.
Зачем придумывать меня?..

* * *

И жеребцы строптивые гнедые
Вздымались перед строем на дыбы.
И генералы были молодые —
Воители фортуны и судьбы.

И золотом блистали эполеты,
И кудри развевались на ветру.
И молодые дерзкие поэты
Им гимны воспевали на пиру.

И канули навек в пылу и дыме
Во мглу те золотые времена.
И генералы стали сплошь седыми,
И не звенят зазывно стремена.

И потускнели крылья-эполеты,
В пыли музейной обретя приют...
И одряхлели дерзкие поэты,
И боевые гимны не поют.

Но верю я: грядут года иные,
И на седой отеческий редут
Прибудут генералы молодые,
И молодых поэтов приведут.

* * *

Русь на голову больная
Тяжело с исконных пор.
Горячо по ней стеная,
Кровью харкает топор.

Что ни век — петля и плаха
Строят смердов вдоль стены.
И как шапка Мономаха
Кремль на темени страны.

Что ни день — хоть чёт, хоть нечет —
На любом земном веку
Русь башку больную лечит,
Кровь пуская мужику.

* * *

Господь сказал: «Все люди — братья...» —
Но умолчал, что в наши дни
Кавказское рукопожатье
Капкану волчьему сродни.

И только русский без опаски
Промолвит, как своей родне:
«Дай брату лапу, волк кавказский,
И мы повоем при луне...»

* * *

Человек-простолюдин
Одинок и в людном храме...
Змей Горыныч триедин —
Суд, правительство, парламент.

В одиночку на веку
Человек судьбу пыгает:
Отшибёт врагу башку —
Вмиг другая вырастает.

Нескончаем вечный бой.
Затуманен взгляд кручиной...
Что ты, милый? Бог с тобой —
Он ведь тоже триединый.

* * *

Я врагов принимаю с любовью.
Я им место в раю застолблю,
Потому что они моей кровью
Биографию пишут мою.

Потому что и в мире загробном
Не отступят враги ни на шаг.
Друг не может быть истинно кровным.
Кровным может быть истинный враг!

В судный час я воскликну: «О, Боже!..
Моих кровных врагов пожалей!
Кто ещё так пристрастно изложит
Все превратности жизни моей?!.»

* * *

Да здоровствует Дмитрий Медведев,
А также Владимир Путин!..
Ведь если есть рай на небе,
То все мы там скоро будем.

Да здоровствуют олигархи,
Которых нигде не любят.
Богатые тоже плачут:
Их деньги большие губят.

Да здоровствуют проститутки:
Такая у них работа.
Ведь должен же кто-то в мире
Кого-то любить за что-то.

Да здоровствуют депутаты —
Народных надежд мессии!..
А тот, кто не верит в это —
Не патриот России.

КРЕСТНЫЙ ХОД

Мне снятся
Крестный ход
И мальчик невесёлый.
Ему десятый год,
А крест такой тяжёлый.
Хоругви за спиной
Плывут во мгле окрестной.
И горек край земной,
И сладок рай небесный.
А голос с небеси —
Суровая громада:
— Неси свой крест, неси,
Возлюбленное чадо.
И надо крест нести,
И горбиться под ношей.
Господь, его прости.
Я знаю: он хороший.
Вокруг клубится мрак.
Вся в рытвинах дорога.
Ему охота так
Пожить ещё немного.
Его терзает дрожь,
А крест такой тяжёлый...
Он на меня похож —
Тот мальчик невесёлый.
Зачем, являя мне,
Моё изображение,
Он мучает во сне
Моё воображенье?
Над ним моя звезда.
И никуда не деться...
От страшного суда
Нам с ним не отвертеться.

А мне десятый год.
А мне пожить бы надо.
В дали дрожит восход
Печально, как лампада.
Кольшатся дымы
Над кровлями избёнок.
Народу тьмы и тьмы...

...А крест несёт ребёнок!

ХОЛОДЕЦ

На тарелках дрожит холодец.
От вина запотели рюмахи.
От Володьки уходит отец,
А Володька в нарядной рубахе.

На дворе ясный солнечный день,
И распахнуто настезь окошко.
За плечо перекинут ремень,
Но оглохла от горя гармошка.

Тётя Вера, Володькина мать,
Нарядившись в красивое платье,
Умоляет Володьку сыграть
На прощанье отходную бате.

И Володька играет отцу,
Он выводит колена такие,
Что текут у отца по лицу
Неподкупные слёзы мужские.

И отец говорит: «Молодец!
Будь разумным и слушайся маму».
На тарелках дрожит холодец,
Разделивший семейную драму.

И кричит тетя Вера: «Не тронь!
Откачнись. Не твоё это дело.
Забирай, если хочешь, гармонь.
Эта музыка нам надоела.

Не терзай понапрасну меня
И ребёнка не мучай напрасно!»
И дворовая вся ребятня
С возмущением этим согласна.

И идёт переулком отец,
Весь расхристанный, как после драки.
А не тронутый им холодец
Во дворе доедают собаки.

АРТИСТ

На вершине поднебесья
Мои юные лета
Сохраняют равновесье
Без страховки и шеста.

Непривычное томленье,
Не доступное уму.
Вход на это представленье
Не заказан никому.

Ни билетов, ни афиши —
Становись в любом ряду;
Это я по краю крыши,
Балансируя, иду.

Наш обычно сонный дворик
Погрузился в гам и свист.
И кричит нетрезвый дворник:
«Упадёшь — убью, артист!»

Не такой уж я отважный,
Чтоб без дрожи посмотреть
С высоты многоэтажной
И от страха не сомлеть.

Как я шёл по краю света,
Как прокладывал маршрут —
Пацаны потом про это
Мне с три короба наврут.

Только дворник наш болезный,
Опускаясь на скамью,
Проскрипит ногой железной,
Сплюнет в сторону мою.

Скажет: «Ты у нас придурок,
Что тут много говорить».
Но помятый свой окурок
Мне позволит докурить.

ПОДВАЛ

Он сказал: «Будем биться на кровь!»
Я вздохнул обречённо: «Согласен».
Он рассёк мою правую бровь.
Я в сердцах его губы расквасил.

Мы курили в подвале тайком,
Как солдаты в окопе, чинарик.
Он со мной поделился платком.
Я ему одолжил свой фонарик.

А потом, чтоб загладить вину,
Мы бутылку вина раздавили.
Хорошо, что принёс он одну.
Мы и так хороши уже были.

Он сказал: «Я домой не ходок!
Твой отец будет жить с моей мамкой».
У меня по спине холодок
Пробежал и застрял под лопаткой.

Я сказал: «Ты домой не ходи.
Мы проспимся с тобой в этой яме
На всю жизнь, что у нас впереди.
И проснёмся навеки друзьями».

ОТЕЦ

На лавочке в сквере щебечет малец.
Душа моя к небу взывает.
С недавней поры сам себе он отец.
Такое на свете бывает.

На лавочке рядышком с ним посижу
И, радуясь солнцу и свету,
О давней печали своей расскажу
Ему одному по секрету.

А он мне расскажет, как жить без отца.
И небо под шелест берёзы
Всплакнёт и, как мама, целуя, с лица
Попьёт мои горькие слёзы.

ФЛЕЙТА

Мальчик играет на флейте.
В сердце, как в небе, темно.
Виктор Сергеич, не лейте
Мимо стакана вино.

Девочка в розовом платье
Мальчику дарит цветы.
Виктор Сергеич, не плачьте,
Не омрачайте мечты.

Принадлежит это действие
Вовсе не Вам одному.
Добрая музыка детства
Мальчику светит тому.

Сеет небесный юпитер
Радужный ласковый свет.
Виктор Сергеич, не спите,
Не упустите момент.

Виктор Сергеич, не пейте.
Вас не спасает вино.
Мальчик играет на флейте.
В небо открыто окно.

ГУДОК

Пароходик от причала
Отплывает ровно в семь.
Поздно начинать сначала.
Да и незачем совсем.

Отразился в мутных лужах
Неуютный городок.
Никому я здесь не нужен.
Капитан, давай гудок!

Распогодилась погода.
Капитан, имей в виду:
Пристань есть у небосвода.
Доплывём, и я сойду.

Там приют мой и спасенье.
Там и в будни Фейерверк.
И сплошное воскресенье
После дождичка в четверг.

Гость

Я продрогшего всего
На загревке через речку
Неразумного его
К своему принёс крылечку.

Поначалу он робел,
Зависая над стаканом.
Обогрелся. Подобрел.
Обозвал меня «братаном».

Матерился. Пел. Курил.
Звонко ржал, как сивый мерин.
Анекдотами сорил
И мои рубахи мерил.

Аки волка, обложил.
У меня в ногах валялся.
Окрутил. Обворожил.
В вечной дружбе мне поклялся.

Всё ему я рассказал.
Занял денег без отдачи.
Путь-дорожку указал.
Пожелал во всём удачи.

Он меня расцеловал,
Как родного, у калитки.
А потом обворовал,
Обобрал всего до нитки.

Непутёвый этот гость
Дом мой выстриг «под нулёвку».
Мне оставил ржавый гвоздь
И скрипучую верёвку.

Не жалею ничего
И в богатые не мечу.
Жалко только, что его
Никогда уже не встречу.

...Стол купил. Купил кровать.
Ошалело сердце бьётся.
Есть опять что воровать!
Может, он ещё вернётся?

НЕ СВИСТИ!

Не свисти! Не будет денег.
Понасвищешь невезенье.
День тяжёлый — Понедельник.
День весёлый — Воскресенье.

Не свищу, а денег нету.
Так без денег и кукую.
Я за чистую монету
Принял выдумку мирскую.

Мой дружок свистел, как чижик,
Так что с ног валились девки.
Не читал он умных книжек,
Но в него влюбились деньги.

У него опять веселье.
У него опять обнова.
Светлый праздник Воскресенье —
Мира божьего основа.

Я шагаю мимо денег.
У меня опять neprуха.
Чёрный праздник — Понедельник!
Голова моя — два уха.

ПОДОРОЖНАЯ

Разыгралась шальная погода.
Туча слёзы лиловые льёт.
Воровская Воронья слободка
Забубённые песни поёт.

На железных скрипучих воротах
Гулко лязгнул тюремный замок.
Молодых воронят желторотых
Воронёный увёз «воронок».

По этапу нелёгкая ходка,
И решёток стальной переплёт.
Воровская Воронья слободка
Передачу им в зону пришлёт.

В эшелоне столыпинском урки.
Над перроном дырявый навес.
И бравурно мелодию «Мурки»
Исполняет собачий оркестр.

У начальника хриплая глотка
И от ярости вывернут рот.
Провожает Воронья слободка
Воронят на казённый курорт.

Всё торжественно, как на параде.
Раскалённые рельсы дрожат.
И стоят паханы при наряде.
И хмельные шалавы визжат.

С ног не валит хвалёная водка.
Ворон ворону глаз не клюёт.
На ветру воровская слободка
Подорожную горькую пьёт.

* * *

Припадал небритою щекою
И такие тайны поверял,
Словно дождь колючею тоскою
Щедро мой рассудок засорял.

Я его за это ненавидел
И добра ему не обещал,
Но поганым словом не обидел
И хмельные выходки прощал.

А однажды он внезапно сгинул,
Молча, словно в омут с головой.
Я не знаю, где он месит глину,
На какой дорожке столбовой.

Только он меня не забывает,
Потому и на душе светло.
Ветер за окошком завывает,
Дребезжит оконное стекло.

Низкие ползут по небу тучи,
Мутными потоками звеня.
Это он, товарищ мой колючий,
Вспоминает ласково меня.

ПЕСНЯ

Шёл по улице мужик,
Песню пел.
Как душа его лежит,
Так и пел.

Он мотив перевирал,
Путал слог.
И нещадно глотку драл —
Пел, как мог.

Пел, как жизнь свою сложил,
Одна.
Кто-то умный доложил
По «02».

Появился «воронок»,
Весь в пыли.
Мужика свалили с ног.
Замели.

Покачнулась тишина
И, сквозя,
Прошептала:
— Ну, страна!
Спеть нельзя!

ГОРЕ

Усни, моё горе! Пускай
Тебе моя радость приснится.
Во сне ты её приласкай.
И ей суждено будет сбыться.

Во сне ты её обогрей.
Тебе заступаться за слабых.
Ты, горе, добрей и мудрей
На стылых житейских ухабах.

Я вас разбужу поутру.
Я вас провожу за калитку.
И тысячу лет не умру,
Пока вы идёте в обнимку.

СЕРАФИМ

Серафим, поцелуй меня крепко,
Чтобы кровь проступила на лбу.
Где моя заливчатская кепка?
Почему я без кепки в гробу?

С непокрытой лежать головою
Обречён я навек за грехи.
Никому я уже не провою
Никакие на свете стихи.

Две печальные чайные розы
Положите в мой ласковый гроб.
Мать-земля, утирая мне слёзы,
Спросит: «Кто целовал тебя в лоб?»»

Да один бедолага известный,
Потерявший душевный покой,
Со своей колокольни небесной
Мне махнул на прощанье рукой...

Не грусти. Всё ещё обойдётся.
Не гневи понапрасно беду.
Я-то знаю: он тут же вернётся,
Если вновь я на землю приду.

Благодетель ты мой шестикрылый,
Эта нежность твоя не к добру.
Серафим, не целуй меня, милый.
Я ещё постою на ветру!

ЗНАКИ

Ты зачем, Владилен Кожемякин,
В мой неласковый сон приходил
И небесные тайные знаки
В оправданье своё приводил?

Пролетала по небу комета
И столкнулась с дрожащей звездой,
Но разбилась о сердце поэта
И глухой обернулась бедой.

И ударили с неба потоки.
И вокруг сразу стало темно.
И я вздрогнул на Дальнем Востоке
От глухого удара в окно.

Распахнулась оконная рама
Над раскрытою книжкой твоей.
И небесная чёрная яма
Вдруг внезапно открылась пред ней.

А из книжки рванулась страница,
И зависла она над столом,
Как безумная белая птица,
Зацепившись за воздух крылом.

И, не верящий огненным знакам,
Бороздящим небесную тьму,
Я впервые так горько заплакал,
Сам не зная ещё почему.

ПОЭТ

По этим ступенькам непрочным,
Ведущим на горестный свет,
По грубо сколоченным строчкам
Спускается с неба поэт.

По лестнице этой отвесной
Усталый, угрюмый, хмельной,
Присыпанный пылью небесной,
Забрызганный грязью земной,

Небритый, потёртый, помятый,
Проклявший себя и свой век,
Такой никому не понятный,
Упрямый, шальной человек.

Зачем ему с неба спускаться,
Пускаться в неведомый путь?
Средь добрых людей потолкаться?
Солёного горя хлебнуть?

Сидел бы на облаке млечном,
Ничем никому не мешал
И людям о добром и вечном
Хорошие мысли внушал.

Так нет же! На лестнице шаткой —
Того и гляди, упадёт! —
Он машет приветливо шапкой
И с неба на землю идёт.

По этим ступенькам скрипучим,
Ведущим на горестный свет, —
По строчкам своим неминучим
Спускается к людям поэт.

ВИДЕНЬЕ

Написал стихи во сне я.
И за то себя виню,
Что прочесть их не сумею:
Позабылись на корню.

Хоть одну бы вспомнить строчку
Или две,
А лучше три.
Всё отдам за эту ночку.
Нет!
Не помню — хоть умри.

Помню только:
Вне сомнений,
Высочайший штиль и слог.
Даже Пушкин — дивный гений! —
Так стихи писать не мог.

Хоть намёком,
Хоть виденьем
Отзовись из далека,
Обернись стихотвореньем,
Объявись во мне строка.

Сколько можно продираться
Сквозь сплошную дребедень...
А стихи поэтам снятся
Далеко не каждый день.

ТОЛЬКО И ВСЕГО

В том, что меня не замечали,
Давно уж нет моей печали.

Чего ж теперь кичиться этим?
Забудем!
Только и всего...

Старик Державин бы заметил,
Да рядом не было его.

ПАДЕЖИ

Возьмите
Именительный,
Родительный,
И дательный,
Предложный
И винительный...

И никаких надежд!

Оставьте мне
Гонительный,
Губительный,
Рыдательный,
Мой самый удивительный
ТВОРИТЕЛЬНЫЙ
Падеж.

ПРИВЕТ

И стены, и вещи чужие
В глазах твоих зябко дрожат.
Не мы их с тобою нажили.
Не нам они принадлежат.

Твоей сердобольной подружке
Лишь запах моих сигарет,
Затерянный в складках подушки,
Как горького счастья привет.

Ничем себя больше не выдам,
Покинув чужое жильё.
Пройду с независимым видом
По улице мимо её.

И пусть она взгляд свой не прячет
От глаз неповинных твоих.
И, если сумеет, поплачет
О нас и за нас, за двоих.

ПРИЗНАНИЕ

Я тебя забыл у тихой речки,
Где туман густой, как молоко.
Ты сидела на родном крыльчке
И смотрела, молча, далеко.

А когда я о тебе вдруг вспомнил
И подумал: «Время-то бежит», —
В памяти моей пробел восполнил
Бородатый кряжистый мужик.

Он возник на стареньком крыльчке.
И, узнав, что я издалека,
Дымные выплёвывал колечки
В сизые парные облака.

Долго в бороде кудлатой шарил,
Но признание всё-таки добыл.
Он сказал: «Вали отсюда, парень!
Ничего ты здесь не позабыл».

ЯЩЕР

Был он скуп на обещанья
И посулы не любил.
Расставаясь, на прощанье
Её слёзы пригубил.

Неуклюжий, будто ящер,
Шумно двигал кадыком.
И смахнул с ресниц дрожащих
Её слёзы языком.

Стиснул зябкими плечами.
Ничего не говорил.
Не моргнув, её печали
Невзначай удочерил.

И она его уныло
Проводила за порог.
А потом крылечко мыла,
Чтоб вернуться он не смог.

* * *

Уйду с головой в небеса,
Устав от сердечного гуда.
Туда не берут адреса.
И письма не пишут оттуда.

Уйду поутру налегке.
До облачной выси достану.
И буду для мира никем.
И дождиком ласковым стану.

И снова на землю приду
У окон твоих ошиваться.
И буду у всех на виду
Нахально с тобой целоваться.

А твой благоверный супруг
Закроется в доме, застонет,
Сошлётся на давний недуг,
Меня от крыльца не прогонит.

И мы постоим на крыльце
В обнимку — одни в целом свете.
И слёзы твои на лице
Никто у тебя не заметит.

* * *

Что нам с тобою считаться,
Старый скрипучий мой дом?
Поздно в окошко бросаться
И уезжать за кордон.

Туча над речкой повисла.
Небо поникло зело.
И не поёт коромысло.
И почернело весло.

Глухо вздыхает колодец.
Лодка скрежещет бортом.
Гулко, как в бубен, колотит
Пёс по крылечку хвостом.

Поздно за юность цепляться.
Ворон сидит на меже.
Глупо грозить и стреляться.
Всё же не мальчик уже.

ЛОДОЧНИК

Николай Иванович Садохин —
Лодочник — густая борода.
Волны поднимаются на вздохе.
В вёсла упирается вода.

Нужная всем служба перевоза
Через речку, через облака.
Как шатун колёсный паровоза,
В локте изгибается рука.

Жалобно сопровождает рейсы
Плеск воды дыханью в унисон.
Небо упирается, как в рельсу,
В нашу речку красным колесом.

Локтевым работая суставом,
Выгнулся, как будто он в седле.
Синие небесные составы
Двигает по светлой колее.

Ласковый, как соловей-разбойник.
Нож за голенищем сапога.
Это только с виду он раскольник.
Он соединяет берега.

СОН

Спит мужик, укрывшись лопухом.
Полдень.
Луг.
Июнь звенит в зените.
Кто сейчас подумал о плохом,
От стихотворенья отойдите.

Дабы не нарушить краткий сон,
До предела пузу тяните.
Ни подошвой злой, ни колесом
Пред его очами не пылите.

Спящий улыбается мужик,
Отрешившись от забот о хлебе.
Тело его мирно возлежит
На седьмом, на самом светлом небе.

Сон его кузнечики куют,
Ласточки-касаточки свивают,
Ангелы небесные поют,
Пастушки на дудочках играют.

Дабы он увидел хоть во сне
То, с чем в жизни этой разминулся.
Кто стоял тихонько в стороне,
Подходите он уже проснулся!

ПЛАЧ

Инженер Егоров под забором
Плачет.
А в сиреневой дали,
Проплывая над осенним бором,
Инженеру вторят журавли.

Инженер Егоров выпил малость,
А у журавлей сухой закон.
Что-то надломилось и сломалось
В равновесье птичьим и мужском.

Реют неутешные рыдания
Журавлиным клином вдоль реки
Так, что нервно вздрагивают зданья
И с деревьев падают листки.

Значит, есть серьёзные причины,
Что вина горючего хмельней,
Если плачут птицы и мужчины
Над великой Родиной моей.

ПАДШИЙ АНГЕЛ

Словно ангел падший с неба,
Снег всю ночь блуждал во мгле.
И совсем светло от снега
Стало утром на земле.

Снег светился в каждом взгляде,
Весь искрился и дрожал.
Я рукой его погладил
И к щеке своей прижал.

НАПАСТИ

Когда бы все напасти,
Как мусор со двора...
Быть может, баба Настя
Не умерла б вчера.

Она б ещё немножко
На свете пожила.
И по миру бы кошка
Котят не повела.

ПЕЧАЛЬ

Не сердись, моя печаль,
На ненастную погоду.
Потихоньку приучай
Мои мысли к небосводу.

Понемногу приручай
Мою душу к птичьей стае,
Чтоб врасплох и невзначай
Нас метели не застали.

Путь-дорожку примечай
Крепко-накрепко навеки.
Уходя, не выключай
Свет свой тихий в человеке.

ДРАМА

Летит за порог моя шапка,
А следом за нею — пальто.
Душа моя, как тебе зябко.
Опять нас не любит никто.

Зевнув за спиною жестоко,
Закрылась гремучая дверь.
Душа моя, ты одинока,
Надейся, мужайся и верь.

Наш путь между ям и колдобин
Срывается в вечную тьму.
Неужто я Богу подобен?
За что не везёт так ему?

СПАСИБО

Опомнитесь!
Мало вам света?
Аж стёкла в окошках дрожат...
Не трогайте облако это,
На нём мои крылья лежат.

Летят и летят эскадрильи
Расплёскивать в небо мазут.
Нельзя человеку без крыльев:
Нужда и тоска загрызут.

Ползучие хищные твари
Накроют беднягу гуртом.
Потом вспоминайте как звали.
И всё.
И спасибо на том!

ПРОШЛОГОДНИЙ СНЕГ

Плакал прошлогодний снег —
Некрасивый, хмурый, старый.
Плакал, словно человек,
Повидавший всё, усталый.

Но, не верящий слезам,
Местный дворник конопатый
Резал,
Рвал,
Рубил,
терзал —
Добивал его лопатой.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СНЕЖОК

Рождественский снежок меня обнимет
И возвратит опять на небеса.
Он у родной земли меня отнимет
Не навсегда, всего на полчаса.

И мне напомнит, чтоб не забывался,
Что я слезинка малая во мгле,
Что я всего лишь с облака сорвался
И малость задержался на земле.

Рождественский снежок меня отпустит.
Что удивляться: я ему никто.
И от его плакучей звонкой грусти
Раскиснут мои шапка и пальто.

РАСХОЖЕЕ СЛОВО

«Привет!» — мне ворона сказала,
Трескуче глумясь надо мной.
Нас крепко судьба привязала
К скрипучей берёзе одной.

Под небом одним обитаем.
И кто нам поставит в вину,
Что мы высоко не летаем
И Родину любим одну.

И я возвращаю вороне
Расхожее слово «Привет!»,
И в дымной берёзовой кроне
Струится лазоревый свет.

ХАНДРА

Берёза стонала во сне.
Приснился ей сон о весне.

А мне такой сон не приснится.
А мог бы присниться, но — нет!
Во мгле за окошком клубится
Холодный январский рассвет.

Лениво заря догорает.
Меня добивает хандра.
Сосед на гармошке играет:
Уже приложился с утра.

Свои непутёвые строчки
Я грею в озябшей горсти.
Сосед затянул про цветочки,
Ему и трава не расти.

Теперь он своё не упустит.
Мятежной душе тяжело,
Когда под окном столько грусти
С российских небес намело.

Рыдает шальная гармошка,
В тональности явно греша.
Но светит зазывно в окошко
Берёзы живая душа.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

...А люди, как в смутное время,
В хорошего верят царя.
Он вступит в звенящее стремя,
Народную волю творя.

Плащом небеса занавесит.
Щитом остановит раскол.
Продажных и лживых повесит,
А подлых посадит на кол.

От хвори, напасти и порчи
Избавится русский народ,
Когда ему царские очи
Сверкнут у кремлёвских ворот.

И праведный мир воцарится
На отчей земле на века.
И в досталь родная земля
Накормит тогда мужика.

А если лихие бояре
Народ не желают любить?
На то и даны государи,
Чтоб головы пёсьи рубить.

КОЛДУНЯ

Колдует колдунья, колдует.
Пока не подымут конёк,
Презренная смерть не задует
В мятежной груди огонёк.

Прослывшая в людях ягою,
Старуха на смертном одре...
Но смерть на порог ни ногою,
Костями стучит во дворе.

Метель за окном завывает.
Скрипит и скрежещет венец.
Тяжёлую плаху вбивает
Под крышу пьянящий кузнец.

Остыло усталое тело.
Замёрзла в ведёрке вода.
Вспорхнула душа, полетела,
Известное дело куда.

Замётана в небо дорожка.
Сугроб у ворот намело.
На целых четыре окошка
Угасло родное село.

ЗАСТРЕШНЫЙ

Ну что, бедолага застрешный,
Не сладок удел воробья?
Опять из тесовой скворешни
Скворцы вышибают тебя.

Но только ли горькое лихо
В твоей горемычной судьбе?
Недаром твоя воробыха
Доверчиво жмётся к тебе.

Клочок прошлогоднего сена
Да солнечный лучик во мгле...
Не так уж уныло и серо
Твоё житие на земле.

Хватает под солнышком вешним
И света тебе, и тепла.
Зачем тебе эта скворешня?
Всего-то четыре угла...

БЕСЫ

За несметные пороки
В годы всенародных бед
Нам являются пророки,
Как грибы на белый свет.

Колдуны и скоморохи —
Злое сонмище невежд —
Саранчой летят на крохи
Наших радужных надежд.

Достают из чёрных книжек
Тайны чёрные свои.
Языками пламя лижут,
Дико пляшут на крови.

Поднимаются замесы
Сатанинских подлых сил.
«Это бесы, бесы, бесы», —
Достоевский говорил.

НЕРАЗУМНЫЕ МЫСЛИ

Пойду позову неразумные мысли.
Быть может, они возвратятся ко мне.
Так старое дерево юные листья
Светло зазывает к себе по весне.

Когда оно будит весенними днями
Восторженным гудом оттаявший дол,
Отчаянно машет пустыми ветвями
И дёргает небо за синий подол.

Когда распускаются терпкие почки.
И, как из нагрудных карманов платки,
Совсем молодые шальные листочки
Друг другу показывают языки.

Как мне надоело быть старым и лысым,
Хочу вернуть свои юные дни.
Пойду позову неразумные мысли.
Быть может, меня пожалеют они?

НЕ ВЕРЮ

Я не верю, не верю, не верю
Ни в какие уже чудеса.
Почему же ветвями деревья
Так цепляются за небеса.

И ветрами — не странно ли это?
За какую такую вину?
Золотые осколыши света
К моему намечает окну.

И опять неминуемым шлюзом
Принуждён быть оконный проём,
Чтобы плыл этот трепетный мусор
Грустно в стихосложенъе моём,

Поднимая до облачной выси
Обветшалые всуе слова
И земные посконные мысли —
Так, что кругом идёт голова.

Я не верю, не верю, не верю,
Как не верит редующий лес,
Что его золотые деревья
Доросли до печальных небес.

ЗВЁЗДЫ

Грустные эти звёзды
В сумрачной вышине...
— Господи! —
Твои слёзы
Горькие
Обо мне.

Что ж от меня ты прячешь
В сумраке скорбный лик?
И почему ты плачешь,
Если Ты так велик?

* * *

Снег спускался с небес осторожно
И летел,
 И летел,
 И летел...
И стоял среди снега прохожий,
И растерянно в небо глядел.

Может, просто в ночи заблудился.
Может, с верного сбился пути.
Или только что с неба спустился
И забыл куда дальше идти.

ПРАЗДНИК

Чем так встревожены птахи?
Ясно любому ежу:
Это я в красной рубахе
Тихо на небе лежу.

Облако белое справа.
Млечная вечность оплечь.
Кто умалит моё право:
Скромно на небе прилечь?

Облако синее слева
В россыпи звёздных огней.
Вы как хотите,
А с неба
Родину нашу видней.

Нету закона такого,
Чтобы любить запрещал.
И ничего вам другого
В жизни я не обещал!

* * *

Над платформой «Липяги»
Небосвода млечный омут.
От платформы «Липяги»
Два шага к родному дому.

Еле слышный плеск травы.
Встречных фар слепящий сполох.
Под шумок среди листвы
Ветерок наводит шорох.

По тропиночке пройду
Осторожно, не без риска.
Не задеть бы лбом звезду —
Наклонилось небо низко.

Опустилось до земли.
Преисполнено доверья,
Чтобы сквозь него росли
Люди, звери и деревья.

* * *

Собаке снится речка, не иначе...
Вот почему, вздымаясь среди сна,
Колышется ребристо грудь собачья —
Как за волной вздымается волна.

А лодке снится, что она собака,
Прикованная к берегу реки.
И вздрагивают волны среди мрака,
Как вздрагивают спящие щенки.

А человеку снится: гибнут люди
И нету сил скрываться взаперти.
И человек встаёт, собаку будит,
Спускает лодку на воду с цепи.

И человек, собака, лодка, речка
В ночной и беспокойной тишине
Плывут куда-то по стремнине млечной...
А может, это всё приснилось мне?..

* * *

Примеряет заяц шубу.
Ночью выпал первый снег.
Сколько шума,
Сколько шума,
Сколько радости для всех.

Как преобразились лица,
Отражая белый свет.
Разрешенья на убийства
Выдаёт охотовед.

У оврага след петляет.
Пёс, почуяв след, дрожит.
Заяц шубу примеряет.
Заяц жизнью дорожит.

* * *

Ты глядишь на меня исподлобья.
Может, думаешь, не устою.
И рубаха забрызгана кровью,
Словно мы на кулачном бою.

Сутулясь, стою против света.
И прибит под ногами снежок.
Ничего в этом страшного нету,
Что твой взгляд мои щёки обжёт.

Знаешь, дело моё молодое:
Я не робкий, могу дать отпор,
Ведь недаром к горячей ладони
Прикипел рукояткой топор.

А свои озорные угрозы
Ты для малых детей сбереги.
Может, завтра ударят морозы.
Лучше дров наколоть помощи.

Не гляди на меня исподлобья.
Ничего в этом страшного нет.
Всё равно не поссорюсь с тобою,
Мой холодный декабрьский рассвет!

* * *

Старая лошадь устала.
Сколько тащить можно воз?
Фыркнула шумно и встала
Среди полумночных звёзд.

Звёзды и справа, и слева.
Тихо в полумночной мгле.
Лошадь стоит среди неба
На вековечной земле.

Прядаёт чутко ушами,
Нервно мундштук теребя,
Что-то такое решает
В мыслях своих про себя.

Небу согласно кивая,
Дышит она тяжело.
Что это вдруг, ломовая,
В небо тебя занесло?

Тихая, как на пороге,
Жизни иной, неземной,
Лошадь стоит на дороге
Пыльной, ковыльной, степной.

* * *

Солнце макушкой покатоЙ
Поцеловало зенит.
Бродит по роще сохатый.
Роща от света звенит.

В роще просторно от света.
Голову в заросли прячь!
Держит ноздрю против ветра
Широкогрудый рогач.

Жжёным не пахнет железом
Тёплый смолистый настой,
И под небесным навесом
Солнечный шар золотой!

В небо впадает дорога,
Тает в доверчивой мгле.
Как всё же надо немного...
Только бы жить на земле!..

* * *

Стисну зубы — и молчок.
Кто там бродит мимо окон?
Вырос серенький волчок,
Стал большим матёрым волком.

А когда он был щенком,
Жёлтоглазым и беспечным,
Ушки острые торчком,
Хвост, закрученный колечком.

По ночам тайком ко мне
Приходил на мягких лапах.
Пузыри пускал во сне.
В полнолуние горько плакал.

Неуклюже семенил,
Загребая левым боком.
Он тогда меня любил,
А теперь вот смотрит волком.

И совсем не верит мне.
Зло глаза его лучатся.
Да, теперь с ним и во сне
Нежелательно встречаться.

* * *

Эдуарду Анашкину

— Серебристая дорожка,
Ты куда, куда, куда?

— Туда, где над окошком
Одинокая звезда.
Я туда, где вечер синий
Рассыпает синий звон
И от запаха полыни
Воздух горек и хмелён.
Там тесовое крылечко
И тесовая скамья.
Я туда.
Я недалечко.
Я туда, где ты да я,
И крапива у порожка,
И печальный свет в окне...

— Серебристая дорожка,
Ты к другому, не ко мне.
Поросло быльё бурьяном.
Там меня давно уж нет.
Там живёт хороший малый.
Передай ему привет.

* * *

Мой ангел, не вечно сиротство!
Утри свои слёзы скорей.
Душа моя в небо вернётся,
И матью будет твоей.

Она тебя крепко обнимет.
Мы все перед небом — родня.
Она тебе даст моё имя
И будет любить, как меня.

* * *

Я замираю виновато,
Когда, зажав в твои зрачки,
Как в стёклышках иллюминаторов,
Мои дробятся двойники.

И затихаю я от боли,
Когда, во всём меня вина,
Они, задумчивые, двое
Глядят на третьего, меня.

Прошу, пожалуйста, не смейся.
Но больше лгать я не могу.
Им плыть и плыть с тобою вместе,
А мне стоять на берегу.

* * *

Где же тот мальчик ушастый?
Нет его в нашем доме.
Сколько по свету ни шастай,
Не возвратишься к нему.

Вот он в сиреновой дымке
Горьких моих сигарет.
Вот он на выцветшем снимке.
Сколько ему было лет?

Стынет родное крылечко.
В небе озябла звезда.
Спала с лица наша речка.
И ни при чём тут года.

Был я намного моложе.
Как я его уважал?
Были во всём мы похожи.
Что же я уши прижал.

* * *

Простужусь, охрипну, заболею,
Погляжу на всё со стороны.
Золотое детство пожалею,
Нет ему, родимому, цены.

Буду тихо радоваться мёду,
И сироп малиновый поплюю,
Ощущая сладкую свободу,
Веря в независимость свою.

Почитаю книжки на досуге
Только те, которые хочю.
Помечтаю о хорошем друге.
Сам с собой о жизни помолчу.

Принесут домашние в корзинке
Чудо-фрукты солнечной земли,
Выторгуют, выкупят на рынке
Втридорога лето у зимы.

С завистью мои же одноклашки
После школы будут заходить.
Будут одобрять мои замашки,
Будут мне стараться угодить.

Потерплю пилюлю и уколы.
И как жить у жизни поучусь.
Хоть немного отдохну от школы.
Хоть ума немного наберусь.

* * *

У крылечка мечется подранок:
У него одно крыло подбито.
У меня характер — не подарок.
И физиономия бандита.

Я стою, угрюмый, после драки.
Я, как мог, отчаянно рубился.
Я не понял, где ночуют раки.
И чего хотел, того добился.

У меня синяк под левым глазом.
Мне немножко поразмяли кости.
У меня заходит ум за разум
От несправедливости и злости.

Мне не жалко новую рубаху,
Потому что драться не умею.
Жалко покалеченную птаху.
Жалко, что я драться не умею.

Я в своих желаниях не волен.
Не с кем даже горем поделиться.
Если человек один не воин,
Помогай, израненная птица.

Ты одна теперь мне — оправданье.
Ты одна мне — ясный свет в окошке.
Нам с тобой «Самарские страданья»
Мой сосед сыграет на гармошке.

* * *

Не ждали, не думали — нате! —
И школа, и двор, и семья.
Огнём выжигая на парте
Горячее имя Ея.

И каждая буква в слове
Во мне распаляет азарт.
И весь я пылаю любовью.
И нет мне дороги назад.

Сверкающий увеличитель —
Весеннего солнца стило.
Простите, товарищ учитель,
Что я причиняю вам зло.

Не смог я успехов добиться
На ваших уроках письма.
Но чтобы безумно влюбиться,
Мне всё же хватило ума.

* * *

Целуемся с тобой в подъезде,
На целый белый свет одни.
Спасибо всем твоим соседям
За то, что крепко спят они.

За то, что нас они не слышат —
Мы не мешаем никому.
Ваш дворник подметать не вышел —
Ну что ж, спасибо и ему.

Хотя и не за что, конечно,
Но пусть его жильцы простят,
Поскольку он вчера, сердечный,
Немного перебрал в гостях.

Спасибо, утренняя почта,
Что не спешишь к нам в выходной.
Ещё спасибо всем за то, что
Моя любимая со мной.

* * *

В нашей разноликой коммуналке
У детей особые права.
У трёхлетней белобрысой Янки
Можно на стихи занять слова.

Человечек, маленький и слабый,
Чёлочку свою смахнёт со лба;
Выдаст слово звонкое на славу:
Янка в этом деле не слаба.

Ничего не стоит человечку,
Светлому, как струйка ручейка,
В мутную мою вливаться речку...
Янка в этом смысле велика.

Только ткнётся личиком в ладони,
Грубые шершавые мои.
И они серебряной ладью
Проплывают по морю любви.

* * *

Вы меня уже не вспомните.
Но зачем и для чего
Моё сердце грустью полните,
Надрываете его?

Не коснувшись вашей памяти,
Я горю в её огне.
Вы живёте и не знаете,
Что живёте вы во мне.

Приложила все старания
Ваша новая родня.
Но она не в состоянии
Увести вас из меня.

Вы меня уже не вспомните.
Но порой, от всех тайком,
Грустно в зеркало посмотрите
И вздохнёте ни о ком.

И опять себя обманите.
И невинно, как итог,
Только в зеркале да в памяти
Растворится этот вздох.

* * *

Ходит голубь по карнизу.
Этот местный старожил
На мою соседку Лизу
Глаз горящий положил.

Прикормили хлебной крошкой.
Разучился он летать.
Научился под окошком
Дни и ночи коротать.

«У него не глаз, а лазер —
Говорит сосед Кузьма, —
Он мою супругу сглазил
И меня сведёт с ума.

Это же не бабье дело —
У окна сидеть в тоске,
Словно пресвятая дева,
И вздыхать о голубке».

И ругает птицу Кузя,
И грозит ей кулаком.
И торчат лопатки куце —
Крылышки под пиджаком.

Ходит голубь по карнизу,
Прижимается к стене.
А мою соседку Лизу
Почему-то жалко мне.

* * *

Две женщины с одной судьбой
Ведут вражду между собой.

Одно их мучит и тревожит —
Меж ними времени черта:
Чем старше эта, тем моложе
И краше, и счастливей та.

Фотограф, видно, не предвидел,
Своё свершая колдовство,
Что так порой не безобиден
Бывает аппарат его.

Как эта женщина хотела
Саму себя приобрести,
Но перевёрнутым летело
Изображенье в объектив.

Сошлись, как на игральной карте,
Две женщины в одной судьбе.
Одна застыла в фотокадре,
Другая замерла в себе.

На муку мне и на беду им
Мы связаны одной судьбой.
Две эти женщины враждуют.
И обе-две любимы мной.

* * *

Опять дождевые плащи
Сограждане века надели.
И плотно сомкнули дожди
Свои дождевые тоннели.

И мир сотрясается так
В неярких проёмах оконных,
Как будто летящий состав
Считает на стыках вагоны.

Всё больше серьёзный народ
Торопится в командировки.
И сдвинуто время вперёд.
И сокращены остановки.

И тени темней и длинней.
И больше вагонов товарных.
И плотность грохочущих дней
Сжимает мне сердце коварно.

Всё больше серьёзный народ
Царит на просторах дорожных.
Пора неотложных забот
И гулких ночных «неотложек».

* * *

Человек упал среди дороги:
Ненароком сердце повело.
Сколько же печали и тревоги
У него от сердца отлегло.

Человек упал среди России,
Будто поскользнулся на бегу.
Огненно пылали апельсины,
Как осколки сердца, на снегу.

Человек упал среди планеты.
Навалилось небо на него.
Сколько ослепительного света
Навалилось вдруг на одного...

Гражданин, столице неизвестный,
Посреди отечества упал.
Он в московской очереди тесной
Детям апельсины покупал.

* * *

Как из дикого смертного боя
Уцелевший усталый боец,
Выходил из крутого запоя
Почерневший Серёжкин отец.

И, терпя непосильную муку,
Паренёк, неокрепший ещё,
Под шальную отцовскую руку
Подставлял неумело плечо.

Шли глухим коридором барака
На ступеньки родного крыльца.
И упрямо Серёжка не плакал,
Чтоб в беде не обидеть отца.

И отечества светлые дали
Открывались мальцу впереди.
И рыдали, рыдали медали
На широкой отцовской груди.

* * *

Дерзкая, как наваждение,
Эта сердечная боль.
Детское спецучреждение.
Бритый мальчишеский строй.

Радужность лозунгов муторных
Не обольщает мой взгляд.
В детской колонии утренник.
Шефский концерт для ребят.

Слушают дети внимательно.
Гордо звучит в тишине
Песня о Родине-матери,
Самой счастливой стране.

Той, что дорогою звёздною
В дальние дали зовёт.
И одинокой берёзою
На косогоре растёт.

Зорькою ясною светится.
Колосом зреет в полях.
И никогда не изверится
В горьких своих сыновьях.

* * *

Нашу улицу пересекает
Белоснежная тишина.
Сиротливо снежок сверкает,
Затесавшись в проём окна.

Сиротливо — до зябкой дрожи —
Ветви тянутся к фонарю.
По сему по всему похоже,
Время движется к январю.

Время движется, как обычно.
Но не знает из нас никто,
В чьём сегодня оно обличье,
В чьей ушанке и в чьём пальто.

Может, этот прохожий шаткий
Затесался в наш двор не зря.
Подпирает он небо шапкой
Возле тусклого фонаря.

Одинокий шальной прохожий
Дышит хрипло и глубоко.
По сему по всему похоже,
Время движется нелегко.

* * *

Не знает странствующий снег,
В какие странствия пустился.
Ушёл хороший человек,
Ушёл на век и не простился.

Его осиротевший свет
Ко мне доверчиво прижался.
И кто теперь мне даст совет,
Как светом мне распоряжаться?

Забыв про ужин и ночлег,
Вдохнув в себя морозный воздух,
Ушёл из дому человек,
Ушёл и заблудился в звёздах.

Но, уходя, оставил свет.
И этот свет во мне не тает.
Не знает странствующий снег,
Кого он мне напоминает.

* * *

Утопая в тумане по поясу,
Окружённый тайгой с двух сторон,
Динозавр — громыхающий поезд
С боку на бок швыряет вагон.
Будто этот состав бесколёсный.
Нет рельс.
Только шпалы одни.
Замедляет он ход на откосах,
Чешуёй беспрестанно звенит.
И своим металлическим басом
Оглушает таёжный простор.
Кровяным воспалившимся глазом
Смотрит в вечность седую в упор.
Как в забытую Богом пещеру,
Осторожно вползает в тоннель,
Где у входа на сопке замшелой
Притулилась горбатая ель.
Едут в поезде дерзкие толки,
Изнутри сотрясая вагон.
И вцепился я в верхнюю полку,
И ногою упёрся в плафон.
Карогоча, Магоча, Кувыкта.
Я таких не слышал раньше слов.
Я, наверно, не скоро привыкну
К сотрясениям извечных основ.
А когда я уснул, успокоясь,
Мне приснился во сне динозавр.
Он сказал: «Не похож я на поезд.
Я похож на Казанский вокзал!»

* * *

У сопки таёжный посёлок.
Сквозь облако светит луна,
Как будто уснувший лисёнок
В сияющем облаке сна.

Свернулся в клубок рыжеватый
И смотрит тревожные сны,
Которые спящим ребятам
С рождения снятся должны.

* * *

Небеса раскачивая мерно,
Ветер по округе колесит.
Ангелу-хранителю, наверно,
Трудно пребывать на небеси.

Гражданин, блуждающий по небу,
Будь великодушен, потерпи.
Даже если очень мной разгневан,
На затылок мой не наступи.

Под твоей сверкающей подошвой
Бездорожье моего пути.
Уступи дорогу, если можно.
Дай мне самому её пройти.

* * *

Прозрачный осенний покой
Сквозит меж стволами — в пробелах.
И, кажется, можно рукой
Достать до небесных пределов.

Такой бесконечный простор,
Что лучше за ветви держаться.
Ведь если взбежать на бугор,
То можно и в небо сорваться.

* * *

В стороне моей тихой, заветной,
Там, где пели в садах соловьи,
Протрубили осенние ветры
Хрипло в медные трубы свои.

Дом мой полон прозрачной печали.
Завершается дачный сезон.
Голубые вагоны умчали.
Тёмно-синий пришёл эшелон.

Уезжаю, но я не в убытке.
И тепло заготовлено впрок.
Тихо всхлипнули петли калитки,
И обиженно клацнул замок.

* * *

Опять сиротеют деревья.
Уже потемнели леса.
Ребята, не хлопайте дверью.
Зачем сотрясать небеса?

Колючий кольшется воздух.
И хрупкая гаснет трава.
И падают звонкие звёзды
С небес чудакам в рукава.

Они их до времени прячут.
И ходят печально тихи.
Везёт чудакам!

А иначе
Откуда берутся стихи?

На тёплых ладонях поэта,
Как птицы ручные, гостят
Осколки небесного света.
И рвутся рубахи в локтях.

* * *

Он стоял на углу возле булочной,
Незадачливый, на сквозняке,
Потерявшись меж прошлым и будущим,
С тёплой булкой французской в руке.

И пришёл к нему в пять часов вечера,
И присел у него возле ног,
И влюблённо смотрел, и доверчиво
На французскую булку щенок.

И от нежного взгляда щенячьего
На осеннем крутом сквозняке
Что-то тёплое, что-то щемящее
По угрюмой скатилось щеке.

Что-то светлое вдруг замаячило,
Позвало к себе издалека.
И ушёл, и унёс незадачливый
Вместе с булкой французской щенка.

* * *

Укатил, уехал поезд,
Огоньки свои оставил.
И никто не вздрогнул даже
И в окно не прокричал.
Крепко спали пассажиры.
Осуждать я их не вправе.
Потому что мы привыкли
Спать спокойно по ночам.

И конечно же не сразу
Обнаружилась пропажа.
И заплакал спящий мальчик.
И вздохнул старик во сне.
Но опять никто не вскрикнул.
И никто не вздрогнул даже.
И последний огонёчек
Промелькнул в ночном окне.

И на станцию другую
Прикатил наутро поезд.
И бравурно на перроне
Духовой играл оркестр.
Почему нам так приятно
Горевать и думать после?
И когда хорошим людям
Врать друг другу надоест?

* * *

Ему бы жить в железном веке —
Несовременный человек!
Железа столько в человеке —
На весь железный хватит век!

Он и во сне, скрипя протезом,
Штурмует вражью высоту,
Примкнувший всем своим железом
К железорудному пласту.

Не вышел он из боя толком.
Не понят он ни там, ни тут.
Его блуждающим осколком
Друзья погибшие зовут.

Ему, земному самородку,
Оплавленному там на треть,
Судьбой положено пить водку,
Чтоб на ветру не заржавесть.

Когда погибшие солдаты
Его возьмут к себе — всего,
Сломает клык свой экскаватор,
Окопчик роя для него.

ЛИТЕРНЫЙ ЭШЕЛОН

Майским салютом расцвёл небосклон,
Славя весну и Победу...
Литерный в небе идёт эшелон:
Павшие воины едут.

Через разливы бурлящей весны,
Через вселенские кущи
Павшие воины едут с войны
К нашим потомкам грядущим.

Мимо крылечка родного села,
Мимо заводов и пашен
Всех их в один эшелон собрала
Память священная наша.

Сполохи мирной рассветной зари
К горним возносятся высям.
В небе весеннем парят сизари,
Как треугольники писем.

Гулом объята небесная даль
Отчей родимой округи.
Солнце надраено, словно медаль
«За боевые заслуги».

Головы воинов снежно-белы,
Лица светлы и бесстрашны...
Вот они — русской Победы орлы,
Соколы Родины нашей!

Им колокольный звучит перезвон,
Славя весну и Победу.
Литерный в небе идёт эшелон:
Павшие воины едут.

К однополчанам своим боевым
Через сраженья и беды
Павшие воины в гости к живым
Едут на Праздник Победы!

* * *

Спит народ, как солдат на ходу,
Утомлённый в тяжёлом походе.
Сплю и я, но с народом иду.
И во сне остаюсь я в народе.

И во сне от него ни на шаг
Никуда я себя не пускаю.
Упираюсь в походный большак.
Мать-землицу ногами толкаю.

Запевалы охрипли. Храпят.
Командиров сморило истомой.
Спит народ, с головы и до пят
Убаюканный чуткою дрёмой.

Эй, взбрыкнувший во сне обормот,
Что кричишь о продажной свободе?
Видишь, спит утомлённый народ
На ходу, как солдаты в походе!

Спит служивый в строю человек.
Отдохнуть на ходу рад стараться.
Может день, может год, может век...
Боже! Дай мужикам отоспаться!

Звёзды космос вселенский копят.
Зорьки в небо всплывают и тают.
Мародёры-шакалы не спят —
Неусыпно народ обирают.

Но не рушится воинский строй
И на милость врагам не сдаётся...
Вот народ — богатырь и герой!
Берегитесь, когда он проснётся!

ФРОСЯ

Она возьмёт гармонию, и в клубе сразу
Танцорши разбегутся по углам.
Она умеет так играть, зараза,
Что грудь трещит от песни — пополам!

И бабы просят, бабы тихо просят:
«А ну-ка, Фрося, выдай подюжей!..»
И, развернув меха, поёт им Фрося
Про их, сейчас воюющих, мужей.

И бабы плачут. Бабы горько плачут,
Хотя и песня эта о любви.
И в фартуки залатанные прячут
Мозолистые рученьки свои.

* * *

В парадных военных расчётах
Великая слава течёт.
В расчёт не берут желторотых.
Их скромная слава не в счёт.

Оркестров мажорное форте —
Бесстрашным солдатам страны.
И дети победного фронта
Стоят у обочин войны.

И с ними стоит моя мама,
И машет героям рукой.
Салютов небесная манна
Над Родиной плещет рекой!

За спинами граждан нарядных,
Ничуть не смущая их вид,
На ящике из-под снарядов
В слезах моя мама стоит.

Вот так всю войну простояла,
Поскольку росточком мала.
Снаряды она снаряжала
И верой в Победу жила.

Не то моей маме обидно,
Что горьким был доблестный труд,
А что из-за роста не видно,
Как строим гвардейцы идут.

Несметные выпали беды
На долю геройской страны.
А дети священной Победы
Стоят у обочин войны.

В толпе ротозеев парадных,
Ничуть не смущая их вид,
На ящике из-под снарядов
Военное детство стоит.

* * *

— Почто сховал печаль свою
В пустой рукав, солдат?
— Моя рука давно в раю,
А сам иду я в ад.

Когда огня железный вой
Рванулся через край,
Рука рванулась за братвой,
А угодила в рай.

Теперь сам Бог ей — политрук.
А мне-то что с того?
Как видно, не хватает рук
У воинства Его.

Слова «Век воли не видать»
Я выколол на ней.
А рядом «Не забуду мать...»,
Чтоб поняли верней.

Архангелы на свой манер
Мой бред переведут...
Держись, собака Люцифер!
То русские идут!

ОТЦЫ И ДЕТИ

В небесах ревели истребители.
В подворотнях шастали каратели.
Ваше поколение — победители.
Наше поколение — предатели.

С вами лозунг: «Люди, будьте бдительны!»
С нами: «Будьте, граждане, внимательны!»
И не все вы были победители,
Да и среди нас не все предатели.

Но гореть, гореть нам синим пламенем —
Общая судьба всем уготована.
И плевать мне, под которым знаменем
Русь моя безвинно замордована!

* * *

Полк расформирован. До свиданья,
Воинство, ушедшее в запас.
Списанное обмундированье
Жёлтый Дом зачислил на баланс.

Сумасшедшим выдали шинели
Грубого армейского сукна.
И они, болезные, запели,
Выстроившись в строй: «Вставай, страна!»

Грянул скрежет рваного металла
В голосах, звучащих вразнобой.
Но страна огромная не встала
Из руин на новый смертный бой.

Заскулили во дворе собаки.
Поприжали уши и хвосты.
Санитары — храбрые вояки —
Ошалев, попрытались в кусты.

Песней доведённая до точки,
Нянька прокричала на бегу:
«Не печальтесь, милые сыночки,
Не сдадимся заживо врагу!..»

...И пошли колонной брат за братом
Защищать великую страну —
Родины последние солдаты
На свою последнюю войну.

* * *

Сосед уехал на войну.
Там ближе к раю.
Все знают, как спасти страну.
А я не знаю.

Сосед пришёл с войны с клюкой.
Отважно дрался.
Он был в раю одной ногой.
Не удержался.

Пока тащил второй сапог
Из брэнной грязи,
Споткнулся о родной порог
И рухнул наземь.

Перевалился через край.
Отвоевался!
«В гробу я видел этот рай!» —
Сосед признался, —

Когда я ехал на войну,
Был ближе к раю
И знал, как мне спасти страну...
Теперь — не знаю...»

«ДАЙ МНЕ САМОМУ ЕЁ ПРОЙТИ...»

*В том, что меня не замечали,
Давно уж нет моей печали.*

Евгений Семичев

1

Когда-то, уже в годы зрелые, явились мне, написались-выдохнулись эти строки: «А стихи — это тонкие первые книги, // Что стесняются юной своей худобы».

Конечно, в этом непритязательном поэтическом вздохе — только доля истины, но какая она, эта доля, горьковесомая... Особенно применительно к нашему поколению — тех, кто начинал «проламываться в литературу» (Ф. Искандер) в семидесятые годы прошлого века. Я это не к тому, что в те, столь ненавистные для многих нынешних законодателей литературных мод времена, советские, молодых рифмоковцев сплошь затирали и гнобили. Скорее, наоборот: сколько было тогда всяких семинаров-плenums, совещаний молодых — от областных до всесоюзных. Как водится, всякий раз кого-то открывали, и книги у этих ребят выходили — иной раз и в довольно юные годы, в двадцать с небольшим. Но для всех талантливых авторов места в обоях не находилось — по разным причинам. Был в этом, наверное, и практический смысл: издательские позиции не безразмерны, всех не втиснешь. Потому-то большинство авторов первых книг уже вполне годилось для участия в культурных мероприятиях под девизом «для тех, кому за тридцать».

Ощущение это — многолетнего ожидания — не из приятных, по себе знаю, но ведь не зря говорят, что нет худа без добра. В то время даже самые серенькие первые книжки не давали послевкусия «самогона с махрой»: высокий издательский уровень был тому порукой.

А иногда казалось, что за поздним дебютом стояла сама судьба: столь зримо и твёрдо, неоттеснимо-неуступчиво проступала она сквозь припозднившиеся вроде бы

строки, что о каком-то ином, внешне-счастливом развитии событий не хотелось даже думать.

Именно таким был дебют Евгения Семичева.

Как ни удивительно, этот ныне широко (насколько это возможно в рамках сложившихся литературных реалий) и заслуженно известный художник слова из советской литературы, можно сказать, выпал напрочь. Родился Семичев в 1952 году, а первая его книга «Заповедный кордон» вышла только в 1991 году, на изломе времён. Вышла она в Самаре, объём — печатный лист с небольшим, тираж — тысяча экземпляров. Не надо даже вычитать в столбик, чтобы прикинуть: дебютанту — почти «сороковник». А страна распадается, рушится, вокруг — отчаяние, безденежье, безнадёга.

Скажите, разве человек, обладающий «здравом-взрослым» умом, мог бы при таких обстоятельствах поставить неопределённую будущность свою, даже жизнь саму — на поэзию?

Нет, конечно.

А вот Семичев — решился.

Вряд ли решение это далось ему легко. Но рядом с ним была в ту минуту его первая книга — та самая, тонкая, стесняющаяся своей худобы. А в книге той сошлись не просто столбики строк, в ней сошлись — стихи.

Они, стихи эти, не были старательно вычерчены по неким идеальным поэтическим лекалам, но была в них та непередаваемая, не поддающаяся лабораторно-книжному взращиванию внутренняя дрожь, которая — прикоснись только — перехватывает горло, обнимает, прижимается к тоскующему сердцу.

*Собаке снится речка, не иначе...
Вот почему, вздымаясь среди сна,
Колышется ребристо грудь собачья —
Как за волной вздымается волна.*

*А лодке снится, что она собака,
Прикованная к берегу реки.
И вздрагивают волны среди мрака,
Как вздрагивают спящие щенки.*

В этих строках — ни единого поэтического изыска, манерно-затейливого, притянутого за уши образа, само-

влюблённой метафоры, цветисто-пышного эпитета. Но как зримо, влекуще, волнующе сказано, не правда ли?

Здесь, на страницах этой тоненькой книжки, многому ещё — необычному, точному, зримому — нашлось место.

Это и речка, которая «спала с лица» (какое ненатурное, тёплое олицетворение!). И птица-подранок, приходящая на помощь человеку, которому «не с кем даже горем поделиться»:

*Если человек один не воин,
Помогай, израненная птица.*

И растущая на шумной коммунальной кухне трёхлетняя соседка-волшебница Янка, доверчиво-щедрым, наивным, спасительным теплом своим преображающая суровый взрослый мир.

*Только ткнётся личиком в ладони
Грубые шершавые мои,
И они серебряной ладью
Проплывают по морю любви.*

И прохожий, которого ни в какой другой книжке не встретишь:

*Подпирает он небо шапкой
Возле тусклого фонаря.*

Особняком, в стороне «Лошадь стоит на дороге // пыльной, ковыльной, степной».

*Небу согласно кивая,
Дышит она тяжело.
Что это вдруг, ломовая,
В небо тебя занесло?*

Вроде бы лошадь эта — уже знакомая, увиденная однажды глазами моего земляка Алексея Прасолова («Мирозданье сжато берегами...»). Но та, прасоловская, оказывается среди звёзд, когда входит в ночное озеро. А здесь — степь, земля, она по определению не может ничего отражать. Зато может — приподнять, поднести на натруженной своей тёмной крестьянской ладони к звёздному свету что-то очень дорогое для неё — и держать высоко-высоко — пред самым Оком Небесным, пред вечностью.

И становится ясно, что у Семичева — не парафраз, не перепев, а своя, не менее глубокая и распахнуто-неоглядная, чем у Прасолова, метафора.

Извечная земная дорога — тяжкая, горькая, трудовая, к пашне-ниве выводя, на ковыльный взгорок поднимающаяся, оказывается вдруг роднёю-ровней самому Млечному Пути.

*Звёзды и справа, и слева.
Тихо в полуночной мгле.
Лошадь стоит среди неба
На вековечной земле.*

И за образом, за видением-символом этим угадывается, проступает, выкликает к себе душу из потёмнок обыденности, из прозябания что-то такое знакомое — до боли, как пропахшая потом отцовская рубаха — уж не сама ли доля наша верная, русская наша судьба?

Тема эта, неразрывной связи земного и небесного, возникает и в другом стихотворении, теперь — многожды цитировавшемся, затёртом перьями исследователей творчества поэта до хрестоматийно-глянцевого блеска.

*Снег спускался с небес осторожно
И летел,
и летел,
и летел...*

*И стоял среди снега прохожий,
И растерян в небо глядел.*

*Может, просто в ночи заблудился.
Может, с верного сбился пути.
Или только что с неба спустился
И забыл, куда дальше идти.*

Стихотворение, на первый взгляд, непритязательное, почти заурядное — так, набросок, картинка.

Но гулким межстрочьем своим, сошедшимся в одну точку пространством, неожиданной, будто встающей вдруг на твоём пути сердечной оторопью, оно являет и прозрение, почти гениальное, и одновременно — весть о сотворении мира.

Мира поэтического. Семичевского. Какого ещё не бывало...

Много ещё было (и есть!) в той тоненькой книжке необычного, свежего, запоминающегося. Обо всём не скажешь, но вот эта просьба — такая, казалось бы, странная...

Обращаясь к своему ангелу-хранителю, лирический герой (читай — автор) стихотворения «Небеса раскачивая мерно...» говорит:

*Под твоей сверкающей подошвой
Бездорожье моего пути.
Уступи дорогу, если можно.
Дай мне самому её пройти.*

В первое мгновение торкнется сердце несогласно; но — только в самое первое мгновение. Да, все мы — верующие и вроде бы атеисты, крещённые в купели или одним только июльским дождём-проливнем — в нелёгкой жизни своей земной взыскуем небесного покровительства.

Но пройти бездорожьем — так, чтобы за твоей спиной лёг Путь, — нужно самому. Без этого стихотворцы, даже неплохие, случаются, поэты же — никогда. Семичев уже тогда — без имени, будучи даже в глазах не самых злобных «доброжелателей» лишь дебютантом-переростком, провинциальным «пинжаком» — это знал. Да что знал — он уже давно шёл своим бездорожьем.

К своему Пути.

И ангел-хранитель, уважая его выбор, только поглядывал на него издали — то с облака белого, то с чёрной тучи...

2

Вслед за первой книгой явилась вскоре, в 1994 году, и вторая — «Свете отчий». Вышла она там же, тем же тиражом, такая же «худенькая». Но случилось это уже в другой стране, после позорного Беловежья, после расстрела Верховного Совета. Страшное было время, безысходное, суицидальное. Но дыхание надежды, хоть и слабое, не пресеклось, может быть, и потому, что такие вот книжки ещё выходили...

Не скажу, что в каждом стихотворении второй своей книги Евгений Семичев уже по-тютчевски глубок и зрел, но его поэтический голос крепнет, взгляд становится всё пристальнее и зорче, на скулах проступают-топорщатся упрямые желваки, выдавая характер большого поэта.

И становится ясно, что путь этого возмужавшего русского парня-волжанина, ещё недавно — неприкаянного скитальца, дорожащего вольной волею забияки-удальца, есть путь воителя и провидца, печальника и защитника Земли Русской. И лежит этот путь через земные хляби и бездорожья — не только личные, но и глобально-исторические, державно-народные — к несказанному вечному свету, свету горнему.

*Мне снятся крестный ход
И мальчик невесёлый.
Ему десятый год,
А крест такой тяжёлый.*

*Хоругви за спиной
Плывут во тьме окрестной.
И горек край земной.
И сладок рай небесный.*

*А голос с небеси —
Суровая громада:
— Неси свой крест, неси,
Возлюбленное чадо.*

Это начало стихотворения «Крестный ход» вроде бы, судя по первым строкам, несколько умозрительного («Мне снятся...»). Но стоит вчитаться, вжиться в этот текст, и в самой ритмике этих строк, а ещё более — в тяжести креста, гнетуще несопоставимой с возрастом несущего этот крест мальчика, в тяжком колыпании хоругвей, в суровом голосе с небес, являются нам приметы слова подлинного, сокровенного. И — праведного, лично-правдивого.

*Вокруг клубится мрак.
Вся в рытвинах дорога.
Ему охота так
Пожить ещё немного.*

*Его терзает дрожь.
А крест такой тяжёлый.
Он на меня похож,
Тот мальчик невесёлый.*

.....

*Колышутся дымы
Над кровлями избёнок.
Народу тьмы и тьмы...*

...А крест несёт ребёнок!

Стихотворению этому предстоит пережить ещё множество толкований. Пожалуй, сыщутся и такие «поборники прав человека», которые истолкуют этот поэтический текст как свидетельство ущербности русского духа, самого православного мироустройства нашего. Ещё бы: «тьмы и тьмы» идут налегке, будто не замечая муки ребёнка, несущего крест — за них и для них.

А то ещё (с них станется!) начнут шуметь на верха, душе-омбудсмену, чтобы издевательство над ребёнком пресёк.

Этим «омбудсменам» с усохшими родовыми корнями и вывихнутым нравственным чувством не объяснишь (да и не надо объяснять) очевидное: русский крест всегда выпадает нести самому светлому из нас, самому чистому, с незамутнённой земными страстями душой. И этот ребёнок в семичевском стихотворении — как образ, как символ — это, в какой-то мере, каждый из нас. Вернее, то лучшее, честное, милосердно-светлое, что ещё в нас есть. И каждый из тех, кто помнит свой долг, земной и небесный, всю жизнь сгибается под тяжестью этого креста — и всё же несёт его, несёт...

Ну, а если смотреть на образ этот в ином ракурсе, так сказать, глобально-исторически, то вполне может увидеться, что ребёнок этот, несущий «крест такой тяжёлый», — Россия. Ведь по историческим меркам возраст у нашей страны ещё детский. И нести крест этот извечный, а вместе с ним свет веры и добра, высоких нравственных истин, кроме неё, некому.

В книге «Свете отчий» есть и такие стихотворения, где поэтическая энергия автора нашла для своей реализации иные формы, нежели балладный лирико-философский сгусток. Традиционно для Е. Семичева сильна в ней чисто лирическая составляющая.

Вот поэт говорит с печалью — не самой желанной спутницей-собеседницей для многих из нас. И в разговоре этом, вовсе не придуманно-заумном, а таком товарищески-доверительном, теряется, становится почти неразли-

чимым поверхностно-бытовое — и проступает истинное, глубинное, чего мы так часто не замечаем (или не хотим видеть) в судорожных своих весельях-удовольствиях.

*Понемногу приручай
Мою душу к птичьей стае,
Чтоб врасплох и невзначай
Нас метели не застали.*

*Путь-дорожку примечай
Крепко-накрепко навеки.
Уходя, не выключай
Свет свой тихий в человеке.*

Этот тихий свет, вкупе с зорким сердцем, помогает поэту увидеть, что отживший своё прошлогодний снег плачет, «словно человек, повидавший всё, усталый».

В этом свете, окружённом неизбывным душевным теплом, совсем иной, не обыденный смысл приобретают слова, обращённые к бездомному воробью, «бедолаге застрешному»:

*Хватает под солнышком вешним
И света тебе, и тепла.
Зачем тебе эта скворешня?
Всего-то четыре угла...*

И даже тогда, когда подступающая душевная усталость пытается отобрать у него веру в «чудеса», Евгений Семичев остаётся верен себе, не выпускает из рук Божьей милостью дарованный ему поэтический калейдоскоп.

*Я не верю, не верю, не верю
Ни в какие уже чудеса.
Почему же ветвями деревьев
Так цепляются за небеса?*

*И ветрами — не странно ли это?
За какую такую вину? —
Золотые осколыши лета
К моему наметает окну.*

Такое только в поэзии возможно, в поэзии подлинной, животворящей: когда троекратно повторённое «не верю» как раз-то о вере и говорит, кричит-шепчет нам.

О вере в жизнь, такую, казалось бы, обрыдшую, серо-обыденную, обречённо-осеннюю и — знобяще-высокую, небесную, неизбывную, особенно ясно видимую там, где светятся «золотые осколыши лета».

И вот уже поэт, живущий в безвестности в далёком своём «неуютном городке», словно прощается с нами, но прощание это освещает тихим светом своим всё та же печаль-надежда:

*Отразился в мутных лужах
Неуютный городок.
Никому я здесь не нужен.
Капитан, давай гудок!*

*Распогодилась погода.
Капитан, имей в виду:
Пристань есть у небосвода.
Доплывём, и я сойду.*

И почему-то верится, что небесная пристань — особенно теперь, когда «распогодилась погода», — это не край, а только начало, самое начало пути — дальнего, небесного. И туда, на заветную пристань эту обязательно позовёт поэт и нас, давно уже не чужих, поверивших ему, его сердцем выверенному слову.

Вышедшая в Самаре вскоре, в начале 1995 года книга стихов Евгения Семичева «От земли до неба» как бы выросла из двух предыдущих — не столько даже стилистически, лексически и тематически, сколько — по взгляду, интонации, по глубине постижения, сердечно-душевного осмысления мира. Не чурающийся острой социальности, ершистый, а порой и резкий в поэтическом жесте, Семичев вроде бы и не меняется, просто всё более «выдаёт себя» как лирика — проникновенного, предельно искреннего, чуждого самолюбования. В стихотворении «Сердце» он говорит:

*Нечем мне особенно гордиться.
Может, на хорошие дела
Добрым людям в жизни пригодится
Горсточка сердечного тепла.*

Гордиться-то, конечно, уже есть чем, но... всё то, чем может гордиться поэт, оно ведь и есть — «горсточка сердечного тепла». Тепла, отданного людям. Таким гордятся разве?

Таким — живут.

Как живёт, например, врачующий людские раны подорожник, так похожий на лирического героя одноимённого стихотворения.

*Мой опечаленный художник,
Тебе открою я секрет:
Вот этот лунный подорожник —
И есть мой истинный портрет.*

Но за скромностью (вовсе не напускной) внимательному читателю открывается поэт высокий, мастер зрелый. Его метафоры дышат неохватным простором, и в то же время в них и намёка нет на что-то заёмное, неорганичное, «конструкторское».

*Повела однажды оком —
Зачерпнула небосвод.*

Это — о бабушке Марусе из стихотворения «Удивлённые глаза». А шире — о русской женщине и даже — о душе русской.

А вот из стихотворения «Навеки» — о любви-боли, о прощании:

*Положи себе небо на грудь,
Как кладут его русские реки...*

Не слукавил поэт, давая название этой своей книге: образы в ней без преувеличения встают от земли до неба.

Там же, в небесном, завязка стихотворения «Как ты хотела», относящегося, на мой взгляд, к лучшим образцам русской лирики конца двадцатого века.

*Когда душа сольётся с небом
И станет некуда бежать,
Я буду снегом, белым снегом
На синем облаке лежать.*

Вступивший в дело «дядя Жора — местный дворник», «он снег развезет по России», и свершится, как хотелось ей, женщине:

*Я окажусь, как ты хотела,
Лишь у тебя под каблуком.*

И получилась бы лирическая такая усмешка, чуть горьковатая, в меру ироничная, если бы не последняя строфа.

*И буду снегом,
Чистым снегом
Под каблуком твоим дрожать.
Тогда земля и станет небом,
И будет некуда бежать.*

Парадокс: круг лирического образа замкнулся, а поэтические смыслы — рванулись за пределы очерченного, взмыли высоко-высоко, голубиной почтой полетели во все стороны света. Их, эти смыслы, уже толковали и ещё толкуют не раз, но мне-то что до того?

Мне вот что видно: свет человеческого чувства — высокого, жертвенного, даже отринутого, ставшего снегом, — не исчезает бесследно. Именно тогда, когда он, этот чистый снег, уже низвергнутый с небес, касается грешной земли, земля становится небом...

3

«И вот однажды...»

Эту фразу очень любят авторы беллетризованных биографий и охочие до сплетен «из жизни звёзд» обыватели. А завершает каждую такую «рождественскую» историю привычное резюме: «Повезло!» Имеет ли всё это какое-то отношение к жизни и творчеству русского поэта Евгения Семичева? Ну, совсем без удачи человеку пишущему нельзя, такое уж это особенное, тонкое дело.

Только ведь удача удаче рознь. Семичевское «однажды» разительно отличается от стандартных историй такого рода. Биографический справочник портала «Хронос» говорит об этом по-военному сухо и кратко: «В 1995 году Семичев был принят в СП России и стал слушателем Высших литературных курсов при Литературном институте им. А.М. Горького (семинар Ю. П. Кузнецова)».

Ого, сколько сразу событий в жизни провинциального литератора!

Но...

Принятие в Союз писателей России — удача?

В какой-то мере да: самая солидная писательская организация страны, наследница Союза писателей СССР. К

тому же голосование по приёму тайное, можно и «пролететь». С другой стороны, мы уже знаем, что к этому времени Семичев — автор нескольких сборников стихов, причем в сборниках этих — именно поэзия, а не рифмованный словесный мусор. Так что здесь, скорее, естественное развитие событий, даже несколько запоздалое.

А Высшие литературные курсы — не удача разве?

Учебное заведение — штучное, гранильня для самородков, случайных людей туда не брали. Но — время-то какое на дворе было, припомнили? Да и личные обстоятельства поэта так складывались, что хоть волком вой: безденежье, полуголодное столичное существование, навевавшее только одну мысль — а не послать ли всю эту учёбу-мучёбу к чёртовой бабушке? Остался, перемог, выстоял — не без помощи добрых людей. Но история эта, согласитесь, явно не рождественская...

Вот встреча с Кузнецовым — это да, удача редкая.

И речь здесь не о какой-то сугубо практической литературно-карьерной выгоде (скажем, те же публикации в журнале «Наш современник»). Там, у Москва-реки, сошлись Кубань и Волга — и потянулись друг к другу. Сдаётся мне, что пришедший в большую поэзию вовсе не кубанским пыльным просёлком, а кремнистым лермонтовским путём Кузнецов разглядел, сумел увидеть на стёртой-сбитой обувке упрямого самарского путника не одну только равнинную пыль-печаль, но и — такой знакомый — кремнистый отблеск...

Итак, «судьбоносный» 1995 год мы, пусть всего лишь несколькими штрихами, обозначили. И выводы вряд ли обрадуют тех, кто, оправдывая свою бесхарактерность, а то и откровенную трусость жить, привык всякий раз кивать при этом на капризную фортуна.

Конечно, упомянутые выше события, в том числе и двухлетнее пребывание на ВЛК, общение с Юрием Кузнецовым, важны и значимы. Но они вовсе не явили миру нового, ранее не существовавшего поэта.

Думаю, что произошло иное: поэт — уже сложившийся, крупный, давно переросший провинциально-губернские мерки — смог наконец выйти из тени, его тяготившей («В том, что меня не замечали...»), на свет.

Распрямылся. Расправил плечи.

И разгляделось-увиделось очевидное, хотя сказались об этом разным литературным людом по-разному: кто-то выдохнул: «Богатырь!» — кто-то обозвал явлением, а кто-то, настолько «в зобу дыханье спёрло», только рукой махнул.

Множась и ширясь, пошли-покатились по городам да весям, ближним и дальним, публикации «из прежнего», раз от разу всё боле весомые, заметные.

И новые стихи случались — всё того же штучного семического слова и жеста, но ещё более распахнуто-раскованные, сквозяще-ознобные, провидческие.

*Этот город похож на тюрьму...
Сквозь узоры решётки надёжной
Он глядит в непроглядную тьму
С непроглядной тоскою острожной.*

Страшноватое, почти апокалипсическое зрелище: город-тюрьма на руинах великой страны. Но время это — растоптанных судеб, разрушенных надежд, полубандитское тёмное время мамоны — явилось не само собой. Это мы, под заботливый шепоток бесов-искусителей всякого рода и пошиба, о нём возмечтали. И оно, явившись, нас отблагодарило.

*Дверь железная у входа,
Окна — кованый металл.
Вот желанная свобода,
О которой я мечтал!*

Славно отблагодарило: вместо былой, может, порою и тесноватой, не слишком сытой, но дававшей уверенность в завтрашнем дне жизни общей, соборной — персональная тюремная камера каждому. Да ещё и собственными же руками сооружённая. С редкой возможностью глядеть на бандита-надзирателя через персональный «глазок» — и вдыхать, не выходя за порог, «ароматы истинных человеческих ценностей».

*Давно над златом сдох Кашей,
Но вновь смердит, как сила вражья,
Останками его мощей
Останкинская телебашня.*

Социальность Евгения Семичева — это естественная реакция человека, оказавшего в воде после кораблекрушения и захлестнутого солёной волной. Но пловец этот — закала особого: вынырнув, он не вцепляется насмерть взглядом в спасительный берег, но ищет глазами своих товарищей по несчастью — более слабых, тех, кому без его помощи не выплыть.

*А над землёй родное солнце
Ласкает светом этажи.
А под землёй в глухом колодце
Спят малолетние бомжи.*

«Как слов не вычеркнуть из песни», не вычеркнуть «из памяти России всей» и чёрные наши годы, такие, как явленный нам в одноимённом стихотворении Семичева 93-й. Не вычеркнуть

*И тех безвинно пострадавших —
Всех дочерей и сыновей.
И тех, без промаха стрелявших
В затылок Родине своей.*

Но, помня горькое и тёмное, помнит поэт и своё предназначение.

*В городишке уездном
Я живу — не тужу.
По мерцающим безднам,
Как по лужам, хожу.*

*Высока и отвесна
Надо мной тишина.
Что для русского бездна?
Мать родная она!*

И мы, читатели, спокойно идём за поэтом Семичевым — к Родине, к вере, к себе самим — «по мерцающим безднам». И взлетаем, вмываем к небу вместе с ласточкой — вестницей светлого дня.

*Городская ласточка-воронок
Поутру срывается с каланчи.
К полотну небесному, как челнок,
Пришивает солнечные лучи.*

И нам рядом с семичевским словом — тревожно-збно-ко, да, что и говорить, но и — надёжно так, неодинок и солнечно...

Всего того, что случилось с Евгением Семичевым в его «послемосковской» жизни и поэзии (после ВЛК уехал он в родные места, в невеликий волжский городок Новокуйбышевск), я коснулся лишь краешком пера, вскользь. Объяснение здесь простое: зрелый, сегодняшний Семичев — открытая книга для всей литературной улицы. Критик ли ты, литературовед, просто любитель поэзии — всякому ведомо это имя. Ведомо не благодаря пиару, а по заслугам. И заслуги эти поистине велики: одних литературных премий (среди них есть и очень значимые, например, Большая литературная) с десяток наберётся.

Публикаций по всей стране и за рубежом — не счесть.

Книги выходят, весомые, в твёрдой одежке, не чета тем, первым (но тем, первым — родные).

Поэт читает свои стихи и в сельских Домах культуры, и в ЦДЛ, и в Государственной Думе — и везде его слышат.

Его зовёт к себе в Иркутск на фестиваль Валентин Распутин...

Этого Семичева, русского поэта самого первого ряда, уже не замолчишь, не «отменишь», и это отрадно. Но когда говорят о нём, вспоминают его стихи, цитируют, то порой не ведают даже, что цитаты эти — из иных, трудных, дальних времён.

Из тех времён, где безвестный, не обласканный судьбой поэт идёт к нам почти непроходимым своим бездорожьем, жизненным и литературным. Даже теперь не забылось:

*В пору юности радужной, вольной
Меня били, как селезня, влёт...*

Да, у него есть ангел-хранитель, но разве станет русский поэт выходить к своему Млечному Пути, сидя у кого-то на закорках?

Трудно ему, одиноко и зябко, тому Семичеву. И я тянусь к нему, дальнему, ещё не знакомому, через года. Порой ночной достаю с ближней полки тонкие его книжки и не скольжу взглядом по строчкам, не перечитываю — разговариваю с ними, вслушиваюсь в них...

Когда говорят о взаимоотношениях поэтов, то нередко вспоминают обронённую одним из них фразу: дескать, «у поэтов есть такой обычай — в круг сойдясь, оплёвывать друг друга». А я помню (и нередко повторяю) совсем другие слова:

*Поэты тянутся друг к другу,
Как и положено родне...*

Это правда Евгения Семичева.

Поэта большого, подлинного — и душевно близкого мне.

И я тянусь к нему, тянусь — сердцем, словом своим взволнованным. И знаю точно: это не Семичеву, а нам повезло, что он, не искавший в поэзии лёгких дорог, сумел к нам выйти.

Александр Нестругин,
член Союза писателей России
(Воронеж)

КРАСНЫЙ КРЕЧЕТ

Поэма

На горюн-горе высокой,
На седой Москва-реке
Белый храм — Господний сокол,
В золочёном клубуке.

В слободе стоит Напрудной
Грозной милостью царя.
Пламенеет знак нагрудный —
Соколиная заря.

По преданьям многовечным
В честь былых ненастных драм
Царский честник¹, красный кречет² —
Величают этот храм.

В пеленах народных мифов
К государевой реке
Его вынес святой Трифон,
Как сокольник, на руке.

Ниоткуда появился
На пылающем коне.
И нечаянно приснился
Патрикееву во сне.

Жизни истина земная
Пишется на небеси.
Так ли было, я не знаю,
Но легенда так гласит...

.....

...В ту неладную седмицу
Патрикеев пил с утра:
Утерял сокольник птицу
Из Приказного двора.

Возмечтал соколик ясный,
Помолившись на зарю,
На охоте царской красной
Угодить государю.

Страсть ко власти подольститься
В Патрикеевых жила:
«Патрикеевна-лисица»
Поговорочка была.

Волчья сыть, собачий потрох!
Вот как ты царю ульстил:
Заигрался в мыслях подлых —
Птицу сдуру упустил.

Головы тебе не жалко!
Видно, жалована зря
Горностаевая шапка
От великого царя.

Подвела лиса-плутовка —
Патрикеевна-судьба.
Сбила наземь шапку ловко
У боярина со лба...

.....

...Барабанщик беспощадный,
От усердия рябой,
В тулумбас³ лупил воцагой⁴,
Выводя призывный бой.

Гром катился дробным эхом
В поднебесной высоте.
Сокол брал Великим Верхом⁵ —
Поднимался на хвосте⁶.

Словно дивный ясный пламень,
Над землёю зависал.
И широкими кругами
Проплывал по небесам.

...Сотворённый Высшей волей,
Божьей милостью боец —
Сокол, как небесный воин, —
Ратной чести образец.

Он щитом над полем бранным
Расправлял свои крыла,
Чтоб не оскверняли враны
Павших воинов тела.

Он царил в миру высоком,
Божьей милостью храним,
Шестокрылый ясный сокол⁷ —
Шестикрылый серафим.

Поднебесный зоркий стражник
На верха стремглав взмывал.
Голубей почтовых вражьих
На лету перенимал.

В честь победы знатной, жаркой
Изо всех, что было, сил
Царь бросал на небо шапку —
Сокол шапку приносил.

Узнавал средь шапок прочих
Шапку грозного царя:
У неё по оторочью —
«Соколиная заря».

Со времён ещё хазарских
По отваге и уму
Среди птиц на службах царских
Равных не было ему.

И на выездах посольских
Непреренно всякий раз
Царских соколов геройских
Выставляли напоказ.

Удаль ратная и слава
На Руси в чести всегда.
Соколиная Держава
Божьим промыслом тверда.

И хотя орёл — царь-птица
И небесный верховой,
Вряд ли с соколом сравнится
В грозной схватке боевой...

...Царский честник, красный кречет
Ставку делал налегке⁸.
Восходил на небо свечкой
И добычу бил в пике.

Брал и коршуна, и луня.
С виража — не абы как!
Заполошный, словно клуня,
Падал в обморок коршак.

Бил в намёте чернь враную,
Вышибая потроха.
Как подкову гнут стальную,
Гнул небесные верха.

Разъярившемся волку,
Сбив его в догоне с ног,
Прорубал когтями холку,
Вырывая позвонок.

На лету болотной птице
Крылья напрочь выбивал.
Патрикеевне-лисице
Увернуться не давал.

Драл своей добыче глотку
И когтил её зело...
Но в сокольничью слободку
Разворачивал крыло.

И к сокольнику на руку
Ворочался на покой,
Потому что знал науку,
Чьей он выношен рукой⁹.

...Патрикеев род боярский —
Достославный, столбовой.
А бояре службе царской
Присягали головой.

На соколиков держава
Не жалела серебра:
Соколиная забава —
Ратной доблести сестра.

Но в неладную седмицу,
В уречённый день и час¹⁰,
Упустил сокольник птицу
Ненароком с пьяных глаз.

Взвился с напуска под вечер,
В небе вызрев воронка,
Заигрался красный кречет
И ушёл за облака.

Никакие враньи враки
От позора не спасут.
Подсокольники-собаки,
Знамо дело, донесут.

Видно, ты, боярин Трифон,
Как собака, пропадёшь!
Дорогим заморским грифам
На прокорм живьём пойдёшь.

И такая есть зараза
На кречатне у царя:
Из Посольского Приказа
Затащили егеря.

.....

Средь диковинок заморских
У царя есть даже слон.
И на выездах посольских
Тащит он походный трон.

Представляет слон собою
С виду — добрую избу
С ноздреватою трубою.
И гудит, как печь, в трубу.

Нарекли его Сизифом,
Погоняют батогом.
Как хотел сокольник Трифон
Водрузиться на таком.

Словно красный царский сокол,
Свой урвать Великий Верх.
И, сверкнув геройским оком,
Свысока взирать на всех.

Чтоб сияла над заплечьем
Соколиная заря...
Чтобы знали все, кто честник
У великого царя.

Волчья сыть, собачий потрох!
Эко ты куда хватил:
Заигрался в мыслях подлых —
Птицу сдуру упустил.

На сокольничье вабило¹¹
Попадёт твоя башка.
И такое дело было:
Вспомни Фёдора-дружка!..

...Затяжной осенний дождик
Листья с дерева стрижёт.
Золотой плетёный должок¹²,
Как удавка, руку жжёт.

Трифон смерти не боится.
Жаль до слёз детей-сирот.
А боярину давиться —
Опорочить напрочь род.

Третий день в угаре минул,
Как случилась та беда:
Простегал верха и сгинул
Ясный сокол в никуда.

Царь, от ярости потея,
Прохрипел в падучке злой:
«Иль вернёшь казне Свертея¹³,
Или голову — долой!»

Грозно зыркнул, как разбойник,
Из-под царственных бровей.
И почувствовал сокольник
Запах смертушки своей.

Обмерла душа живая...
А в лихих очах царя
Воспылала грозовая
Соколиная заря.

Царь Иван Василич Грозный
Шибко скорый на правёж.
И молитвой скорбной, слёзной
Его душу не проймёшь.

Делать нечего детине.
Бьёт судьба, как ястреб, влёт.
Или в чистом поле сгинет,
Или сокола вернёт...

.....

...Жадно воду сивый мерин
Цедит с пригоршни пруда.
Патрикеев путь свой мерит,
Сам не ведает куда.

От усталости сморился.
Приклонился в пояс дню.
Слез с коня и повалился
В ноги батюшке-коню.

Возопил, заплакав горько:
«Боже праведный, прости!
Храм поставлю. Дай мне только
Ясна-сокола найти!»

В сон, как в бездну, провалился.
И ему в глубоком сне
Святой Трифон объявился
На пылающем коне.

Святой Трифон — Божий мытник —
Стережёт Великий верх.
Он охотников защитник
И сокольничьих утех.

На его плече искрится,
Горним пламенем горя,
Золотая багряница —
Соколиная заря.

И стоит свечой высокой
На святой его руке
Божий храм — Господний сокол
В золочёном клобуке.

Воспромолвил Трифон святой:
«Покорись лихой судьбе.
Умолённый твоей клятвой,
Черковь¹⁴ вынес я тебе.

Порадеть на подвиг трудный
Обещанье дал ты сам.
В слободе поставь Напрудной
Соколиный Божий храм.

А теперь ступай в Мытищи.
Там, в листовяной стороне,
Ты свою пропажу сыщешь
В старой роще на сосне.

Разминёшься с мерзкой плахой,
Грозным милован царём.
А закончишь жизнь монахом —
Божьим станешь звонарём.

Будешь горним вещим эхом
Оглашать родной простор
И вести с Великим верхом
Величавый разговор...

...Отпусти свои печали.
Вспомни, как, в рожок трубя,
Подсокольники венчали
На сокольника тебя.

Красных кречетов сажали.
Били каждому поклон.
И присады промежали¹⁵
Муравой со всех сторон.

Золотым вращая оком,
Распалившись добела,
Небосвод — Господний сокол —
Распахнул свои крыла.

Стол накрыт сукном зелёным.
На него воссел Челиг¹⁶.
На нагруднике орлёном
Золотится гербовик¹⁷.

Цевки, стиснутые в кольца,
Крепко сжаты в кулаки¹⁸.
На обносцах — колокольцы¹⁹
И плетёные шнурки.

Он теперь — хозяин поля.
Честник, проще говоря.
И на то есть Божья воля
И веление царя.

На резной скамье высокой —
Царский бархат-киноварь.
Восседает Божий сокол —
Грозный русский государь.

Соколиными очами
Свысока глядит на всех.
В гордом царственном молчанье
Правит свой Великий верх.

На призывный глас небесный
Государь настроил слух.
И царит над Божьей бездной
Нерушимый русский дух.

Он царит в миру высоким
Невредим, непобедим —
Русский дух — Господний сокол,
Шестикрылый серафим!

Твердь небесную пластая,
Высоко парит она —
Мать честная, Русь Святая,
Соколиная страна!

...В час означенный, урочный
Матерущий из мужчин,
Укрепясь молитвой прочной,
Возвещал всему зачин.

Подношенья воздавали
Наречённому лицу.
Громогласно объявляли:
«Чину быть и образцу!»

К царской милости взывали.
В ноги кланялись царю.
Тулумбасы выбивали
«Соколиную зарю».

Словно царская поляна,
Уряжённая изба.
И basil подъячий рьяно,
Как архангела труба.

Нарастяг гнусавил зябко:
«Подлый смерд, челом ударь!
Горностаевую шапку
Тебе дарит государь».

Ты уткнулся в землю ликом.
И твои уста обжѣг
Грозной милостью великой
Красный царский сапожок.

Губы напрочь онемели.
Прикипела кровь к лицу.
Подсокольники взревели:
«Чину быть и образцу!»

Царь избрал тебя, детину,
На Сокольничья Пути.
И тебе теперь по чину
Волю царскую блюсти.

Отряхни свой взор печальный.
Сбрось с него обиды тьму.
Ты — царѣв слуга начальный.
И ступай служить ему...»

.....

...А ещё во сне глубоком
(Знать, была печаль тяжка!)
Патрикеев ненароком
Вспомнил Фёдора-друга...

...Барабанщик беспощадный,
От усердия рябой,
В тулумбас лупил вошагой,
Выводя смертельный бой.

Гром катился дробным эхом...
И, ярилом знаменит,
Полдень брал Великим верхом —
Восходил свечой в зенит.

Столб дымился, иссечённый.
Тело висло на верви²⁰.
Кнут высверкивал кручёный,
Размягчённый на крови.

Опьянён тупой отвагой,
Не щадя своей руки,
Бил палач, кряхтя, с отягой.
С тела рвал живѣм куски.

Сгустки крови раскалённой
Жгли помостную доску.
Запах смертушки палёной
Палачу мутил башку.

Слово царское и дело
Укреплялись на Руси.
Пресвятая Божья Дева
Вся в слезах на небеси

Призывала, причитая,
К милосердью и любви.
Золотая Русь Святая
Утверждалась на крови.

Под кривлянье скомороха
И мирскую маету
Соколиная эпоха
Набирала высоту.

Кубок пенный подавали
Слуги батюшке-царю.
Тулумбасы выбивали
«Соколиную зарю».

Бил палач, впадая в одурь,
Мясо с косточек тесал.
И, забитый насмерть, Фёдор
Отдал душу небесам...

И душа его высоко
Вознеслась, прощая всех.
И в раю, как ясный сокол,
Обрела Великий верх.

Светом праведным объята,
Навсегда прозрела вдруг.
Потому что Боже Святой
Снял с неё глухой клобук.

.....

...Долго ль спал ещё сокольник?
Не ответит время нам...
А на Трифоновке стольной²¹
Воссиял Господний храм.

В слободе стоит Напрудной
Грозной милостью царя.
Пламенеет знак нагрудный —
Соколиная заря²².

По преданьям многовечным
В честь былых ненастных драм
Царский честник, красный кречет
Величают этот храм.

В пеленах народных мифов
К государевой реке
Его вынес святой Трифон,
Как сокольник, на руке.

Белый храм — Господний сокол —
Божьей волею храним.
На горюн-горе высокой —
Небо русское над ним.

На призывный глас небесный
Он настроил чуткий слух.
И царит над Божьей бездной
Нерушимый русский дух.

Твердь небесную пластая,
Высоко парит она —
Мать честная, Русь святая,
Соколиная страна!

Золотым вращая оком,
Распалившись добела,
Небосвод — Господний сокол
Распахнул свои крыла.

Удаль ратная и слава
На Руси в чести всегда.
Соколиная держава
Божьим промыслом тверда!

Над Москвой Первопрестольной
Солнце красное горит.
Звон раздольный колокольный
Ясным соколом парит.

Он взметнулся с колокольни,
Осеня всё вокруг.
Колокольничий сокольник,
Снял с него звонарь клобук.

И багряными крылами
На плечах у звонаря
Запылала, словно пламя,
Соколиная заря.

Он на звоннице высокой
С высоты глядит на всех —
Лучезарный русский сокол
Держит свой Великий верх.

Звон плывёт по небу лавой.
Высь Господняя светла.
Над Россией православной
Сокола-колокола.

Свет с небес струится горний,
И сияют с высоты
Ясны соколы Господни —
Шестикрылые кресты.

Свет царит в миру высоком,
Высшей милостью творим, —
Шестокрылый ясный сокол,
Божий ангел серафим.

На Москве Первопрестольной
В красных солнечных лучах
Пламенеет колокольня,
Как заздравная свеча.

Жизни истина земная
Пишется на небеси.
Так ли было, я не знаю.
Но легенда так гласит.

Русским соколам во славу
Храм стоит и в наши дни...
Соколиные забавы
Ратной доблести сродни.

Сокольный словарь

1. Честник — любимец, находящийся в чести.
2. Красный кречет — красивый сокол редкой белой масти.
3. Тулумбас — барабан.
4. Вошага — барабанная палочка.
5. Великий верх — наивысшая точка полёта сокола.
6. Подниматься на хвосте — то есть вертикально.
7. Шестокрылый — особенность строения соколиного крыла, состоящего из шести подкрылков.
8. Сделать ставку — приготовиться к нападению.
9. Выношен — дрессирован, обучен.
10. Уреченный — назначенный.
11. Вабило — кусок мяса, являющийся приманкой для сокола.
12. Должик — ремешок, пристёгивающий сокола к руке.
13. Свертей — имя сокола.
14. Черковь — церковь в старорусском произношении.
15. Присады — стулья, на которые сажают соколов.
16. Челиг — сокол-самец.
17. Гербовик — печать Сокольного Приказа.
18. Цевки — птичьи лапы.
19. Обносцы — кожаные путцы, к которым пристёгивается должик.
20. Верви — верёвки.
21. Трифоновка — Трифоновская улица в Москве.
22. «Соколиная заря» — красный бархатный нагрудник для сокола, сплошное зарево, особый барабанный бой.

АРГУВАН

Поэма

* * *

В саду зацветает шиповник.
На ветке поёт соловей —
Отчаянный юный любовник
Восторженной песни своей.

Шипы ему петь не мешают.
Они бередают его кровь.
А раны — они украшают.
Они возвышают любовь.

О, розовый пламень востока,
Цветущий на ветке зари,
Твой свет, как шиповник, жестоко
Сжигает меня изнутри.

Тебе я, читатель, открою
Заветную тайну свою.
И сам я бываю порою
Подобен тому соловью.

Восторженный музы любовник,
Поклонник и рыцарь её.
А этот цветущий шиповник —
Разбитое сердце моё.

* * *

Про тебя говорят старики,
Как про высшее Божее чудо,
Абдулла Махаммад Рудаки —
Светоносная лютня Панджруда.

Когда милости Бог раздавал,
Он стоял у небесного горна,
Потому что в то время ковал
Для тебя соловьиное горло.

Бог сверх меры плеснул серебра
И небесного чистого света.
Золотой головой Бухара
Преклонилась пред песней поэта.

В саманидских садах соловьи
Затихали в унылой печали,
Когда звонкие бейты твои
На устах у влюблённых звучали.

Горько плакал на небе Аллах,
Омывая лицо звёздным светом.
И бухарский воинственный шах
Называл тебя первым поэтом.

...Прокатилась звезда, как слеза
По шершавой щеке небосвода.
Шах велел твои выжечь глаза
В избежанье прозренья народа.

И бредёшь ты, как странник слепой,
Никакого не ведая страха,
Соловьиной небесной тропой
В заповедном саду у Аллаха.

* * *

«Почин», «раскат», «кукушкин перелёт»,
«Трель», «кльканье», «курлыкание»,
«дробушка» —

Колено за коленом выдаёт
Соловушка — зазновушка — пичужка.

Бывает до двенадцати колен
(А курский баловник — того поболее...)
Напоминают нам: всё в мире — тлен
И прах вселенский, окромя любви.

Соловушка — зеленоглазый Лель!
Откидывай любовное коленце!..
«Пастушья дудка», «лешева свирель»
Ножом разбойным рассекают сердце.

* * *

Стихами мудрыми своими
Возвысил ты язык фарси.
Никто твоё не знает имя,
Абулькасим Фирдоуси.

Потомкам псевдоним оставил
Как поэтическую блажь.
Но Персию в веках прославил
И родовой очаг свой — Баж.

Как несгибаемая крепость
Для всех блуждающих во тьме,
Восстал твой легендарный эпос
Благословенный «Шах-наме».

Наследник бедного дахкана
Взрыл вековечную тоску
И мощь небесного вулкана
Вдохнул в бессмертную строку.

Во мгле бездомного изгнания
Нажил седины старика.
...А всенародное признание
К тебе пришло через века.

* * *

Мне унылого счастья не жалко...
Пропадай! И была — не была!
Полночь лунная, словно русалка,
В звёздный омут меня завлекла.

В этом омуте плещет из сини
Лучезарная звёзд чешуя...

О себе, о любви, о России
Мне расскажет русалка моя.

Почему на степной оттоманке,
Заглядевшись на призрачный свет,
Вор скулил об одной персиянке.
А о Персии плакал поэт.

Поклоняясь кабацкому дыму,
Мужики в беспросветном хмелю,
Как на праздник, шагали на дыбу
Или лезли от скуки в петлю.

В звёздный омут бросали любимых
И с русалкой крутили любовь.
А по рощам огнём на рябинах
Зрела ягоды пьяная кровь.

Бесшабашное наше веселье —
Леденящая душу напасть:
Нахлебаться отравного зелья
И в объятья русалки упасть.

Чтоб могли на глухом полустанке,
Серебро разменявши на медь,
О какой-то шальной персиянке
Люди русские плакать и петь.

* * *

Арабский лев, иранский сокол —
Абульхасан Шахид Балхи.
На небе Персии высокою
Аллах прочёл твои стихи.

И разделил с Исою¹ мнение
О золотой твоей строке,
Чтоб я бессмертное творенье
Постиг на русском языке.

Я прочитал тебя, философ,
И тайну сердцем угадал.
Оставил больше ты вопросов,
Чем сам на них ответов дал.

Но лишь один урок извечный
В твоих трудах усвоил я:
Как о любви сказать сердечной,
Учились персы у тебя.

Чтоб песнь поэта стала мудрой,
Должна постичь его душа
Величье льва, соколью удаль,
Ум волка и печаль стрижа.

Спасибо за совет твой царский
И за небесные стихи,
Иранский волк и стриж арабский,
Абульхасан Шахид Балхи.

* * *

Моя душа ночует в небесах,
Как стриж, над звёздной бездной зависая.
И ничего не смыслит в словесах,
Которыми я воздух сотрясаю.

Как стриж не смыслит, что стрижёт во сне
Небесный свет, когда во мгле кочует.
Моя душа забыла обо мне
И в бороде у Господа ночует.

Ей хорошо в Господней бороде
Купаться в сизом ладане и млеке.
А я-то где? Скажите, люди, где?
Ну, что ж вы приумолкли, человеки?

Моя душа висит на волоске...
А я не сплю и причитаю в голос.
А вдруг Господь в задумчивой тоске
Забудется и вырвет этот волос?

И поплывёт душа моя, дрожа.
И крыльями немых высот коснётся
Печальной тенью синего стрижа,
Который на рассвете не проснётся.

* * *

То не звёзд золотые огни
Пламенеют над кущами сада,
Фахриддин Асаад Гургани
Возжигает влюблённым лампы.

То не пылкий трепещет жасмин
И не роза, как пламя, пылает.
То влюблённый красавец Рамин
Ненаглядную Вис обнимает².

То не в кущах звенит тишина
Над Гурганом ночью порою,
А, ревнуя влюблённых, луна
Мир накрыла небесной чадрою.

То не в красных цветах аргуван³
Лепестками огня облетает.
А пленительной гурии стан
Поцелуями ночь осыпает.

То не ангельский призрачный свет
Сышет небо за ворот Эдему,
А придворный персидский поэт
О любви сочиняет поэму.

* * *

Красивая, как молния в грозу,
Ты, вспыхнув, моё сердце осветила.
И, на ладонь мне уронив, слезу
В жемчужину Востока обратила.

Ты мне сказала: «Вот подарок мой!
Его я подняла со дна морского.
Достоин он оправы дорогой,
Поскольку сотворён для дорогого...»

Русалочка печальная моя,
Твои глаза нерусского покроя
Искрятся, как восточные моря,
Средь русского заснеженного моря.

В них огненные сполохи грозы
И тьма неукрошаемого бунта...
Не стоит ни одной твоей слезы
Моей любви завьюженная смута.

Любимая, мне небо говорит,
Что сердце у поэта одиноко.
А на ладони у меня горит
Твоя слеза — жемчужина Востока.

* * *

Родила Ситара сына.
Назвала его Али.
Трижды крикнул: «Ибн Сина!..» —
Ангел в солнечной дали.

Трижды Божий промыслитель
Известил весь белый свет,
Что явился в мир целитель
И блистательный поэт.

Солнце ярко осветило
Мир персидский на заре.
«В небе новое светило», —
Говорили в Бухаре.

Эта весть, как свет, мгновенно
Разнеслась во все концы.
А в Европе «Авиценна!»
Восклицали мудрецы.

Свет твоих небесных строчек,
Твой бесценный Божий дар
Напитал один источник
С райским именем Кавсар⁴.

Ангел нежным дуновеньем
В жизнь твою вдохнул рассвет.
Под персидскою сиренью
Появился ты на свет.

* * *

Сирень прижалась к моему окну.
Доверчивости этой не нарушу.
А лишь окошко настужь распахну
И в дом впущу сиреневую душу.

Она моей прокуренной душе —
Желанная заветная отрада.
А если с милой рай и в шалаше,
То им двоим и терема не надо.

А я на табуретке посижу
В унылом уголочке мирозданья.
И с завистью украдкой погляжу
На это мимолётное свиданье.

Им хорошо двоим и без меня,
И без моих непрошенных объятий.
Достаточно и света, и огня
Для пылких и восторженных понятий.

Их призрачное счастье не навек.
Их встречи мимолётные так редки.
...О чём ты плачешь, добрый человек,
Сидящий на скрипучей табуретке?..

* * *

В Нишапуре птица-бейта
Залетела к шейху в дом.
Клюв у птицы словно флейта.
Сто отверстий в клюве том.

У аптекаря Аттара
(Не поверит мне никто!)
Песен звёздная отара,
Соловьёв певучих — сто.

Все за пазухой гнездятся.
Каждый песней знаменит.
«На подарки пригодятся...» —
Говорит Аттар Хамид.

Достаёт он птицу-бейту
В час раздумий о любви.
Дует в клон ей, как во флейту, —
Вылетают соловьи.

— Чем богаты, тем и рады.
Я их людям раздаю.
Пусть поют для них рулады.
Каждому — по соловью.

* * *

Приручу твои ресницы
Всем сомненьям вопреки.
Эти две пугливых птицы
Будут пить с моей руки.

Будут, будут, будут, если
В свои руки их возьму.
Мы споём такие песни,
Что не снились никому.

Мы таких рулад наскажем
И налепим птичьих гнёзд.
И таких снопов навяжем
Из лучей окрестных звёзд.

Что все чудо-заграницы
Потускнеют на века.
...Эти две пугливых птицы
Приручу наверняка!

* * *

У любимой на груди
В бело-розовом тумане
Спит усталый Саади,
Словно ангел в Гулистане.

Много странствовал он лет.
Глубоко устал от песен.
Встретил милую поэт
И уснул в бутонах персий.

Гулистан — цветущий сад.
С того солнечного лета
Называют сад-Саад
В честь великого поэта.

Абдулла Муслихаддин
Средь достойнейших и равных
Из поэтов был один
Удостоен чести славной.

В том саду среди ветвей
Воспевает рай нетленный
Лучезарный соловей —
Ширази благословенный⁵.

Всякий Божий день в году
Все персидские поэты
Величают в том саду
Соловьиные рассветы.

Бело-розовый туман
На ветвях зари не тает.
Алым цветом аргуван
На ветру огнём пылает.

В знойных солнечных лучах
Млеют юные фиалки.
Я такие же встречал
В городском рязанском парке.

В этом парке среди ветвей,
Прославляя рай нетленный,
Пел рязанский соловей —
Ширази благословенный.

* * *

Улыбка благодатная
Слетела с Божьих уст
И молнией ударила
В шиповниковый куст.

И пробежал по веточкам
Зелёный огонёк,
И розовые свечечки
На веточках зажжёт.

Улыбку неба вешнего
Я целовать иду,
Шиповником зацветшую
В заплаканном саду.

Пусть больно расцарапаю
Я губы до крови —
Не зря с небес шарахнула
Мне молния любви.

Твой ряженный, твой суженый...
Ты узнаёшь меня?
Я молнией контуженный,
Любимая моя.

* * *

С детских лет неокрепший мой разум
Будоражил персидский восток,
Где в цветущей долине Ширази
Бьёт поэзии чистый исток.

Там склонились великие тени
Рудаки, Фирдоуси, Балхи...
По-рязански, по-русски Есенин
О любви им читает стихи.

И внимают поэту поэты
Гургани, Ибн-Сина, Аттар...
И небесных светил минареты
В их сердцах возжигают пожар.

Саади от волнения замер.
И уверовал мудрый Аллах,
Что в далёкой славянской Рязани
Небеса в облаках, как в чалмах.

Соловьи распевают рулады,
И тюльпаны дрожат на ветру...
Ничего мне для счастья не надо.
Я за песни Ширази умру!

В понедельник, во вторник иль среду
(Дайте только мне время и срок!)
Я в долину Ширази уеду
На цветущий персидский восток.

Разменяю рубли на динары
И куплю у чайханщика с рук
Для своей ненаглядной Гульнары
Шитый золотом кафтан-архалук.

Кротких глаз потаённая нежность
Обжигает сильнее огня.
Если глотки неверным там режут —
Пусть в Ширазе зарежут меня.

Мне знакома такая расправа.
Среди смуты российской и тьмы
Разгулялась разбойная слава:
Резать глотки умеем и мы.

Разлилось по Руси половодье.
Разошлось, как круги по воде,
Воровское блатное отродье...
Разве Родину бросишь в беде?

В понедельник, во вторник иль в среду...
 Для себя я усвоил одно:
 Ни в какой я Шираз не уеду.
 Вышла замуж Гульнара давно.

А ещё мне известно заране:
 В дни народных смятений и бед
 Ни в Ширазе, ни даже в Рязани
 Никому ты не нужен, поэт!

Разметалось крошечное эхо.
 А Шираз ослепительный мой
 Не дождался меня, сам приехал
 И на рынке торгует хурмой.

Примечания

1. Исою на востоке мусульмане называют Иисуса Христа.
2. «Вис и Рамин» — поэма Гургани о влюблённых.
3. Аргуван — дерево с багряными цветами.
4. Кавсар — райский источник.
5. Ширази — почётное название уроженца Шираз, нисба (прозвище) поэта Саади.

БАБУШКА-ПЕНЗА

Баллада

Здравствуй, бабушка-Пенза —
 Моя старая мать!
 Разреши мне любезно
 Так тебя называть.

Ибо в нашей деревне,
 Безотчётно любя,
 Так по милости древней
 Называли тебя.

Потоптал я немало
 Другие края.
 Здравствуй родина-мама,
 Мама-Пенза моя.

Не чужая я птица
 Средь родного двора.
 Что ж ты плачешь, сестрица,
 Моя речка Сура.

Как там наша деревня
 И вся наша родня,
 Где поля и деревья
 Не забыли меня?

Как вы жили-тужили
 В родной стороне?
 Как-никак не чужие.
 Вы сородичи мне.

Иль не рады вы брату
Улыбнуться в ответ?
Пугачёвскому тракту
Мой особый привет.

Гениальнейший Пушкин
Этот тракт уважал.
Вдоль моей деревушки
В Оренбург проезжал.

В придорожном трактире
Пил крутой самогон.
Доброй пензенской лире
Свой отвесил поклон.

И впервые озвучил
Он на весь белый свет:
«Есть у Пензы поручик
Перед Богом — поэт!

Вся вселенская бездна
По колено ему.
Да, прославится Пенза
По сему, по всему!»

Много вечная Лета
Утопила во мгле.
Но пророчество это
Сбылось на земле.

Пропылил по окрестной
Дороге табун.
И из памяти местной
Я стихи зачерпнул.

Я приехал не в гости,
А к соотичам, брат.
Здесь, на сельском погосте,
Мои отичи спят.

Здесь на холмике узком
И поставит мне крест
Мой родной Большелукский
Православный уезд.

Здесь, на родине нашей,
У отчей версты
Мне лопатами машут
В огороде браты.

В пояс кланяясь свету,
В деревеньке живут.
И Лопатино эту
Деревеньку зовут.

Я родниться не против.
Не залётный сквозняк.
Ваш от крови и плоти
Толстопятый пензяк.

ШАПКА

Баллада

Плывёт по Волге шапка,
Дивясь сама себе,
Раскачиваясь шатко,
Как будто при ходьбе.

Плывёт вдоль побережий
Угрюмых Жигулей.
Искрится мех медвежий
Рубинами на ней...

К воде её не клонит
Ни ветер, ни волна.
Плывет себе, не тонет
Разбойная казна.

Сапфиры и агаты
Её венчают мех.
Усеяны богато.
Не счесть камней всех.

...Бывало, вдрызг штормила
Река в ненастный день.
А шапку лишь ломило
Волною набекрень.

Волна стеной вздымалась,
Грозь крутой бедой.
Но шапка не ломалась
Пред волжскою водой.

Стихия бушевала.
А шапка на волне,
Сияя, гарцевала,
Как всадник на коне...

Кипит-бурлит под шапкой
И пенится волна,
Как будто вострой пашкой
Разрублена она.

И пароход, и барку
Река теснит волной,
Чтоб обходили шапку
С поклоном стороной.

И люди, что помельче,
И важные тузы
Пред шапкой той при встрече
Ломают картузы.

Раскачиваясь шатко,
Как будто при ходьбе,
Плывёт по Волге шапка,
Дивясь сама себе.

Оглаживает холку
Речную Божий день.
Идёт хозяин Волги —
В воде по шапку всклень.

А кто же тот хозяин?
Он из каких людей?
Известно, Стенька Разин —
Разбойник-лиходей.

По потаённым схронам,
Утерянным на дне,
Идёт-бредёт с поклоном
К утопленной княжне.

Но пленница таится
От Стенькиной любви.
Горит во мгле денница.
...А шапка на крови.

Окликивает горы
Речного ветра гуд.
То тайные дозоры
Стан Стенькин стерегут.

Казачью перекличку
Разбойнички ведут.
И клич «Сарынь на кичку!»
Не позабыли тут.

Когда княжну-любаву
Степан себе вернёт,
Он волжскую заставу,
Как прежде, всколыхнёт.

...Раскачиваясь шатко,
Прощальный путь торя,
Плывёт по Волге шапка —
Подарочек царя.

Молва смущает разум
Уже который век.
А кто не верит сказу —
Пропавший человек!

БАЛЛАДА О МЯЧИКЕ

Баллада

Мячик закрутить старался мальчик,
Но перестарался сгоряча.
И в окно влетел футбольный мячик,
Просвистев по лезвию луча.

Много в Доме Герцена¹ окошек,
Но в одно упёрся певчий луч.
Много в жизни радужных дорожек,
Да не каждый мальчик так везуч!

Видно, по неведомой дорожке
Двинул этот мальчик напролом.
И окно светящейся сторожки
Брызнуло на мальчика стеклом.

Пал с небес и дивно заискрился
Пред глазами мальчика туман...
Двор как будто в яму превратился
И преобразился в котлован.

Выбежал мужик в халате сером
На порог сторожки босиком.
И, взревев, стал черпать ошалело
Воздух оловянным черпаком.

То, что зачерпнул он в котловане
Хмурого московского двора,
Позже не в одном его романе
Выльется из-под его пера.

Болью в сердце русское прольётся.
Просквозит небесной синевой.
И во мгле вселенской отзовется
Гулким эхом славы мировой.

Облетит планету вольной птицей...
Но, однако, нам с тобой пора,
Милый мой читатель, возвратиться
В котлован московского двора.

Где дрожит юнец оторопелый,
Ветреным продутый сквозняком.
И стоит мужик в халате сером
На крыльце сторожки с черпаком.

Аки огонь, рванув из полумрака,
Раскатилось эхо по двору:
«Ну, пострел, ужо тебе, однако,
Задницу я всё же надеру!»

Мальчик подтянул повыше брюки.
Воздуху палёного глотнул.
И, как говорится, ноги в руки —
Через двор опасный сиганул.

Убегая, рассуждал он здраво
О нелепой выходке своей:
«На фига мне мировая слава?
Что я вам, Эрнест Хэмингуэй?...»

...В это время на далёкой Кубе
На груди любовницы, как крест,
Тяжело лежал в цветочной клумбе
Человек по имени Эрнест.

Говорят, что это был писатель,
Всем известный в тутошнем краю.
Приключений всяческих искатель
На хмельную голову свою.

Он кричал любовнице в угаре
О своей возвышенной любви:
«Памятник поставят в Кохимаре²
Мне потомки смуглые твои!...»

В Кохимаре каждая собака
Скажет вам, что житель здешних мест —
Скандалист, буян и забияка —
Человек по имени Эрнест.

Он корил свою мулатку грубо:
«Я плевал на климат ваш морской!
На фига нужна мне эта Куба
Вместе с её славой никакой?»

Мне приятней и гораздо ближе
С драгоценным другом подшофе
Петь о славном городе Париже
В тихом поэтическом кафе.

Мне милей гораздо и дороже
Лепестком рассветного костра
Просыпаться от сердечной дрожи
В доме у француза Моруа.

Что мне неба радужная бездна?
Что мне ваше море-океан?
Если головой раскинуть трезво,
Море — это тоже котлован,

Где перекипает Божья милость
Ради жизни миллионы лет...
Мне сегодня Франция приснилась —
В целом свете края краше нет!...»

В тот же миг, как лава из вулкана,
Раскатился в небе тяжкий стон.
То ревел над городом Гавана
Котлован футбола — стадион.

Мяч кручёный с полуоборота
Юниор кубинский, что есть сил,
Прямо в Триумфальные ворота
Городу Парижу засадил.

В Кохимаре закачались — клумба
И дома, стоящие окрест...
И сказал мулатке: «Вива, Куба!» —
Человек по имени Эрнест.

...В это время городу Парижу
Снился сон на утренней заре...
И кричал: «Париж я ненавижу!» —
В этом сне блистательный Андре!

«Я художник, я имею право
Видеть сердцем несказанный свет.
На фига мне мировая слава,
Если даже друга рядом нет?»

Мы б сидели с ним в его сторожке
Мощно, как вселенские столбы.
И под водку выставляли рожки
Всем великим выскочкам судьбы.

Пели песни грустные и, плача,
Утирали слёзы кулаком.
И судьбу — заезженную клячу —
Погоняли русским матерком.

Разомлев, как в жаркой русской бане,
От сердечной дружеской гульбы,
Парились в кипящем котловане
Общечеловеческой судьбы...»

Не французам вряд ли разобраться
В снах таких, хоть триста лет живи.
А французам сны такие снятся,
Говорят, к признанию в любви.

Улицы парижские дрожали.
Гасли на бульварах фонари.
Хлопали в ладоши парижане
И кричали: «Браво, повтори!»

В небеса парижские бесстрашно
Голуби срывались с мокрых крыш.
И летело с Эйфелевой башни
Эхо: «Я плевал на ваш Париж!..»

...От таких похмельных тяжких стонов
На далёком русском берегу
Задохнулся вдруг Андрей Платонов
И — остановился на бегу.

Он бежал через московский дворик
По осколкам острым босиком —
Этот неумный русский дворник
В шутовском халате с черпаком.

Аки огонь, рванув из полумрака,
Раскатилось эхо по двору:
«Ну, пострел, ужо тебе, однако,
Задницу я всё же надеру!..»

Пал с небес и дивно заискрился
Пред глазами мальчика туман...
Двор как будто в яму провалился
И — преобразился в котлован.

Не узнает убежавший мальчик,
Схоронясь за каменной стеной,
Что его кручёный звонкий мячик
По орбите пролетел земной.

Напоследок я секрет раскрою
(Ты меня, читатель мой, прости!):
Этой грустной повести герои
Разминулись в жизненном пути.

Но, однако, всё-таки замечу,
Не стесняя правды торжество:
Это я для них назначил встречу
В котловане сердца моего.

Много в Доме Герцена окошек,
Но в одно упёрся певчий луч...
Много в жизни радужных дорожек.
Будь же, мальчик, счастлив и везуч!

Примечания

1. Дом Герцена — здание в Москве на Тверском бульваре, 25, где ныне располагается Московский Литературный институт им. А. М. Горького, а в 30-е годы XX столетия жил писатель Андрей Платонов.
2. Кохимаре — предместье Гаваны, где установлен памятник Эрнесту Хэмингуэю с надписью «Он написал «Старик и море»».

КОПЬЁ СУДЬБЫ

Баллада

Сын первосвященника второго
Елфазара — мудрый Финеес
Знал судьбы мистическое слово,
Пламя низвергавшее с небес.

В тайнах высшей магии проворный,
Молнии небесные метал.
И горячий камень метеорный
Переплавил в огненный металл.

В сине-море со скалы отвесной
Выплеснул кипящее литьё.
И, ударив молнией небесной,
Огненное выковал копьё.

Вспыхнуло копьё, как луч господний.
Воздух содрогнувшийся запел.
А в глубокой мрачной преисподней
Дьявол от удушья захрипел.

Море оцетинилось свирепю.
Волны с рёвом встали на дыбы.
И раздался глас суровый с неба:
«Имя дай копью — КОПЬЁ СУДЬБЫ!»

Как зарок воспринял Божье Слово,
С грозных низошедшее небес,
Сын первосвященника второго —
Книжник умудрённый Финеес.

...Утекло воды на свете много,
Но легенда о копье гласит:
Кто возлюбит истинного Бога,
Тот любого недруга сразит.

Тем копьём пылающим священным,
Обложив врага со всех сторон,
Иисус Навин разрушил стены,
Когда город брал — Иерихон.

Тем копьём презренный римский воин
Сердце Сына Божьего пытал.
И омыт святой Господней кровью
Огненного лезвия металл.

То копье как высшую награду
Вещий князь Олег завоевал,
Когда он поникшему Царь-граду
Щит свой на ворота прибывал.

То копье заморские драконы
Испытали на себе всерьёз.
И его на русские иконы
Сам Первосвяtitель перенёс.

Тем копьём пылающим владея
В Куликовской битве, русский кмет,
Опрокинул наземь Челубея
Легендарный инок Пересвет.

Тем копьём князь благоверный Невский
Русичей на брань благословил.
И поганых рыцарей немецких
В лёд Чудского озера вдавил.

С тем копьём в сраженье под Полтавой
Пётр размазал шведские войска.
И овеял звонкой ратной славой
Русское оружие на века.

Полыхало зарево над Русью.
Гром катился в небе голубом.
И чухонец праведный Филгусий
Пред иконой бил смиренным лбом.

Грохотали пушки. Ржали кони.
Скрежетал и плавился металл.
А Святой Георгий на иконе
Огненного змия побеждал.

Багровела Божья плащаница.
Пламенел от горя скорбный лик.
Но с копьём Георгия десница
Пальцы не разжала ни на миг.

Ибо со времён творенья мира
Божий луч рассеивает мрак.
И в бою поганца-волкодира
Рубит русский воин-волкодлак.

У кого с КОПЬЁМ СУДЬБЫ ковчежец,
Тот любого недруга сразит.
Он небесной воли самодержец.
Так легенда древняя гласит.

И пока копье, как луч Господний,
В Александро-Невской Лавре спит,
Дьявол в раскалённой преисподней
От удушья тяжкого хрипит.

ВАГОН НЕКУРЯЩИХ

Баллада

Я проснулся в вагоне трамвая
В свои сорок беспамятных лет.
И, карманы понуро вскрывая,
Не нашёл при себе сигарет.

Тяжело распрямились ресницы.
Слишком долго я, видимо, спал.
Ба! Да тут всё знакомые лица.
Те, которых давно не видал.

Всех их с миром Господь упокоил.
Честь по чести я их схоронил.
А по жизни свиданье такое
И в тяжёлом похмелье не мнил.

Чтоб развеять туманы-дурманы
И в глазах прояснить Божий свет,
Я дотошно обшарил карманы,
Но опять не нашёл сигарет.

Среди рельс монотонно звенящих,
Среди жалобно стонущих шпал
Я сыграл в этот траурный ящик
И в вагон некурящих попал.

Я воскликнул: «Ребята, мы живы?
Почему так в вагоне темно?»
И ответили мне пассажиры:
«Все мы умерли очень давно.

Мы давно уже все не живые —
Те, которыми был ты любим.
Видишь раны у нас ножевые:
Это ты нас беспечно сгубил...»

И во всём солидарные с ними,
В заповедный заоблачный рай
Плыли ангелы в розовом дыме,
Помавая крылами трамвай.

Птичьим клином в свободном скольженье
Плыли ангелы в розовой мгле.
И наколка лазурная «ЖЕНЯ»
На одном красовалась крыле.

За окошком шесть ангелов плыло,
Млечных крыл распластав парусин.
Здесь, в трамвае, нас семеро было.
Кто-то явно был лишний один.

«Мрачно шутите. Я вам не верю!»
И, уже распалившись на нет,
Я тому, кто стоял возле двери,
Предложил: «Предъявите билет».

Уязвлённый моим предложеньем,
Он замкнулся в глубокой тоске.
И наколка лазурная «ЖЕНЯ»
На его заискрилась руке.

Он в ответ ничего не ответил,
Но ответили прочие с мест:
«Пассажир, вы сейчас на том свете,
Где повсюду бесплатный проезд...»

«Вы, наверное, вовсе сдурели, —
Застонал я, как филин в лесу, —
Если мне не откроете двери,
Я по кочкам трамвай разнесу!»

Возразил мне угрюмый водитель:
«Никаких остановок здесь нет.
Если вам выходить — выходите.
Всем родным и знакомым — привет!»

Я разинул гортань, как ворона.
А по телу рассыпалась дрожь,
Потому что он был на Харона
Неприступностью скорбной похож.

Он седую оправил бородку
Плавно благостным жестом руки.
И трамвай закачало, как лодку
На бурливой стремнине реки.

Среди рельс монотонно звенящих,
Среди жалобно стонущих шпал
Мне достался вагон некурящих.
Слишком долго я, видимо, спал.

В запредельном крошечном кошмаре,
Проклиная себя и тот свет,
В третий раз я карманы обшарил.
И опять не нашёл сигарет.

А тем временем траурный ящик
Проскочил на другой перегон.
И промолвил один некурящий:
«Вы не в тот угодили вагон».

И, опомнившись, в ту же минуту
Зашумели другие вослед:
«Он не только вагон перепутал.
Перепутал и время, и свет...»

И, во всём солидарные с ними,
В заповедный заоблачный рай
Плыли ангелы в розовом дыме,
Помавая крылами трамвай.

В силуэтах крылатых печальных
Было нечто от огненных стрел.
Плыли ангелы в скорбном молчанье.
Вдруг один из них тихо запел.

И в вагоне, заполненном мраком,
Подхватив чистый ангельский слог,
Безутешно ребёнок заплакал,
Как надрывный трамвайный звонок.

Резвый вспрыгнул на выручку мальчик,
Урезонить младенческий плач.
И швырнул в меня школьный задачник
Нерешённых житейских задач.

А его бесшабашный подельник
Мой студенческий бросил билет.
И сказал: «Ни культуры, ни денег
От актёрской профессии нет!»

Пассажиры оскалились хмуро.
И под яростный топот и свист
Завизжали истошно: «Халтура!
Погорелый бродячий артист!»

И под занавес гневной интриги,
Довершая мой полный провал,
Полетели в меня мои книги —
Те, которые я создавал.

Пассажиры руками махали
И кричали, от злобы пьяны:
«Ты достал нас своими стихами.
Никому они тут не нужны!»

И во всём солидарные с ними,
В заповедный заоблачный рай
Плыли ангелы в розовом дыме,
Помавая крылами трамвай.

И в вагоне, заполненном мраком,
Подводя своей жизни итог,
Я отчаянно горько заплакал,
Как надрывный трамвайный звонок.

«Вы, наверное, вовсе сдурели, —
Застонал я, как филин в лесу, —
Если мне не откроете двери,
Я по кочкам трамвай разнесу!»

А в космическом млечном тумане,
Что маячил в трамвайном окне,
Заплясали вдруг, как на экране,
Фотоснимки, известные мне.

За страницей мелькала страница.
Как во сне, пронеслась жизнь моя.
Ба! Да тут всё знакомые лица.
И на всех фотографиях — я!

Пассажиры вагона вставали,
Свою долю угрюмо кляня.
И на снимках себя узнавали,
И в себе узнавали меня.

За окошком шесть ангелов плыло,
Млечных крыл распластав парусин.
Здесь, в вагоне, нас семеро было.
Кто-то явно был лишний один.

Вдруг мужчина с наколкой «ЖЕНЯ»,
Что доселе стоял в стороне,
Проявляя своё уваженье,
Подошёл со стаканом ко мне.

Он волнение своё пересилил.
И сказал: «Извини нас, братан,
Мы здесь выпили и закусили.
Это твой поминальный стакан...»

Между нами возникла заминка.
Я пока что ещё не фантом,
Чтобы пить на своих же поминках.
Не трамвай, а какой-то притон!

Я устал в этой жуткой дороге.
И душа попросилась домой,
Где сидит на родимом пороге
Мой потерянный ангел седьмой.

Он со стаей небесной расстался.
Он домашних моих пожалел.
Он меня дожидаться остался.
Без меня улетать не хотел.

Он играет на лире, и льются
Его песни по вешней земле.
И проворные ласточки вьются,
Словно ангелы в розовой мгле.

Среди рельс монотонно звенящих,
Среди жалобно стонущих шпал
Мне достался вагон некурящих.
Слишком долго я, видимо, спал.

И тогда я проснулся-очнулся,
Погостить не успевши в раю.
И на землю родную вернулся.
Вот теперь перед вами стою.

Только вы обо мне как о чуде
Не спешите взахлёб говорить.
Если есть на земле ещё люди,
Дайте кто-нибудь мне закурить.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Валерий Михайлов. Неминучий поэт</i>	3
Богатырская песня.....	19
«На крестный престол, на небесный простор...»	22
«Окошка сумрачный квадратик...»	23
«Привет вам, цветы полевые...»	24
«Небо начинается с земли...»	25
Кремлёвский обед	26
«Безмолвствует затравленная челядь...»	28
Братки.....	29
«Окно всегда считалось ликом...»	30
«Читал мои стихи и плакал...»	31
«В этом мире Праздник Солнца...»	32
«Сизый месяц за млечную тучку нырнул...»	33
«Ну, что дружок, продрог?...»	34
«Когда полночные снега...»	36
Ясак	38
«Рванул из отчих берегов...»	39
«Закатилось за осинник лето...»	40
«Русь взрастила меня, меня поит и кормит...»	40
«Поговори со мной, ворона...»	41
«Это дерево лежало...»	42
Памяти Юрия Кузнецова	44
«То было во время далёкое оно...»	46
«Вышел и бросил стихи на дорогу...»	49
«Покуда звуки лютни...»	50
«О, эта русская рулетка...»	51
«В аду на коленях у главного чёрта...»	52
Мастер	54
«Когда ночь над московским Кремлём...»	56

«В этой роще нечистая сила...»	57
«Говорю я ему: «Не клонись на зарю»...»	58
«Ты куда, душа, ходила?...»	59
«В пору юности радужной вольной...»	60
«Над вселенской бездною...»	61
«Коротка из рая в рай дорожка...»	62
«Вот он — занавес эпохи...»	62
«Когда рождается поэт...»	63
«О Тютчеве стихи писал...»	64
Зарево любви	65
Под Салтановкой. 1812 г.....	68
«В землю молнию вбивая...»	70
Он	71
«Нет победителей в бою...»	71
Сура и Самара.....	72
Дирижёр	74
«Я пролетел семь тысяч вёрст...»	75
«Долой — ботинки, куртка, кепка...»	76
Здравица	77
«В светлый полдень на пароме...»	78
«Расскажи мне про речку Китой...»	79
«Месяц плывёт молодой...»	80
«Уснул я у самого края...»	81
«Заметался по рекам...»	82
«Ласточка-касаточка, сельская жилища...»	84
«А люди, как в лучшее время...»	85
«Городская ласточка — воронок...»	86
«Среди небесной сини...»	87
«На изломе двух веков...»	88
«Туча вздыбилась хмуρο...»	90
<i>Юрий Перминов. От Христовой росы</i>	92
«Завариваю чай с малиной...»	106
«Август — конь в яблоках, конь синегривый...»	108
«...А конь летел, закинув морду...»	108
Сонет.....	109

«Под церковной гулкой крышей...».....	110
На малой родине Валентина Распутина	112
Иванов	113
Свет златокопящий	114
«От распутинской баньки...».....	117
«Опять блокадой и осадой...»	118
«...А росы на рассвете — капли крови...»	118
«Соберу я неба полные горсти...».....	119
«И всё же я верю, что мир не бездарен...»	120
«День соткан из солнечных сот...»	122
Защитники Отечества	124
«Самара — ночная жар-птица...»	125
«Покуда вертятся планеты...»	126
«Меня придумала родня...»	127
«И жеребцы строптивные гнедые...»	128
«Русь на голову большая...».....	129
«Господь сказал: «Все люди — братья...»	129
«Человек-простолудин...»	130
«Я врагов принимаю с любовью...»	130
«Да здравствует Дмитрий Медведев...»	131
Крестный ход	132
Холодец	134
Артист.....	136
Подвал	138
Отец.....	139
Флейта.....	140
Гудок.....	141
Гость	142
Не свисти!	144
Подорожная.....	145
«Припадал небритою щекою...»	146
Песня	147
Горе.....	148
Серафим.....	149
Знаки	150
Поэт	151
Виденье	152

Только и всего.....	153
Падежи	153
Привет	154
Признание	155
Ящер	156
«Уйду с головой в небеса...»	157
«Что нам с тобою считаться...»	158
Лодочник	159
Сон.....	160
Плач.....	161
Падший ангел.....	162
Напасти.....	162
Печаль.....	163
Драма.....	163
Спасибо.....	164
Прошлогодний снег	164
Рождественский снежок.....	165
Расхожее слово	165
Хандра	166
Смутное время.....	167
Колдунья.....	168
Застрешный	169
Бесы	170
Неразумные мысли	171
Не верю.....	172
Звёзды	173
«Снег спускался с небес осторожно...».....	173
Праздник	174
«Над платформой «Липяги»...»	175
«Собаке снится речка, не иначе...»	176
«Примеряет заяц шубу...».....	177
«Ты глядишь на меня исподлобья...»	178
«Старая лошадь устала...»	179
«Солнце макушкой покатой...»	180
«Стисну зубы — и молчок...»	181
«— Серебристая дорожка...».....	182
«Мой ангел, не вечно сиротство!...»	183

Содержание

«Я замираю виновато...»	183
«Где же тот мальчик ушастый?»	184
«Простужусь, охрипну, заболēju...»	185
«У крылечка мечется подранок...»	186
«Не ждали, не думали — нате!»	187
«Целуемся с тобой в подъезде...»	188
«В нашей разноликой коммуналке...»	189
«Вы меня уже не вспомните...»	190
«Ходит голубь по карнизу...»	191
«Две женщины с одной судьбой...»	192
«Опять дождевые плащи...»	193
«Человек упал среди дороги...»	194
«Как из дикого смертного боя...»	195
«Дерзкая, как наваждение...»	196
«Нашу улицу пересекает...»	197
«Не знает странствующий снег...»	198
«Утопая в тумане по поясу...»	199
«У сопки таёжный посёлок...»	200
«Небеса раскачивая мерно...»	200
«Прозрачный осенний покой...»	201
«В стороне моей тихой, заветной...»	201
«Опять сиротеют деревья...»	202
«Он стоял на углу возле булочной...»	203
«Укатил, уехал поезд...»	204
«Ему бы жить в железном веке...»	205
Литерный эшелон.....	206
«Спит народ, как солдат на ходу...»	208
Фрося.....	209
«В парадных военных расчётах...»	210
«— Почто схвал печаль свою...»	212
Отцы и дети	213
«Полк расформирован. До свиданья...»	214
«Сосед уехал на войну...»	215

Александр Нестругин.

«Дай мне самому её пройти...»	216
-------------------------------------	-----

Содержание

Красный кречет. <i>Поэма</i>	232
Аргуван. <i>Поэма</i>	248
Бабушка-Пенза. <i>Баллада</i>	261
Шапка. <i>Баллада</i>	264
Баллада о мячике. <i>Баллада</i>	267
Копьё судьбы. <i>Баллада</i>	273
Вагон некурящих. <i>Баллада</i>	276

Литературно-художественное издание

Евгений Николаевич Семичев

ВОИТЕЛИ ФОРТУНЫ И СУДЬБЫ

Стихи

Книга издана
за счёт средств бюджета Самарской области

Корректор — *Алексей Сыромятников*

*В книге использована графика
члена Союза художников России В. Боброва*

Издание подготовлено издательством

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,

телефон (846) 333-48-01

Подписано в печать 03.09.2012. Формат издания 84х108/₃₂.

Объём 15,12 печ.л. Гарнитура Georgia. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Тираж 700 экз.

Отпечатано в типографии издательства ООО «Книга»
г. Самара, ул. Песчаная, 1, офис 310, телефон (846) 267-36-82